

А. А. СЕЛИН

Новгородское общество эпохи Смуты

<http://nwae.spb.ru/?0-314>

Материал предоставлен автором и размещен на сайте Северо-Западной археологической экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. профессора Г.С. Лебедева НИИКСИ СПбГУ

<http://nwae.spb.ru>

Глава 5. Общественные группы Новгорода начала XVII века

Озаглавив книгу «Новгородское общество в эпоху Смуты» и даже указав во введении, что рассмотрению будут подвергнуты только социально активные группы, сделаю еще одну оговорку. Разумеется, не менее, а иногда более активными участниками новгородской жизни, чем служилые люди, были также гости и купцы, многие посадские люди, занимавшие городские должности (целовальников, пятиконецких старост), церковники. Это может считаться заведомым недостатком выносимого на суд читателя труда. В то же время, когда приходится говорить о представителях служилого сословия, в особенности — служилых людей по рождению, большая часть из них оказывается вне поля зрения. Неизвестен состав дворов многих людей, о которых я пишу. Несомненно, борясь за оклады и подавая челобитные о поместьях, они преследовали и интересы своих домочадцев. Так, во дворе дьяка Семена Лутохина в августе 1614 г. жило 40 человек¹, среди которых, видимо его родственники, чьи имена исчезают из источников с началом Смуты². Сколько было таких «клиентов» во дворах других «сильных» в Новгороде людей, сказать сложно. Позднее многие из них окажутся на государственной службе после возвращения Новгорода под власть московских царей.

Для новгородского служилого человека начала XVII в. жизненно важным было поместное обеспечение, которое было гарантировано государством дворянам и детям боярским через систему поместных окладов. Приказные служащие были верстаны денежным жалованьем. Но в Новгороде начала XVII в. можно наблюдать опыт замены годового денежного жалованья подьячим поместьем в соотношении 1 рубль за 10 четвертей поместной земли. Для софийских детей боярских поместное обеспечение гарантировалось митрополичьими вотчинами. Однако при смене владыки софийские помещики должны были получать новую жалованную грамоту (откуда и составились сборники поместных грамот). Такие же грамоты владычные помещики должны были получить и после возвращения Новгорода в марте 1617 г. под власть Москвы, несмотря на то, что митрополит Исидор скончался только в 1619 г.

Состав новгородского служилого люда в XVI–XVII вв. был пестрым. При этом социальная мобильность новгородцев, особенно в рассматриваемую нами эпоху, была достаточно высокой. Престижность тех или иных способов службы колебалась в

---

¹ Челобитная дьяка Семена Лутохина о даче ему поместного или денежного жаловаья. 1614. 1.08 // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 10, 7.

² Возможно, многие такие «потерянные» члены семей новгородских служилых людей — это достигшие возраста службы, но по каким-то причинам неженатые дети боярские. О женитьбе как о шаге в направлении повышения статуса у немецких чиновников XVI–XVII вв. писал К. А. Левинсон (*Левинсон К. А. Бюрократия немецкого города XVI–XVII вв. М., 2000. С. 159–160*).

зависимости от политической ситуации. Е. И. Кобзарева обратила внимание на падение престижа дворянской службы по отношению к приказной в Новгороде 1612–1617 гг.³ В недавней работе Т. А. Лаптева отметила, что в те же годы у тех, кто оказался на стороне Москвы, напротив, именно дворянская воинская служба оставалась более престижной, чем какая-то иная⁴. Известны также данные о стремлении многих представителей дворянства оказаться в составе приказной группировки. Так, в 1612 г. местным подьячим Судного приказа стал Тимофей Федорович Одинцов, сын Федора Афанасьевича Одинцова, назначавшегося в начале XVII века на посты острожного головы и воеводы⁵. Однако после возвращения Новгорода под власть Москвы многие новгородцы, подвизавшиеся в 1611–1617 гг. на подьяческой службе, вновь верстаются поместными и денежными окладами и возвращаются к службе военной⁶.

Члены Государева двора и другие иногородние в Новгороде

Новгород эпохи Смуты, каким он предстает из материалов архива, не был закрытым городом. В разное время в нем волею судеб оказывались члены Государева двора (один из которых — боярин князь Иван Никитич Большой Одоевский, займет в начале 1611 г. роль фактического правителя города), думные люди дворов разных царей — Василия Шуйского, Лжедмитриев I, II и III, Владислава Сигизмундовича, казачьи атаманы и стрелецкие сотники, приходившие в Новгород с посланцами тех или иных правительств, городовые дворяне из разных городов Московского государства. Среди людей, принятых на службу в Новгороде, переводчики Ганс Бракиль (Анца Брякилев), Бажен Иванов и

³ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

⁴ Лаптева Т. А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстание в дети боярские представителей других сословий) // ОИ. 2003. № 5. С. 81–96.

⁵ Такая тенденция набора подьячих из низших рангов дворян и детей боярских была прослежена Н. Н. Оглоблиным довольно подробно в центральных уездах Московского государства в середине – второй половине XVII в. (Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 219–227).

⁶ Григорий Постников сын Якимов в 1612–1616 гг. был рассыльщиком новгородского Поместного приказа. По верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 300 четвертей и 9 рублей с городом (Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 68). Фаддей Федоров сын Змеев в 1612–1616 гг., как правило, выполнял службу пристава, по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Григорий Васильев сын Брянцов при шведах — рассыльщик Поместного приказа; по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Его брат Мокей, служивший в 1611–1613 гг. кормовым сборщиком, в 1621 г. — городской сын боярский с окладом в 650 четвертей и денежным окладом 19 рублей из четверти (Там же. Л. 19).

Олфер Северов⁷, «нововыезжие» польские паны, поверстанные поместным окладом.

С каждым из вновь назначаемых воевод в город прибывали представители московского дворянства. Зафиксировано, что с приездом кн. М. В. Скопина-Шуйского в Новгороде оказались Яков Дашков, Иванис Адауров и Федор Чулков⁸. Осенью 1610 г., при новой смене власти вместе с Иваном Салтыковым в Новгород прибыли опять Яков Дашков и Матвей Муравьев (последний был новгородцем, сидевшим в Москве в осаде от Тушинского вора⁹. С февраля–марта 1611 г. шел интенсивный приток в Новгород представителей подмосковного ополчения¹⁰.

При этом наблюдается известная особенность: многие из отправляющихся в Новгород с тем или иным воеводой выборных и московских дворян были и ранее связаны службой с Новгородом.

Вместе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским в Новгороде оказался И. Н. Ржевский, трагически погибший летом 1611 г. в подмосковных казацких таборах. В 1609 г. он был послан в

---

⁷ Происхождение Олфера Северова темное. Возможно, именно его, выходца-латыша Оллуйку Северова, 20 сентября 1600 г. подьячие новгородского Дворца Первой Карпов и Семейка Михайлов должны были устроить на пашне в дворцовых селах (Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель – 1601, июль // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 270–308). Согласно исследованиям Д. В. Лисейцева, О. Северов родился в Немецкой слободе в Москве и уже в 1604 г. перевел для Посольского приказа грамоту короля Карла IX (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Ч. 2. С. 360*). Новгородцы, сообщая в Дедерино послу Д. И. Мезецкому о событиях в Новгороде, так говорили о Северове: «Ино ведают немцы, что его праздник, да и тому Иверн Горн и Монша смеялись, что он сам толмача Олфера провожал, а он веть некрещеной был, все ведают, что на Москве он родился в Кукуе, а некрещен, а мать и братья его и ноне на Москве, да и сам он про него говаривал со мною, что он некрещен, али будет того забыл» (Посольство кн. Д. И. Мезецкого с товарищами. Часть 2. 1615, сентябрь // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 9. Л. 220).

⁸ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850.

⁹ Два донесения польскому королю Сигизмунду III и сыну его Владиславу Сигизмундовичу от боярина Ивана Салтыкова из Новгорода: о всех происшествиях, случившихся с ним по вступлении в Новгородскую область для приведения жителей к присяге королевичу Владиславу; о бывшей близ Пскова битве между Просовецким и Лисовским, с прошением о выводе всех королевских войск из утвержденных в верности тамошних областей, неприятельски поляками разоряемых и утесняемых; о приведении им новгородцев к присяге на верность королевичу, об отправлении ратных людей в Псков, Ивангород, Яму, Копорье и Орешек для принуждения жителей тех городов к равномерной покорности и о скорой присылке в Польшу собранных с тамошнего края денег. 1610. 17.11 // СГГД. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452–463.

¹⁰ Последнее обстоятельство рассмотрено мною в специальной статье: *Селин А. А. Политическая жизнь и Государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. Nr. 1. P. 149–157.*

Ладугу встречать вспомогательное шведское войско¹¹. Однако еще в 1601/02 г. Ржевский был в Новгороде с ответственной миссией хлебной раздачи (в годы голода!)¹². Возможно, по Новгороду служили его родственники: в 1586 г. известен Матвей Никитин сын Ржевский, сын боярский Шелонской пятины¹³.

Иван Михайлович Салтыков в 1610 г. оказался в Новгороде далеко не впервые. Пятью годами ранее он выехал к отцу, служившему в Ивангороде воеводой и проводившему осенью этого года верстание детей боярских Шелонской и Водской пятин¹⁴. Тремя годами ранее М. Г. Салтыков встречал в Ивангороде датского королевича Ганса, в 1607/08 г. служил на воеводстве в Орешке. Надо предполагать, что Салтыков имел какие-то знакомства и связи на Северо-Западе, полученные в более раннее время.

То же, видимо, можно сказать и о кн. С. Г. Звенигородском, тушинском боярине и дворецком, оказавшемся в Новгороде весной 1611 г. в качестве одного из представителей Подмосковного ополчения. При Борисе Годунове с февраля 1599 г. он служил первым воеводой в Копорье¹⁵, продолжал служить там же и в 1600/01 гг.¹⁶, был смнен 25 января 1601 г.¹⁷, но в 1607 г. был вновь назначен воеводой в Копорье¹⁸.

Часть представителей московского дворянства, оказавшись в Новгороде, в дальнейшем там и оставалась, занимая видные посты в структуре управления. Таков Третьяк (Семен) Семенов сын Якушкин. В 1588/89 гг. он — выборный дворянин по Вязме с окладом в 500

¹¹ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 2.

¹² В составе Киевского списка Разрядной книги 1564–1604 гг. (НБУВ. Ф. I. № 5579. Инв. № 19504), под 7110 г.: « Того году послан в Ъвангород хлеба роздовать Олексей Фомин Третьяков да Иван Микифорович Чепчюгов. А в Новгород послан Иван Микитин Ржевской да дьяк Нечай Федоров. А во Псков послан Тимофей Лазорев да дьяк Иван Палицын» (Цит. по: *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII века. М., 2005. С. 334–335).

¹³ Платежная книга 1586 г. погостов Зарусской половины Шелонской пятины // Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1908. Т. 2. Ч. 2. С. 522–523.

¹⁴ Из умолотных книг Полянской волости 1605 г. // Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI – XVII вв. Л., 1924. С. 132–134.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 78

¹⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 102; Дело о трех беглых латышах. 1600, апрель // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 267–269.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 112; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 2. Ч. 1–2. С. 185

¹⁸ Письмо к воеводе Копорскому князю Семену Григорьевичу Звенигородскому, от шведского фельдмаршала и Выборгского ландсгевдинга Акселя Риниинга просительное, о свободном пропуске шведских войск, по обещанию российских послов, чрез Российскую область, для учинения полякам отпору в нападении на Лифляндию, и о даче оным войскам за наличный платеж съестных припасов // Реестр грамотам шведского двора // ДРВ. 1782. Ч. 2. № 19. С. 57.

четвертей¹⁹. В 1590/91 гг., в годы русско-шведской войны он служит стрелецким сотником в Ивангороде²⁰. Через десять лет, в 1602–1603 гг., мы вновь находим Третьяка Якушкина среди выборных по Вязьме, но уже с окладом в 750 четвертей (в Новгороде того времени столь высоких окладов не было). Тогда Якушкин назначается на ответственную службу в Путивль²¹ (а годом ранее он служит воеводой в другом южном городе, Валуйках)²². Однако, когда в Новгород воеводой был послан кн. М. В. Скопин-Шуйский, мы вновь находим там Т. С. Якушкина. На распродаже имущества убитого М. И. Татищева он купил «полог полотнян пошовной, каймы шиты шолком черным, ветчан»²³. Не покинул Якушкин Новгород и в ходе бурных политических коллизий 1610–1611 гг. В городе в это время оказалась и его семья. В марте 1612 г. Третьяк Якушкин бил челом новгородскому правительству о пожаловании ему денег на погребение умершей 19 марта жены. В челобитной он указал на свою бедность: «нит ни хлеба, ни соли и нит единые денги, а яз, государи, человек заезжий, и не пожалованной, безпоместной». В это время младший Якушкин, Иван Третьяков сын, был послан в Швецию²⁴. По возвращении сына, 1 марта 1613 г., Третьяк Якушкин купил дом «на Михайлове улице, меж дворов Семена Лутохина и Александро-Свирского монастыря», близ двора Спасского Старорусского монастыря²⁵, а в 1613/14 г. он был назначен новгородским судьей²⁶. Более позднее, относящееся к 13 сентября 1614 г., известие о Якушкине сообщает о краже у него судна — соймы, зимовавшей под его поместной пустошью неподалеку от устья Шелони²⁷. По всей видимости, Якушкин относился к верхам новгородского общества в последние годы режима Делагарди—Одоевского. Между 7 ноября 1615 г. и 30 мая 1616 г. в числе наиболее зажиточных новгородцев, отказавшихся от присяги Густаву Адольфу

¹⁹ Боярский список 1588–1589 гг. // Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 203–248

²⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 456.

²¹ Боярский список 1602–1603 гг. // Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 258–291.

²² Разрядная книга 1550–1636 г. М., 1975. Т. 2. Ч. 1–2. С. 193.

²³ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 7.

²⁴ Челобитная Третьяка Якушкина о даче ему денег на погребение и на помин жены. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:288. Л. 9.

²⁵ Купчая на дом. 1613. 1.03 // АЮБ. Т. 2. № 148. VIII. Ст. 390–391.

²⁶ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 5.

²⁷ Челобитная Третьяка Якушкина королевичу Карлу Филиппу о том, что зимовавшее у него под пустошью судно — сойму украли крестьяне дворцового села Голина. 1614. 13.09 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 8.

(среди которых были дьяк Семен Лутохин, митрополичий приказной Степан Спячий и другие), Якушкин уплатил в Новгородскую казну чрезвычайный платеж в 50 рублей²⁸.

Возможно, большое число астраханских детей боярских и стрельцов в Новгороде 1610–1611 гг. связано с событиями более раннего времени. Астраханские стрельцы осенью 1591 г., в связи с развернувшимися боевыми действиями со Швецией, в частности — с попыткой занять Нарву, вместе с головой Иваном Кашкаровым оказались в Новгороде²⁹. В 1591/92 г. астраханский стрелец Михалко Михайлов зарезал попа церкви Михаила Архангела из Земляного города Ивана³⁰. В 1610–1611 гг. в Новгороде находились 16 астраханских детей боярских и стрелецких сотников. Они участвовали в осаде Ладоги зимой 1610/11 г. Но ни один из астраханцев не упоминается после 16 июля 1611 г. Видимо, все они ушли на восток, к Торжку и далее к Москве вместе с В. И. Бутурлиным и Л. А. Плещеевым.

Сведения о людях эпохи Смуты крайне противоречивы. О многих участниках событий того времени исследователи пишут очень вольно. Пример тому судьба дьяка Афиногена Голенищева.

В указателе С. Б. Веселовского о дьяке Афиногене Голенищеве, находившемся в Новгороде накануне событий 4 (?) июля 1611 г., говорится, что тот «умер в воровских таборах». Веселовский здесь ссылается на слова Ивана Плещеева, просившего в октябре 1611 г. у правительства королевича Владислава поместья покойного дьяка в Ярославском уезде³¹. Однако совершенно определенно известно, что Голенищев погиб при взятии Новгорода шведами и ни в каких «воровских таборах» не участвовал, получив пять ведер вина из Новгородского винного погреба 2 июня 1611 г.³²

Другим примером может служить фигура Василия Бутурлина. Исследователи часто путают трех Василиев Бутурлиных. Самый важный — чашник Василий Бутурлин, верный сторонник Шуйского, в феврале 1611 г. посланный от Подмосковного ополчения в Новгород и возглавивший переговоры с Делагарди, но в итоге их проваливший. После штурма Новгорода шведами Бутурлин ушел из города, ограбив торговые ряды и позднее,

²⁸ Роспись денежных доходов с Новгородского посада // RA, NOA. Serie 2:357.

²⁹ Указная грамота царя Федора Ивановича в Новгород стрелецкому голове Ивану Азарьевичу Кашкарову о выступлении со стрельцами в Торжок, раздаче стрельцам денежного жалованья и пребывании в Торжке до снятия застав от морового поветрия. 1593. 15.02 // Акты Юшкова. № 257.

³⁰ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам и запискам и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и с управных дел и холопым книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 281–281 об.

³¹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 120.

³² Сборник памятей о выдаче вина // RA, NOA, serie 2:124. Л. 158.

вместе с Леонтием Вельяминовым, разорив часть восточных областей Новгородской земли. В те же годы действовал Василий Федорович Бутурлин Клепик, заслуженный новгородский сын боярский, участник боевых действий под Ладогой в начале 1611 г. на стороне Ивана Салтыкова³³, а в ноябре того же 1611 г. штурмовавший Ладогу вместе со шведским полковником Клаусом Слангом³⁴. После взятия Ладоги надолго занял пост русского воеводы этого города. Однако их обоих часто путают с Василием Васильевичем Бутурлиным, юношей, взятым шведами в плен в 1614 г., после очередного падения Гдова, вывезенном в Швецию, поступившим там на службу и достигшим чина ротмистра³⁵. Эту же ошибку, путая чашника Василия Ивановича Бутурлина с Бутурлиным-гдовичем, делает новейший комментатор к запискам Н. Мархоцкого Е. Куксина, утверждая, что В. Бутурлин «в 1613 был направлен с войском к Новгороду, попал в плен к шведам при взятии Гдова. Поступил на службу в шведское войско, с 1649 г. подполковник»³⁶. Несомненно, эти сведения относятся к юному В. В. Бутурлину. В публицистической и поэтому лишенной научного смысла статье В. Лилеева, вышедшей в 1940 г., Василий Бутурлин (чашник) однозначно именуется изменником³⁷. В работе П. В. Седова, в которой исследуется захват шведами Новгорода, такая точка зрения корректируется: ученый справедливо отмечает, что В. И. Бутурлин умер в 1614 г., при отступлении войска кн. Д. Т. Трубецкого от Бронниц³⁸, но в то же время он утверждает, что на сторону шведов перешел В. Ф. Бутурлин. Неясно, имеет ли П. В. Седов в виду службу Новгородскому государству В. Ф. Клепика Бутурлина или он вновь путает его с юным В. В. Бутурлиным, так как из всех трех упомянутых нами Бутурлиных, на службе шведским королям после

³³ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 105–106.

³⁴ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // РА, NOA. Serie 2:351. Л. 31–71.

³⁵ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 18–19. Дж. Линд считает юного В. В. Бутурлина представителем одной из знатных ветвей рода, так как он находился под прямой протекцией короля. Это маловероятно: в Гдове находились лишь помещики Гдовского уезда и соседних погостов Шелонской пятины. В начале XX в. комментатор документов из семейного архива графов Делагарди архивариус Юрьевского университета Г. Саблер предположил, что юный В. В. Бутурлин — сын чашника В. И. Бутурлина, что неверно (Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. С. 54, прим. 29).

³⁶ Мархоцкий Н. История Московской войны / Пер., введ. ст., комм. Е. Куксиной. М., 2000. С. 141–142.

³⁷ Лилеев В. Шведская интервенция начала XVII века // ИЖ. 1940. № 1. С. 108.

³⁸ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Т. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127.

1617 г. оказался только юный Василий Васильевич Бутурлин³⁹, а Клепик Бутурлин служил шведам только в том смысле, что осенью 1611 г. участвовал вместе с другими новгородцами в осаде Ладоги, а после занятия этой крепости исполнял в 1612 г. должность ее русского воеводы. Замечание же П. В. Седова о том, что все источники новгородского происхождения именуют В. И. Бутурлина изменником, неудивительно: для правительства Одоевского—Делагарди разграбивший новгородские торговые ряды и разоривший район Устрецких волостей В. И. Бутурлин несомненно представлялся политическим противником (что, собственно, признает и П. В. Седов). В. Г. Вовина-Лебедева, пытаясь объяснить позитивную трактовку Новым летописцем личности Ф. И. Бутурлина и негативную – личности чашника В. И. Бутурлина, склоняется к тому, что во время создания памятника среди служивших в составе Государева двора Бутурлиных в 1630-е годы существовали разные кланы. Некоторая неточность исследовательницы заключается в том, что, среди Бутурлиных 1630-х годов она упоминает Василия Никонова сына Бутурлина, чей отец, Никон Федоров сын, в годы Смуты пробился в московский спик; родство его с чашником В. И. Бутурлиным следует оценить как весьма дальнее⁴⁰.

Еще один московский дворянин, оставшийся в Новгороде после 16 июля 1611 г., — Федор Васильевич Бутурлин. Когда в городе установилось правительство кн. И. Н. Большого Одоевского и генерала Я. Делагарди, к октябрю 1611 г. Ф. В. Бутурлин получил поместье в Карачуницком погосте Шелонской пятины, выделенное из дворцовых сел⁴¹. 25 декабря 1611 г. он подписал приговор об отправке в Стокгольм посольства Юрьевского архимандрита Никандра с предложением престола одному из шведских принцев⁴² и сам в составе дворян посольства (другими дворянами были новгородцы Полуэкт Матвеевич Колычев и Михаил Борисович Боборыкин), с дьяком Третьяком Копниным и гостями Степаном Иголкиным и Иваном Харламовым отправился к Карлу IX⁴³. Чин московского дворянина, вероятно, придавал посольству архимандрита Никандра большой авторитет. Как и другие участники посольства, он был на обратном пути захвачен казаками и 4

³⁹ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре»... С. 18–19.

⁴⁰ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 289–290.

⁴¹ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 33; Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 189–190.

⁴² Приговор новгородского митрополита Исидора, воеводы кн. Ивана Никитича Большого Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными для предложения Российского престола одному из шведских принцев. 1611. 25.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 162. С. 283–285.

⁴³ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 21.

апреля 1614 г. доставлен в Москву⁴⁴. Его же новгородское поместье было пожаловано кн. Ивану Афанасьевичу Мещерскому⁴⁵.

Новгородцы — дворяне и дети боярские

Новгородские дети боярские представляли собой довольно разнородную группу. Общеизвестно, что правительство само проводило довольно сложную стратификацию дворянских корпораций. В основе ее лежало установление поместного и денежного оклада. С начала XX в. обсуждается проблема соотношения городских детей боярских и четвертчиков. Еще Л. М. Сухотин писал: «Я полагаю, что преимущество четвертного жалованья перед жалованьем с городом состояло главным образом в том, что оклады четвертного жалованья увеличивались по мере службы четвертчиков, между тем как оклады получавших деньги с городом были ограничены предельным 14-рублевым окладом»⁴⁶. Позднее проблема соотношения между городскими детьми боярскими, получавшими денежное жалованье из четверти и «с городом», рассматривалась в работах А. Л. Станиславского и А. П. Павлова. По мнению К. Ю. Ерусалимского, поддержавшего мнение Андре Береловича, «выплаты денежных жалований московским и провинциальным дворянам, и выводы Андре Береловича позволяют по-новому, хотя и в развитие наблюдений Р. О. Крамми, представить русскую финансовую систему XVII в.: назначение денежной «подмоги», как и борьба за оклады, было в первую очередь фактом престижа, а не благосостояния. За сами выплаты служилым людям приходилось бороться по пять лет и часто более; естественно, многие дворяне сталкивались в повседневности с штрафами и долгами. Обособление от престонородья и от других знатных родов также происходит обычно по более или менее явным схемам»⁴⁷. Однако в Новгороде после 1611 г. не известно ни об одной денежной раздаче детям боярским. Ни в одном деле не сделано выписки о денежном окладе челобитчика. Все производившиеся раздачи того времени — хлебные. Они никак не соотносились с размерами окладов. Вероятно, этот уровень стратификации дворянства в годы Смуты здесь временно потерял свою актуальность.

Однако размеры поместных окладов новгородцев начала XVII в. действительно могли считаться фактом престижа, тем более что они крайне редко реализовывались в поместных дачах. Сам принцип поместного обеспечения, лежавший в основе службы

⁴⁴ Перечень посольства юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм, захваченного по дороге обратно и отправленного в Москву. 1614. 4.04 // РГАДА. Ф. 96, 1614. Д. 4. Л. 4–5.

⁴⁵ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1.C. 43.

⁴⁶ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. XV.

⁴⁷ *Ерусалимский К. Ю.* Долгий XVII век в России: антропологическая перспектива // Русский журнал. 2003 (www.russ.ru/krug/20030520_erus.html).

детей боярских, на поддержание которого были направлены невероятные усилия бюрократии, видимо, стоит рассматривать не как эффективно функционирующую систему, направленную на баланс сил в организации содержания войска, но скорее как своего рода мину под государством. Мне близко мнение Р. Хелли о том, что реформирование войска Иваном III и образование сословия помещиков было минутной уступкой великого князя военной касте⁴⁸, которая давала о себе знать вплоть до XX в. В то же время именно такая уступка уже в XVI в. сформировала ту этику служилого человека, о которой писали в последнее время В. Н. Козляков, О. Е. Кошелева, И. Л. Андреев, М. По⁴⁹. При этом крайне неверное представление о новгородских служилых людях содержится в работах Е. И. Кобзаревой. По ее мнению, в Смутное время они исповедовали принцип: «служу тем, кто может обеспечить поместным жалованьем... если условия не удовлетворяют — мщу вчерашнему государю»⁵⁰. Новгородские дворяне не были наемниками. Их связь с городом, с поместьем, с семьей была гораздо сильнее. Каждый отъезд — это мучительное решение для новгородца.

Смутное время раскидало новгородцев по разным фронтам гражданской войны. Новгородец Бежецкой пятины Иван Афанасьевич Плещеев в начале сентября 1611 г. подал в Москве челобитную на имя царя Владислава о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского, скончавшегося в 1610/11 г. в Новгороде⁵¹. Вскоре он бил челом о поместье в Ярославском уезде. В челобитной И. А. Плещеев указал, что был арестован в Новгороде после того, как его брат Лев (известный кравчий Владислава Лев

⁴⁸ *Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.*

⁴⁹ *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 226–230; Андреев И. Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 13–20; Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М. Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 223–226; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соиск. учен. степени доктора истор. наук. СПб., 1999.*

⁵⁰ *Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации Новгорода (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 116.*

⁵¹ [Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского в Бежецкой пятине. 1611, сентября 6–25] // Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 92–93.

Афанасьевич Плещеев) отправился в посольство под Смоленск, и находился в тюрьме вплоть до присяги новгородцев царю Владиславу Сигизмундовичу. Вскоре после этого И. А. Плещеев уехал в Москву и сидел в осаде вместе с войсками Гонсевского⁵².

Иной пример перипетий службы дает судьба сына боярского Шелонской пятины Докучая Власьева сына Харламова. Он рядом со своими братьями Иваном и Максимом исправно служил в Новгороде в 1611–1613 гг. Еще 5 июля 1613 г. он привез в Новгород деньги из Порхова⁵³. Однако вскоре он оказывается на стороне Москвы (видимо, вместе с другими порховичами во главе с Иваном Крюковым осенью 1613 г. бежит во Псков). 28 февраля 1614 г. ему было поручено провожать плененное на дороге из Стокгольма в Новгород посольство архимандрита Никандра из Пскова к Москве. 4 апреля 1614 г. Докучай Харламов вместе с посольством приехал в Москву⁵⁴. Однако уже в октябре 1614 г. он снова находится на службе в Порхове, вместе со Степаном Пустошкиным отписывая хлеб из поместий детей боярских, «отъехавших» из Порхова к Москве, видимо, одновременно с самим Докучаем⁵⁵.

В некоторых деревнях доживали свой век участники Ливонской войны, причем ее первого этапа. Таким был Илья Филиппов сын Корсаков. В годы перемирия с Речью Посполитой 1570–1572 гг. он владел поместьем в присоединенном к Московскому государству Нещердском уезде. После оставления Нещерды И. Ф. Корсаков получил в сентябре 1572 г. поместье в Лядском погосте Шелонской пятины⁵⁶, а 7 августа 1576 г. получил поместье в Никольском Пшегужском погосте Обонежской пятины⁵⁷, затем в других погостах Обонежья. Илья Корсаков продолжал жить в своих обонежских деревнях и в марте 1612 г.⁵⁸

⁵² Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье в Ярославском уезде // Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 93–95.

⁵³ Приходно-расходные книги за приписью дьяка Андрея Лыцова. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:104. С. 81–82.

⁵⁴ Роспись имущества участников посольства архимандрита Никандра, доставленных в Москву. 1614, около 4.04 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10.

⁵⁵ Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

⁵⁶ Ввозная грамота Илье Филипову сыну Корсакову на поместье в Лядском погосте. 1572, сент. (без конца) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 21–22, 27 об.; Роспись поместьям нещерцев Корсаковых. 1572. 10.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 33–38 об.

⁵⁷ Отдел сыном боярским Иваном Степановым сыном Борановым Илье Филипову сыну Корсакову поместья, бывшего за Григорием и Игнатием Колычковыми в Никольском Пшегужском погосте. 1576. 7.08 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 35–38 об.

⁵⁸ Книги дозорные Никольского погоста с Ояти Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 21.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 55–63 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 313); Дозорные книги Михайловского Гедевского погоста Ивана

Пример службы неграмотного, но умудренного ратным опытом воина дает судьба Степана Андреева сына Пустошкина. Он известен среди помещиков Щепецкого погоста в 1571 г., получив поместье незадолго до этого описания пятины⁵⁹. В 1611/12 г. его поместный оклад составлял 550 четвертей⁶⁰. 25 декабря 1611 г., явно для военных целей, С. А. Пустошкин купил гнедого мерина⁶¹. 30 июля 1612 г. он бил челом о пожаловании за службу и полученные раны. В челобитной писал, что в столкновении с псковскими ворами у деревни Требехи он командовал немецкими и русскими людьми, ходившими на псковичей из Порхова, «и воров розгромил, а иных побил, и языки послали к вам, великим боярам, в Великой Новгород». После этого псковичи осадили Порхов, и Степан Пустошкин командовал «немецкими» и русскими людьми, вышедшими за город «и с ними бился за государя королевича до смерти и меня на том деле ранили ис пищали по правой ноги выше колена...»⁶² В конце 1612 г. Пустошкин, оправившись от ран, командовал сотней в отряде Самуила Коброна, оставленном Эвертом Горном под Гдовом⁶³. После этого пожилого воина (ему было не менее 55–56 лет) перебрасывают на восток. Осенью–зимой 1612/13 г. Пустошкин был послан на разведку, следить за передвижениями «литовских и воровских людей» под Тихвином. Так он докладывал в Новгород о своих действиях: «...велено, государи, мне по вашему боярскому указу идти к Сомою за литовскими людьми и проведывати, куда литовские люди пошле и где стоят, и я, государи, из Грузинские волости з деревни Хотетова шол за литовскими людьми до Оскои, и с Оскои шол сорок верст к Сомою в Никольской погост на Пшевужу до князя Ивана усадища Кропоткина до Хотец...» Узнав, что литовцы повернули с большой дороги от Воскресенского Липенского погоста, не доходя Тихвина, С. А. Пустошкин отправил Афанасия Лутовинова с этим известием в Тихвин к ротмистру Францу Струку, Эрику Берку и Ивану Крюкову⁶⁴. В марте 1613 г. сын боярский Шелонской пятины Степан

Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 121–138 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф 313).

⁵⁹ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 458.

⁶⁰ Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:86.С. 18.

⁶¹ Книги конской покупки. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 105.

⁶² Челобитная С. А. Пустошкина о деньгах за раны, полученные в сражении. 1612. 30.07 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 2.

⁶³ Дело по челобитью Федора Семенова сына Харламова о поместье. 1612. 16.01–1613. 13.01 // RA, NOA. Serie 2:80.

⁶⁴ Челобитная Степана Пустошкина о разведке местоположения литовских людей в Обонежской пятине. Без даты // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 56–58.

Пустошкин назначен быть в Новгороде, а не послан в Старую Руссу, где собирался отряд кн. Ф. Т. Черного Оболенского⁶⁵.

В 1614 г. служба С. А. Пустошкина была связана с Порховом. Он не присоединился к большой группе порховских детей боярских во главе с воеводой И. И. Крюковым, которые попытались сдать город псковичам, а после неудачи в начале осени 1613 г. бежали в Псков. Еще в октябре 1614 г. С. А. Пустошкин вместе с Докучаем Харламовым отписывал хлеб из поместий детей боярских — товарищей И. Крюкова в Порховском уезде⁶⁶. Но уже 12 мая 1615 г. Пустошкин находился в Москве. В тот день он получил в Разряде деньги для раздачи новгородцам Шелонской пятины, находившимся в Пскове. Именно из этой записи следует, что С. А. Пустошкин был неграмотен: за него расписались его товарищи Григорий Милославский и Андрей Нащокин⁶⁷. 30 июня 1617 г. Пустошкин вновь повез деньги из Москвы для раздачи новгородцам, находившимся в Пскове⁶⁸. 4 июля 1621 г. служил окладчиком при денежной раздаче новгородцам Шелонской пятины. По верстанию 4 июля 1621 г. Пустошкин — дворовый сын боярский с окладом в 800 четвертей и с четвертным окладом в 31 рубль⁶⁹. Он продолжал служить окладчиком Шелонской пятины и в 1624/25 г.⁷⁰ Последнее служебное назначение 75-летнего С. А. Пустошкина относится к 29 мая 1630 г. Тогда он был назначен головой на Сомерскую заставу, располагавшуюся сравнительно недалеко от его поместья⁷¹.

После Смуты, около 1619/20 г., Пустошкин вернул себе разоренное войной поместье в Прибужском и Щепецком погостах⁷². В начале 1620-х гг. он бил челом государю о розыске своих людей, ушедших за рубеж в Гдовский уезд, находившийся тогда еще под контролем шведской администрации. Крестьянин Пустошкина бежал еще 14 мая 1617 г.

⁶⁵ Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170–В. Л. 10.

⁶⁶ Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

⁶⁷ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 340.

⁶⁸ Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 650.

⁶⁹ Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 6 об., 7 об.

⁷⁰ Десятня денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 14.

⁷¹ Память Степану Андреевичу Пустошкину от новгородских воевод стоять на заставе в Сумерской волости. 1630. 29.05 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 543; Роспись казаков и стрельцов, посылаемых на заставы. Без даты // СПбИИ. Кол. 109. Д. 544.

⁷² Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожних земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800. Л. 677, 723.

из д. Скородно в Прибужском погосте в Гдов. В 1619/20 г. он подговорил его «старинного человека», и тот ограбил Пустошкина, взяв «ларчик, а в нем ожерелье жемчужное женское, пугвицы серебряные да трои серги да шесть перстней да трои ферези женские зендинные холодные да две косы». К моменту подачи челобитной они оба жили во Гдове⁷³. Еще один крестьянин Пустошкина с характерным прозвищем Черкас бежал от него в Гдов около 1619 г., уведя с собой двух лошадей и большое количество хлеба⁷⁴.

Некоторые дворяне и дети боярские поступали на службу, даже военную, в чрезвычайно юном возрасте. Сын боярский Водской пятины Семен Григорьев сын Ожогин по ивангородскому верстанию 27 сентября 1605 г. был в возрасте 11 лет⁷⁵. Однако через два года он участвовал в борьбе против Болотникова под Ельцом, по дороге откуда он и скончался в январе 1607 г.⁷⁶

Если С. Г. Ожогин в 13-летнем возрасте участвовал в подавлении «воровского движения», то другой мальчик, также сын боярский Водской пятины Федор Андреев сын Бровцын, в 14 лет оказался «в воровстве». Он рано потерял отца. 9 марта 1599 г., будучи меньше года от роду, Ф. А. Бровцын вместе с матерью вдовой Марьей и сестрой Стефанидой получил часть отцовского поместья в Дудоровском и Корбосельском погостах⁷⁷, к северу и югу от Невы. По ивангородскому верстанию 27 сентября 1605 г. он был в возрасте семи лет и продолжал жить в отцовском поместье⁷⁸. В мае 1611 г. Ф. А. Бровцын вместе с Иваном Петровым сыном и Дмитрием Игнатьевым сыном Чортовыми был взят в своем поместье в плен Пятым Ворониным и Никитой Зиновьевым и увезен в Ивангород к Вору⁷⁹. 27 марта

⁷³ Челобитная Шелонской пятины Степана Андреева сына Пустошкина царю Михаилу Федоровичу о розыске его людей, бежавших в Гдовский уезд и роспись бежавших крестьян. Начало 1620-х // СПбИИ. Кол. 109. Д. 72.

⁷⁴ Роспись живота Степана Пустошкина, снесенного за рубеж его крестьянином. После 1619 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 75.

⁷⁵ Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н.В.Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 496.

⁷⁶ Обыск неслуживого Афанасия Ачкасова в Ильинском Тигодском погосте о поместье Семена Григорьева сына Ожогина в Тигодском и Ярвосольском погостах и отдел этого поместья Василию Никитину сыну Хвостову и Лутьяну Захарьеву сыну Баранову. 1607. 20.01 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 65–70. Возможное сомнение в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице, снимается при рассмотрении десятни Водской пятины 1605 г.: там только один-единственный сын боярский с таким именем, отчеством и фамилией.

⁷⁷ Отдел губным старостой Борисом Вельяшевым прожиточного поместья Марье, вдове Андрея Бровцына, с сыном Федором и дочерью Стефанидой, в Дудоровском и Воздвиженском Корбосельском погостах из поместья ее мужа, а другой части поместья Андрея Бровцына (в Рождественском погосте на Паше и в Никольском Ижерском погосте) — Ивану Романову Бровцыну. 1599. 9.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 83–93 об.

⁷⁸ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 498.

⁷⁹ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–А.

1612 г. был лишен своего поместья в Спасском Городенском и Воздвиженском Корбосельском погостах за то, что был «в воровстве в Иванегороде» (оно отошло Ивану Кузминскому и Михаилу Клементьеву). В том же году получил прожиточное поместье Елены, вдовы Ивана Воронина (140 четвертей), но вступить во владение поместьем не успел — оно было передано Тихону Воронину, а Бровцын остался без поместья. Последнее упоминание о Ф. А. Бровцыне относится к 13 марта 1613 г., когда он спорил с Игнатием Носакиным о даче в пожить прожиточного поместья его двоюродной сестры Марии, жены Ивана Большого Кишкина⁸⁰. Видимо, вскоре Ф. А. Бровцын скончался.

При этом начатая в раннем возрасте служба могла дать хороший стартовый задел для дальнейшей карьеры. Особенно это становится справедливым в Смутное время. Известный впоследствии «русский интеллигент» Андрей Федорович Палицын по верстанию 1605/06 г. был неслуживым новиком⁸¹. Уже через пять лет, не достигнув 20-летнего возраста, он представлял Шелонскую пятину в посольстве к королю под Смоленск в сентябре 1610 г.⁸² Дальнейшая карьера — достижение воеводских должностей и служба по московскому списку — была ему обеспечена.

Известно, что первый этап такой рано начатой службы мог проекаать со службой сына при отце⁸³. Иван Салтыков находился при отце в Ивангороде в 1605 г.⁸⁴ В 1610 г. в королевском лагере под Смоленском оказались одновременно Аксентий Сназин и его сын Прохор⁸⁵. Вместе с С. Л. Татищевым из Ярославля в Новгород в мае 1612 г. прибыл его сын Федор⁸⁶.

⁸⁰ Дело по челобитной о поместье вдовы Марьи, жены Ивана Кишкина. 1612, март (без конца) // RA, NOA. Serie 2:185; Отдел Данилом Ласунским поместья Федора Бровцына в Спасском Городенском и Воздвиженском Корбосельском погостах Водской пятины Михаилу Клементьеву и Ивану Кузминскому пополам. 1612. 27.03 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 209–212.

⁸¹ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладьина и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 299

⁸² Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава, на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

⁸³ Видимо, такая модель службы характерна не только для московской традиции. К. А. Левинсон фиксирует службу с малых лет при отце в немецком городе XVI-XVII вв. (Левинсон К.А. Бюрократия немецкого города XVI-XVII вв. М., 2000. С. 164).

⁸⁴ Из умолотных книг Полянской волости 1605 г. ...

⁸⁵ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610-1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 392. № 651)

⁸⁶ Память от Семена Лутохина Пятому Григорьеву дать из государевы казны полтора рубля ярославским дворянам на дорогу. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 475.

Далеко не только военная служба составляла основное занятие новгородских детей боярских. Значительная их часть в рассматриваемый период привлекалась к сбору кормов, молочению, к дозорам пятин и уездов. После массовых отъездов второй половины 1613 – начала 1614 г. и появления большого числа изменничьих, брошенных поместий возникла необходимость сбора с них хлеба. Этим занималось Дворцовое ведомство, широко привлекавшее местных детей боярских к жатве и молотье хлеба, шедшего в дворцовые житницы. Сохранилась приходная книга Бельского острожка, фиксирующая привоз детьми боярскими в острожек хлеба в течение января–марта 1612 года⁸⁷. В ней упомянуто 33 сына боярских и двое подьячих, которые в течение трех месяцев свозили на Белую хлеб в основном из прилегавших деревень Будковского погоста, но иногда доезжали до сравнительно отдаленных Косицкого и Сабельского погостов. Практически каждую неделю дети боярские, руководимые острожным головой Григорием Оболяниновым, который, кстати, присваивал часть привозимого хлеба⁸⁸, занимались организацией сельскохозяйственного труда со сложным измерением и учетом.

Взаимоотношения среди детей боярских, назначенных к сеянию, сбору и молочению хлеба, не всегда складывались успешно, и новгородское правительство вынуждено было их как-то разрешать.

Один из видных и наиболее порядочных новгородских деятелей Г. Н. Муравьев писал в Новгород уже в начале 1612 г. о нравах своего подчиненного: «...и посылал в село в Тесово к зборщику к Ондрею к Боркову с товарищи дворян и детй Тимофея Вильяшова с товарищи о немецких кормех, говорити, чтоб ко мне из села ис Тесова и с погостев корм присылали для немецких людей. И Ондрей Борков с товарищи дворяном отказал, я де прислан из Новагорода, а не от Григория, и Григорьева указу не слушаю, и корму никакова ко мне по 30 число (декабря 1611 г — А. С.) не присылывал, и стоя в государеве в селе в Тесове пьет и бражничает, а корму ко мне не присылывает и старосту и крестьян держит у себя»⁸⁹. Сам Муравьев был поставлен в довольно сложные условия, так как именно ему приходилось общаться с солдатами: «...а немецкие люди корму просят у меня не отъезжая с великим шумом и мне говорят с кручиною и о том: корм велено давати и денгами, сказывают, что им за корм денгами не имывати для того, что взять де нам денги, да корму добыти негде и купити zde ни у кого, с торгом из Новагорода нету никого, а в

⁸⁷ Книги приходные Бельского острожка. 1612, январь – март // RA, NOA. Serie 1:36.

⁸⁸ Так, из привезенных 7 марта Михаилом Нееловым 15 четвертей жита Григорий Оболянинов взял 3 четверти жита к себе на двор (Книги приходные Бельского острожка... С. 18).

⁸⁹ Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. Начало 1612 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 64–66.

Новгород нас рохмистры корму покупати не пустят, и нам де взять денег да помереть над денгами голодом...»⁹⁰ Почти то же самое писал в Новгород уже через два месяца сменивший Г. Н. Муравьева Ф. М. Муравьев: «...велено мне быти на заставе в Тесове на Григорьево место Муравьева з дворяны и з детми боярскими и с неметцкими ратными людми, и здесь, государь, осталось немец Анц Боева полку сорок человек да Степан Барбелса шесть, и те, государь, неметцкие люди Анцы Боева полку, приходя ко мне, просят корму недоплатного на другой месяц... А кормовые зборщики Федор Одинцов⁹¹ стоит в Тесове, нигде в погостех не бывал и кормов не збирает...»⁹² Толмачей в Тесове использовали «немецкие торговые люди», порой насильно захватывая с собой знающих немецкий язык⁹³. Остается только гадать, как такая яркая речь могла звучать по-немецки (или по-шведски?). Упомянутому Андрею Боркову пришлось столкнуться с таким толмачом в дальнейшем: «толмач Тимоха», по наущению сына боярского Степана Лаптева, не дал Боркову собирать корма в д. Заполье, что вынудило Г. Н. Муравьева еще раз написать в Новгород, что «немецким людям корму в привозе ни денег в собранье ниотколе нету же, и немецким людям корму дати нечего»⁹⁴.

В октябре 1614 г. кн. Гаврилу Гагарину было велено явиться в Новгород в связи с его отказом служить вместе с Семеном Муравьевым, отвечавшим тогда за обмолот ржи с изменничьих поместий Будковского погоста⁹⁵.

В 1611–1617 гг. служба в городских воеводах, острожных головах, приказчиках дворцовых волостей, губных старостах все больше и больше определялась хозяйственной нагрузкой. Назначавшиеся туда дети боярские входили в непосредственное соприкосновение с процессом сбора, учета и распределения кормов, строительства

⁹⁰ Там же.

⁹¹ В 1595/96 г. В Новгороде слушалось дело о потравлении собаками Федора Одинцова крестьян его поместной деревни Савлова (Копии переписные делам Новгородского судного приказа. 1600–1602 // СРБИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 835. 4⁰. Л. 12).

⁹² Челобитная Федора Максимовича Муравьева о том, что не удается собрать корма на немецких людей, стоящих на заставе в Тесове. 1612. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 41–42.

⁹³ Челобитная подьячего Ивана Армячникова. 1613. 17.07 // Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами. 1613. 13.01 – 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 67.

⁹⁴ Челобитная Григория Муравьева Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, отказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1612, январь – февраль // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.

⁹⁵ Отписка новгородских воевод Якова Деллагарди и кн. Ивана Никитича Большого Одоевского Григорию Степановичу Обольянинову о посылке к Семену Муравьеву половины детей боярских, имеющих у него на службе, и росписи государева хлеба и о присылке в Новгород князя Гаврилы Гагарина, не желающего служить с Муравьевым. 1614. 3.10 // СРБИИ. Кол. 124. Оп. 1, карт. IV. Д. 569.

инженерных сооружений, сбора посошных людей, расчета урожая, посева озимых и яровых культур на государственных (дворцовых) землях для государственных же нужд. Все должностные лица несли личную материальную ответственность за выполняемые работы. Известные многочисленные случаи преследований и взысканий, которым подвергались дети боярские, связаны либо с их некомпетентностью, либо с злоупотреблениями. Как правило, в товарищи к сыну боярскому назначался подьячий для ведения дел. Это была давняя московская традиция управления. Еще Сигизмунд Герберштейн писал об управлении городами в Московии, что в них назначается воевода, абсолютно некомпетентный в делах, и секретарь (дьяк), который реально и осуществляет управление. Во всяком случае, на уровне управления небольшими территориями в Новгородской земле начала XVII в. такое утверждение справедливо.

Среди губных старост новгородских пятин конца XVI – начала XVII в. самой яркой фигурой был Паук Косицкий. Его имя упомянуто в опубликованном Д. Н. Альшицем «Списке опричников» 1573 г. (дворовый сын боярский с окладом в 20 рублей).⁹⁶ Судьба его в конце царствования Ивана IV мне не известна, однако с середины 1590-х гг. имя Паука Косицкого упоминается в источниках. В 1594 г. с его поместья в Опочком погосте служил его племянник Г. В. Косицкий, не явившийся на государеву службу в Ивангород: «В Опотцком погосте отписано на государя царя и великого князя у нетчика у Гаврила Володимерова сына Коситцкого все его поместье, а в выписных книгах... и за Гаврилом то поместье не написано, а написано то поместье в писцовых книгах за Пауком за Косицким, а государеву службу служил тот Гаврило Косицкой в дяди своего в Пауково место Косицкого с того с дядина поместья...»⁹⁷ Поместье у Паука Косицкого было отписано, при этом «ввозные грамоты и писцовы выписи Паук Косицкой не сказал, а сказывал, что де ввозную сожгли литовские люди»⁹⁸. Однако через два года Паук Косицкий служит уже в губных старостах Залесской половины Шелонской пятины, в товарищах с Федором Вельяминовым⁹⁹. 1 сентября 1596 г. он описывал находившийся неподалеку от его поместья Ильинский Опочкий монастырь¹⁰⁰. Продолжал Паук

⁹⁶ Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949.

⁹⁷ Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (вотч. контора. Д. 16947) // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 116.

⁹⁸ Там же. С. 117–118.

⁹⁹ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 142 об.

¹⁰⁰ Опись Ильинского в Опочечком погосте монастыря. 1596. 1.09 // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв. / Под общ. ред.

Косицкий свою службу в губных старостах также в 1597/98¹⁰¹ и 1601/02 гг.¹⁰², видимо, до декабря 1612 г., когда был сменен Симоном Блажонковым и Гаврилом Мякининым. Незадолго до смещения всю деловую документацию у него отняли «воровские люди»¹⁰³, таким образом он вторично лишился важнейших документов.

Примером того, насколько сложна была служба сына боярского без подьячих, служат мытарства Г. Н. Муравьева на головстве Тесовской заставы в 1611–1612 гг. Особенно тяжело было Муравьеву зимой 1612 г. В январе он бил челом в Новгород, что назначенный к нему в помощь дворцовый подьячий Улан Собакин не может по болезни исполнять свои обязанности и все делопроизводство остановилось¹⁰⁴. А через месяц, в первой половине февраля 1612 г. Муравьев повторно бьет челом в Новгород о том, что собрать корма для стоящих в Тесове солдат Ганса Бойе он не может, так как назначенный к нему в помощь подьячий Богдан Березский бежал от него со всеми документами¹⁰⁵.

Однако иногда и помощь подьячего не помогала. После прекращения боевых действий в Тесовской округе к августу 1614 г. новгородское правительство начало восстановление хозяйства в дворцовой Тесовской волости. Для организации сельскохозяйственных работ были назначены сын боярский Никита Тырков и подьячий Иван Прокофьев. В наказе им было написано: «велено нам в твоём государеве дворцовом селе в Тесове и в присельях на твоей государеве десятинной пашни и на пустых участках рожь и яровой всякой хлеб жати и молотити и ко 123-му году паренина на рожь поднять десять десятин и рожь посеяти, а рожь и всякой яровой хлеб обмолотя, прислати в Великий Новгород в государевы житницы с старосты и с целовалники и с волостными людьми летним путем». Приехав в Тесово 8 августа, Тырков и Прокофьев собрали разбежавшихся по лесам крестьян, «которые остались от воровских и от немецких людей войны живы» и уже через три дня заставили их работать на государевой десятинной пашне. От жатвы и молотбы крестьяне не уклонились, но на принуждение распахать находившиеся под паром лучшие

А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 175–178.

¹⁰¹ Дело по челобитью рассыльщика Андрея Черкасова о поместье // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 7.

¹⁰² Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожних земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева... Л. 153 об.

¹⁰³ Отписка Новгородского государства боярам и воеводам графу Якову Делагарди и боярину князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому Шелонской пятины губных старост Симона Блажонкова и Гаврила Мякинина о земских распорядках. 1612, декабрь // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 176. С. 308–309.

¹⁰⁴ Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают...

¹⁰⁵ Отписка боярам и воеводам Григория Муравьева о невозможности собирать корма и о побеге от него подьячего Богдана Березского со всеми документами. 1612, февраль // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 149.

десять десятин дворцовых земель отвечали жестким отказом, отговариваясь своим разорением, а также тем, что «земля, государь, на твоих государевых десятинах утравила горазно, а пора, государь, до нашего приезде давно минула, а как твой государев боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович стоял в Тесове, и мы, холопи твои, ево о тои твоей государеве десятинной пашни докладывали, что орати поздно, да и не на чом». Всего, по словам крестьян, у них оставалось 10 лошадей, да и те, «которые, государь, у нас клячи собраны, и мы на тех клячах, выбирая на лутчих десятинах, учнем паренину орати, сколько будет мочно поднати, а до сех, государь, местех, паренина и впервые орати не почата». Расспрошенные крестьяне соседних погостов также убеждали Тыркова и Прокофьева, что если в это время (в середине августа) начать пахать «паренину», то к новому году хлеб уродиться не может. В то же время крестьяне предложили им посеять рожь на месте только что сжатой: «толка деи ныне рожь зжав и на тех деи ржыщах чаят ржи лутчи». И сын боярский, и подьячий оказались в недоумении и запросили особый указ из Новгорода о своих дальнейших действиях — следовать советам крестьян или все же вспахать паренину по наказу¹⁰⁶.

Но распространена была и некомпетентность детей боярских в поручаемых им учетных, канцелярских и сельскохозяйственных службах. Григорий Оболянинов после четырех месяцев руководства Тесовским острожком, им же построенном на новом месте, 4 декабря 1614 г. был снят с воеводства и заменен князем Гаврилом Нарымовым¹⁰⁷. Оболянинов был переведен служить в Ивнинский острог и вскоре заключен там под стражу по обвинению в хищении хлеба, конфискованного в изменничьих поместьях.. Он бил челом боярам и воеводам о повторном розыске, причем обвинял в злоупотреблениях при хлебных конфискациях бежавшего в Псков подьячего Ждана Малеванова, который, воспользовавшись слабой грамотностью Оболянинова, сплутовал в книгах и отъехал в Псков¹⁰⁸.

Другие новгородские дети боярские, напротив, вполне успешно справлялись с сельскохозяйственной работой. Сыну боярскому Шелонской пятины Сергею Михайлову сыну Костину (Константинову) в конце января 1612 г. было поручено принимать немецкие корма в Порхове, против его желания, хотя, по словам второго воеводы Порхова

¹⁰⁶ Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 2:284. Л. 3, 3 об.

¹⁰⁷ Кормовые книги Тесовского острожка при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь – 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87.

¹⁰⁸ Дело по челобитной Г.Оболянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б.Ододурова и Б.Мальшева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

Ф. О. Воронова, «приход и расход немецким кормовым збором ему, Сергею, ведом»¹⁰⁹. Костин собирал корма в Порхов с окрестных погостов вплоть до своего перехода на сторону Москвы осенью 1613 г.

Разбирающимся в тонкостях учета новгородским служилым людям гражданская служба позволяла присваивать огромные суммы денег. Так, осенью 1614 г. на приписках была поймана комиссия управляющих дворцовым селом Голиным во главе с сыном боярским Деревской пятины С. В. Боборыкиным. В конце сентября 1614 г. Семен Боборыкин, вместе с подьячим В.Заденским и Лучанином Еремеевым, был обвинен в разворовывании государева хлеба в с. Голине, причем «Семен Боборыкин с товарищи ездили дозировать, и с ними де ездили староста и целовалник и волостные люди и я, дьячок, с ними же был. Да с теми людьми в деревнях крестьян роспрашивали по имяном, хто на какове участке живет, да писали на столбцы, да с тех столбцов писали в книги, а книги деи он писал трои, одни в Дворец, а другое себе, а третьи в волость, а черные деи книги чернены немного, где как перечет не сойдетца, а ино тут и почернетца». По приговору новгородских властей (нач. октября 1614 г.?) с Семена Боборыкина, Лучанина Еремеева и Василия Заденского было велено за списывание крестьянских сбавочных участков «за то их воровство... взяти сто пятьдесят рублей...»¹¹⁰

Среди гражданских служб новгородских детей боярских важное место занимали отделы поместий. Отдельщиками назначались «неслуживые» дети боярские, либо престарелые, либо чрезвычайно молодые, иногда своеземцы. Одним из самых юных отдельщиков был сын боярский Деревской пятины Первой Дорофеев сын Микулин. По верстанию 1605/06 г. он обозначен как недоросль семи лет, в службу не поспевший и живущий в поместье в 100 четвертей с двумя сестрами¹¹¹. Однако уже 25 ноября 1611 г. П. Д. Микулин как неслуживый сын боярский отделил поместье Аггею Корсакову в Оксоцком погосте Деревской пятины¹¹². Ему было лет 13. Можно предположить, что роль сына боярского в таких случаях была чисто представительская, а фактическую работу осуществляли

¹⁰⁹ Челобитная (отписка) боярам и воеводам и дьякам Федора Воронова о сложностях в организации кормовых сборов немецким ратным людям в Порховском уезде. 1612, января после 25 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 26–28.

¹¹⁰ Дело по челобитной попа Ильи Васильева (Голинского погоста) на подьячего Василия Заденского и приказчика Лучанина Еремеева о том, что они не велели ему быть у дозора, а потом заставили приложить руку к составленным ими дозорным и умолотным книгам. 1614. 28.09 // RA, NOA. Serie 2:76.

¹¹¹ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладьина и Е. Телепнева... Л. 334.

¹¹² Отдел неслуживым Первым Микулиным поместья Аггею Корсакову в Оксоцком погосте Деревской пятины. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1291–1294 (копия без пагинации СПбИИ, м/ф 296).

заинтересованные в отделе лица руками взятых в понятия сельских священников и дьячков. Часто отделы поместий производились губными старостами; известен факт отдела поместья городовым приказчиком¹¹³. Как и в случае с сельскохозяйственными работами, для отдела поместий сыну боярскому нужен был компромисс с сельскими жителями. Служба, связанная с применением насилия, была наиболее сложна. Отсутствие специального аппарата принуждения и личная ответственность за исполнение поручения приводили детей боярских попросту в тупик. Губной староста Деревской пятины Андрей Михайлович Обутков 16 июня 1610 г. не смог выполнить данного ему поручения об отделе нескольких поместий в Усть-Воломском, Холовском, Ситенском и Черенчевицком погостах. Единственный священник округа, «Усть-Воломского погоста черной поп Пахнутей», сбежал. Окрестные крестьяне «прогонов на себя править не дали и губного Ондрея били и прогонов не дали»¹¹⁴. Сходные ситуации встречаются и в более ранних документах, но в годы Смуты поражает бессилие должностных лиц, не способных исполнить сравнительно несложную работу.

Неявка на службу

Неявка на службу, «нетство» — характерная черта московского служилого общества, которое, разумеется, не представляло собой благолепной картины всеобщего истового и честного служения, которую пытаются писать некоторые современные историки и публицисты. В годы Смуты и всеобщей борьбы за поместные дачи обвинения соперников в нетстве и дезертирстве — едва ли не самые частые. Однако многим обвиненным удавалось оправдаться.

По челобитной неизвестного лица в ноябре 1609 г. был произведен обыск о поместье Богдана Васильева сына Волкова-Курицына в Спасском Боровицком погосте Деревской пятины.¹¹⁵ В самом наказе обыщику губному старосте Андрею Обуткову содержалось обвинение: «...нетчик Богдан где нынеча и сколько у него крестьян...». По словам волостных крестьян, «Богдан Васильев сын Курицын з государевы службы домой приезжал после Семеня дни в нынешнем во 118-м году и дома жил три недели и хлеб свои

¹¹³ Описан мной в работе: *Селин А. А.* Из истории Ладожского уезда в Смутное время // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 126–129.

¹¹⁴ Отдел губным старостой Андреем Обутковым вдове Домне, жене Ивана Никитина Трофимова с дочерью девкой Уляной прожиточного поместья в Усть-Воломском и Холовском погостах Деревской пятины, а части поместья Ивана Трофимова в Ситенском и Черенчевицком погостах — Федору Васильеву Боборыкину. 1610. 16.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 169–175 (копия без пагинации в: СПбИИ, м/ф 294).

¹¹⁵ Сыск губным старостой Деревской пятины Андреем Обутковым про нетчика Богдана Васильева Волкова-Курицына в Спасском Боровицком погосте. 1609. 5.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 13–19 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294).

молотил ржаной и яровой и продавал, и на государеву службу в полки поехал, а теперь его дома нет. А лошади у него Богдана двое в его усадище, меринко рыже да кобыленцо голубо, а коров две коровы да восемь овец да боран, а иного, господине, живота нет никакова». Обмолотив и продав весь хлеб, Б. В. Волков-Курицын поехал на службу. Поместье у него было конфисковано. Но 28 апреля 1610 г. Б. В. Волков-Курицын получил от царя Василия оправдательную грамоту по своей челобитной. В челобитной он объяснял свой отъезд из полков кн. М. В. Скопина-Шуйского: «а для бедности и разоренья ис Калязина монастыря ездил к себе в поместье, приехал на нашу службу в Олександрову слободу и жил на нашей службе всю зиму бес съезду, а поместье его в Деревской пятине все пусто разорено от литовских людей и от воровских». Между тем «в Водской пятине поместье его лучшее живущее» М. В. Скопин-Шуйский отдал Феокисту Муравьеву. «А в воровских деи полках он Богдан нигде не бывал, и как деи послан был боярин и воеводы князь Иван Семенович Куракин да Семен Васильевич Головин под Дмитров, и он деи Богдан под Дмитровым нам служил, и у острогу в приступе был». По приговору новгородского воеводы кн. А. Б. Куракина с товарищами поместье было ему возвращено в июне 1610 г., однако при Иване Салтыкове в 1610/11 г. часть его была вновь взята «за нети» и отдана Никите Вышеславцову¹¹⁶.

Сходным образом, 3 мая 1611 г. Пятой Ратаев сын Мусин в своей челобитной назвал Романа Григорьева Бабкина, на чье поместье он претендовал, нетчиком, утверждая, что тот с другими детьми боярскими «з государевы службы из Великого Новагорода збежали к себе в поместье, и ныне живут по домам, а на государеву службу в Новгород не идут...»¹¹⁷

Однако на материалах архива Новгородской приказной избы можно реконструировать лишь один «нетный» список, составленный в 1611–1617 гг. В делах архива сохранились «Книги денег, взятых на дворянах Деревской пятины за псковские нети по переводным записям» 25 декабря 1612 г. со скрепою дьяка Семена Лутохина¹¹⁸. Видимо, деньги были собраны с детей боярских Деревской пятины, не явившихся летом 1612 г. в войско Н. В. Вышеславцева, вместе с Эвертом Горном безуспешно осаждавшее Псков (реконструкция нетного списка помещена мной в Приложении 1 к настоящей главе). Всего среди нетчиков

¹¹⁶ Дело о поместье Богдана Волкова-Курицына и его детей. 1609. 13.10 – 1612. 28.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 1–21, 25–34, 39–47, 35–38.

¹¹⁷ Дело по челобитью о поместье Пятого Ратаева с. Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132.

¹¹⁸ Книги записи денег, взятых по переводным записям с помещиков Деревской пятины за псковские нети. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.

упомянуто 48 человек. Многие из них позднее продолжали служить новгородскому правительству.

Погоня за поместьями

Новгородец — служилый человек или приказной бюрократ был одновременно и городским и сельским жителем. Сложно, практически невозможно определить, сколько времени новгородцы проводили в городе, а сколько в поместье, зачастую почти пустом, где на небольшой господской пашне работали его домочадцы. Соседство с такими же помещиками создавало сложные жизненные коллизии: часто находившиеся в имущественном споре дворяне в бою должны были выступать плечом к плечу, подчас одновременно находя свой конец где-нибудь под Болховом или Изборском. Однако и в это время служилый человек не забывал о своей поместной даче.

Как пишет Р. Хелли, смысл жизни служилого человека заключался в борьбе за землю (желательно населенную), это его поглощало целиком. Большие номинальные оклады поддерживали это стремление. Если бы правительство попыталось выполнить все свои обязательства по окладам, потребовалось бы в два раза больше земли, чем наличествовало¹¹⁹. Любая возможность утвердить за собой хоть 50 добавочных четвертей приводила к серьезным усилиям, подчас сопряженным со значительным риском. Е. Ю. Люткина подробно рассмотрела накал борьбы за семейное поместье в среде патриарших дворян XVII в. Каждый раз при переходе поместья от родственника к родственнику нужно было брать грамоту у владыки. Это приводило к жестким противоречиям между сводными братьями и сестрами, между дядьями и племянниками¹²⁰. Материалы Новгородского Софийского дома дают очень схожую картину. Б. Д. Греков в свое время рассмотрел пример такой борьбы в связи с судьбой владений владычного сына боярского Матвея Федорова сына Левского. После него осталась молодая вдова Стефанида с сыном Семеном и двумя девками. На ней скоро женился другой софийский сын боярский Несмеян Ржевской, но скоро тоже умер, оставив сыновей Андрея и Ивана¹²¹. 8 апреля

¹¹⁹ *Hellie R. Why did the Muscovite elite not rebel? // Russian History/Histoire Russe. Vol. 25. № 1–2 (Festschrift for A. A. Zimin). 1998. P. 155–162.*

¹²⁰ *Люткина Е. Ю. Государство, церковь и формирование статуса патриарших дворян и детей боярских в XVII веке // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 293–305.*

¹²¹ *Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914. С. 492–494.*

1609 г. поместье, перешедшее от М. Ф. Ржевского к Н. Ржевскому, было записано за их детьми и вдовой Стефанидой¹²².

В одном из дел Новгородской приказной избы содержится копия грамоты, выданной в Москве в горячую эпоху весны–лета 1605 г. Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева было предварительно завершено 21 февраля 1613 г. Согласно приговору бояр и воевод, детям боярским Лугвеневым было велено отделить поместье их покойной двоюродной сестры Настасьи в Дудоровском погосте (сама Настасья умерла в Орешке в 1611/12 г. при осаде его шведами). 23 февраля губному старосте Ивану Пушкину была выдана грамота о даче братьям Федору и Лобану поместья их сестры¹²³. Это поместье было частью разделенного в 1609/10 г. поместья их умершего дяди, Ивана Лугвенева (100 четвертей которого было дано на прожиток вдове Ивана Марье и ее дочерям Татьяне и Настасье). По всей вероятности, из всех участников раздела к 1613 г. в живых остались только братья Федор и Лобан. В 1612 г. оба они значатся среди помещиков Никольского Будковского погоста. В ноябре 1612 г. именно крестьяне Лобана Лугвенева были наиболее дисциплинированными в округе и оказались среди немногих заплативших корма в Тесовский острожек¹²⁴.

К делу приложена грамота от царицы-вдовы Бориса Годунова Марии Григорьевны и царя Федора Борисовича новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку Нелюбу Суколепову о даче Лобану Лугвенеvu в пожить (т. е. до своей смерти в пожизненное владение) поместья его тещи, Лукерьи, вдовы Ивана Новокщенова, в 50 четвертей (рис. 1). В грамоте пересказывается челобитная Л. И. Лугвенева, из которой следует, что он показал себе оклад в 350 четвертей и 233, 75 четвертей наличного поместья, и «ему с того поместья наша служба служить и теща своя вдова Лукерья до ее живота кормити». Интересно, что в Новгород эту грамоту привез 18 мая 1605 г. сам Лобан Лугвенеv (вероятно, он сам ездил в Москву хлопотать по своему делу). Как показывают дальнейшие документы дела, в 1605 г. тещино поместье отделено Лобану не было.

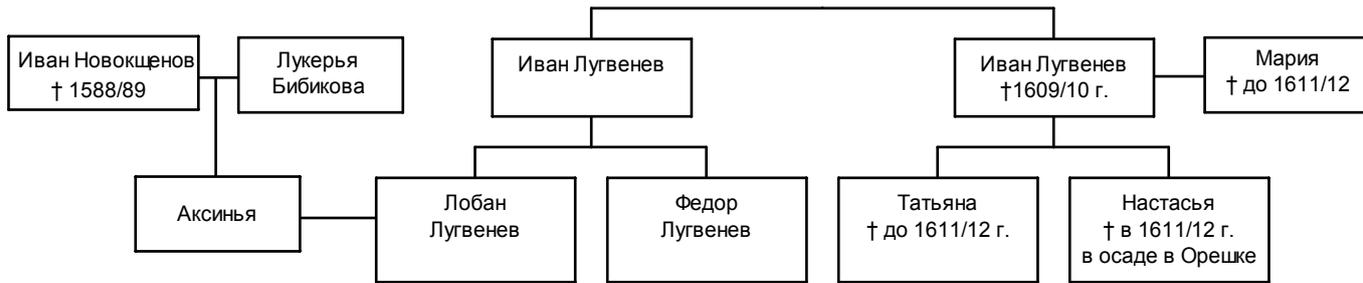
Рис. 1.

Схема родственных отношений Лугвенеvых с Новокщеновыми и Бибиковыми.

¹²² Память новгородского митрополита Исидора софийским детям боярским Семену Левскому, Андрею и Ивану Ржевским с матерью и сестрами. 1609. 8.04 // АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 191. С. 221–222.

¹²³ Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:129. Л. 13.

¹²⁴ Челобитная Воина Новокщенова и Андрея Трусова с погостов Водской и Шелонской пятин. 1612, после 11.11 // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 28.

Но отделом 21 февраля 1613 г. дело не кончилось. Уже 27 февраля Л. И. Лугвенеv подал боярам и воеводам новую челобитную. В ней он показал себе оклад уже в 600 четвертей и ссылаясь на то, что теща, Л. Новокщенова, дает ему свое поместье «в пожить» «по московской здашной грамоте» и по своему челобитью (за Л. Новокщенову на обороте челобитной подписался ее племянник Иван Никифоров Бибиков). Челобитной был дан ход, и подъячий поместного приказа Афонька Лебедев выписал из отдельных книг 97 (1588/89) года, что по смерти мужа Лукерье Новокщеновой с дочерью Аксиньей (будущей женой Лобана) было дано на прожиток 100 четвертей из поместья Ивана Новокщенова (сельцо Заболотье в Хрепельском погосте), а остаток отделен «нововыезжим татарам» Акназару Елмомотеву и Еболде Елумиеву. Именно из этого поместья в 105 (1596/97) г. Лобану Лугвенеvу было уже дано прожиточное поместье Аксиньи, дочери Ивана Новокщенова (видимо, в приданое). Интересно, что именно этим годом (точнее, 29 июня 1597 г.) датирована полученная Л. И. Лугвенеvым кабальная грамота¹²⁵.

7 марта 1613 г. новгородское правительство вынесло положительное решение по челобитной Лобана Лугвенева и дало грамоту к губному старосте Сильвестру Зиновьеву о проведении очной ставки между Л. И. Лугвенеvым и его тещей Л. Новокщеновой, и если выяснится, что та действительно согласна передать свое поместье в пожить Лобану Лугвенеvу, то отделить Лобану просимые им 50 четвертей.

Скорее всего в том же 1613 г. Лобан Лугвенеv отъехал из Новгорода в Псков. 29 июня 1614 г. из изменничьих поместий Будковского погоста воеводой Г. С. Обольяниновым и губным старостой Михаилом Нееловым описывали рожь, сеянную в поместьях изменников — детей боярских, отъехавших в Псков. Среди этих детей боярских названы Лобан и Федор Лугвенеvы¹²⁶.

¹²⁵ Кабалы, поданные Лобаном Ивановым сыном Лугвенеvым. 1598. 7.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 181–182. Стб. 65.

¹²⁶ Обыскная книга о ржи, сеянной в изменничьих поместьях в Бутковском погосте Водской пятины. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2:270. Л. 3, 7.

10 ноября 1614 г. русским воеводой Тесовского острожка была выдана память человеку Филона Михайловича Аничкова на семена с поместья Лобана Лугвенева¹²⁷. Сделано это было по памяти из Поместного приказа от августа 1614 г.¹²⁸. Тогда же Ф. М. Аничкову были пожалованы 217 четвертей из поместья Лобана Лугвенева (за исключением той части, которая находилась в Корбосельском и Дудоровском погостах, «потому что те погосты удалили, и отделяти ехать нелзе было»¹²⁹). Тогда же 202 четверти из поместья Лобана Лугвенева получил дьяк Пятой Григорьев. Оба они получили поместье Л. Лугвенева не непосредственно, а после других помещиков, кн. Ф. Т. Черного Оболенского и Курапа Мякинина, перешедших на московскую сторону 14 июня 1614 г. под Бронницами¹³⁰.

В 1613/14 г. на службе в Новгороде оставался только один представитель рода Лугвеневых — Федор Володимеров. В том же году он получил значительную часть поместий своих родственников: 68 четвертей из поместья Ф. И. Лугвенева в Дудоровском погосте, 40 четвертей поместья Второго Лугвенева и 22 четверти прожиточного поместья вдовы Михаила Лугвенева Пелагеи¹³¹.

Иногда борьба служилых людей за пустое поместье достигала чрезвычайного накала. Характерно дело о поместье Дмитрия Чортова, за которое спорили десять других служилых людей.

6 августа 1611 г. Григорий Оболянинов бил челом боярам о пожаловании его поместной деревней Дмитрия Чортова Слудицей, указав, что «поместья у меня подо Вдовом за воры, а пустошей у меня под Новым городом 50 чети, и туто нет ни едины души крестьянские, а я, государь, на службе и по сию пору как воровская смута учинилась бессъездно, и в осаде с боярином со князем Михаилом Васильевичем Шуйским седил, и нонеча в Великом Новгороде что было моего прожитка лошадей и коров и платышка и служулюю рухлядь поимали немецкие люди». Дмитрия Чортова Оболянинов обвинял в том, что тот отъехал

¹²⁷ Память человеку Филона Михайловича Аничкова Григорью Ларионову о получении семян из поместья Лобана Лугвенева. 1614. 10.11 // RA, NOA. Serie 2:298.

¹²⁸ Память Г. С. Оболянинову о даче семян дворцовому дьяку Пятому Григорьеву и Филону Аничкову из отписного поместья Лобана Лугвенева, что было дано кн. Федору Оболенскому. 1614, авг. // RA, NOA. Serie 2:148. Л. 13.

¹²⁹ Это тот редкий случай, когда отдельщик признавал, что не выезжал на место поместного отдела. Часто отдельщик писал, что отделил все поместье согласно полученной им отдельной грамоте, хотя сам на место не выезжал (Дело о пожаловании в поместье Семену Федорову сыну Муравьеву поместных деревень Степана Муравьева, Филона и Ивана Оничкова и Ивана Борисова сына Секерина Стаи, Батецко и Торковичи. 1615. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:216. Л. 9–10).

¹³⁰ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21–22.

¹³¹ Там же. Л. 30.

к Вору в Ивангород. Решения тогда принято не было, но уже 2 сентября 1611 г. о поместье Дмитрия Чортова бил челом Дмитрий Самсонович Пушин. 5 сентября свои претензии на поместье Дмитрия Чортова заявил Федор Иванович Мунзорин, указавший, что он служит без поместья 10 лет, а Дмитрий «в прошлом во 119-м году из Орешка збежал к вору на Ивангород». 5 же сентября о поместье Дм. Чортова бил челом кн. Данило Степанович Елецкий, подчеркнувший свою длительную службу без поместья и также указавший на то, что Дмитрий Чортов «в прошлом во 119 году из Орешка збежал к вору на Ивангород». Интересно, что челобитная Федора Мунзорина почти дословно совпадает с челобитной его отца, Ивана Мунзорина, поданной на следующий день, 6 сентября. Тогда же, 6 сентября, в челобитной о поместье Дмитрия Чортова, поданной Афанасием Хвостовым, впервые появляется информация о том, что тот «в воровстве умер». О смерти Чортова не знали подавшие 6 сентября челобитную Иван Суслов и Тимофей Вельяшев (последний писал, что Дмитрий «в ымене и по сю пору на Иванегороде у вора»). 7 сентября Григорий Оболянинов вторично бил челом об этом поместье, указав, что Чортов «отъехал к вором, и того его Дмитрея подо Псковым убили в воровстве, а детей у него и жены не осталось». В тот же день высказал претензии на поместье Чортова Андрей Жданов сын Милославский, утверждавший, что его поместьем в Копорском уезде «владеют иванегородцкие и ямгородцкие и копорские воры четвертой год, а я, государи, по ся мест скитаюся с женишком в Великом Новегороде меж двор». Кроме того, 7 сентября Тихон Мартьянов и Богдан Забелин написали, что «Дмитрей, государи, ныне в ымене, служит вору, а ныне ранен насмерть за воры», на основании чего также просил о деревне Слудицы. О смертельном ранении знал и сын Богдана Забелина Крик, тоже 7 сентября высказавший претензии на его поместье. Новгородские власти запросили информацию о Дмитрие Чортове. В делах Новгородской приказной избы нашлась отписка кн. Михаила Мышецкого, присланная из Орешка, вероятно, еще до захвата Новгорода шведами, 13 мая 1611 г. «были в Орешке дворяне и дети боярские Дмитрей Игнатъев сын Чортов с товарищи пять человек, и те де дети боярские из Орешка поехали в свои деревни, а Микита Супонев, приехав в Орешок, сказал ему князю Михайлу, что де те дети боярские из Ыжерского погоста поехали к вору в Ываньгород». 20 сентября 1611 г. поместье Дмитрия Чортова было разделено между отцом и сыном Мунзориными и Григорием Оболяниновым. Но дело на этом не закончилось. Через восемь месяцев в Новгороде объявился сам Дмитрий Чортов и 15 июля 1612 г. подал челобитную боярам, в которой писал: «Был, государи, я на службе в Орешке, и из Орешка просился в деревнишка для хлеба, и о те поры, государи, ходила от вора с Ыванягорода повытка в Ыжерской погост, и меня взяли и привели к вору в Ывангород, и вор меня дал на поруки

на крепкие, что мне в Новгород не отехати и после, государя, меня то мое поместьецо роздано в роздачу Ивану Мунзорину с сыном да Григорью Оболянинову». Правоту его слов подтвердили как «ореховские сидельцы», так и собственно захвативший Д. Чортова в поместье Пятой Воронин, также в это время вернувшийся на службу в Новгород. Оспорил слова Чортова, причем довольно эмоционально, только Иван Мунзорин: «а Дмитрей, государя, изменил, отъехал из Орешка к вору на Ивангород з братом своим с Ыаном Чортовым, и Ивана, государя, брата его, под Псковым убили, а его Дмитрея ранили, а у вора, государя, Дмитрей был временник и стольник, и вор, государя, ему Дмитрею и поместья дал из Копорских из дворцовых сел, и как, государя, во Пскове вора изымали, и ему Дмитрею детца было негде для того, что его Дмитрея, псковичи хотели изымав послати с вором вместе так же, как и иных воровских изменников. И прибежал, государя, в Новгород и бьет челом о старом своем поместье, что вы нам пожаловали ложно, а сказал, что бутто его взяли воровские люди, и про их, государя, измену и воровской отъезд писали из Орешка в Новгород к боярину и воеводе ко князю Ивану Никитичу к Большому Одоевскому воевода князь Михаило Мышецкой, что Дмитрей з братом своим с Ываном и с товарищи отъехали к вору, а у Дмитрея, государя, поместье отца его пятсот деветнатцат чети, вси за мачехою да за меншою братьею, а братья, государя, не служивали, да и ныне не служат, а жыл, государя, тот Дмитрей у мачехи своей с меншою своею братьею вместе, а не в розделе, и к вору, государя, поехал от братьи своих, а то, государя, поместье, что вы нам пожаловали, было не отца Дмитриева, поместья Онтонья Чортова, а за сынишком, государя, за моим опрично того изменничья поместья нет ни заgonу... а Дмитрею, государя, служат можно с отца своего поместья и мачеха своя и брятью кормити... и ту отписку, что из Орешка писал воевода князь Михайла Мышецкой про их измену велите перед собою положыти и про его воровской отъезд сыскати». Из челобитной Мунзорина видно, что Дмитрия Чортова ранее перепутали с его братом Иваном Чортовым, действительно убитым под Псковом. 18 декабря 1612 г. бояре присудили все жи спорное поместье — деревню Слудицы — вернуть Дмитрию Чортову¹³².

Разделение Водской пятины в 1617 г. на ту часть, которая осталась в составе Московского государства, и часть, отошедшую к Швеции, создало новые коллизии. В XVI в. в Лопском и Теребужском погостах, лежавших после 1617 г. по разные стороны государственной границы, укрепились два клана служилых людей — князья Мышецкие и Овцыны. Владения представителей обоих родов находились и в том и в другом погостах. Однако

---

¹³² Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–A.

после Смуты все переменилось. Ни один из князей Мышецких и Овцыных не стал «байором», все они остались на службе Московского государства, таким образом, их поместья располагались на самой границе. В течение XVII в. во взаимных претензиях ингерманландской и новгородской администраций встречаются имена как князей Мышецких, так и детей боярских Овцыных. 20 марта 1662 г. Василий Овцын бил челом на зарубежных крестьян, укравших у него восемь лошадей¹³³. Шведская администрация адресовала в Новгород претензии своих подданных, что князья Савелий и Матвей Мышецкие (последний — вместе с двумя сыновьями) на десяти лошадях вывезли из Лопского погоста несколько сотен возов сена.¹³⁴ После русско-шведской войны 1650-х гг. местные помещики уже не боялись селить крестьян неподалеку от границы, и вскоре Теребужский и соседний с ним Успенский Городенский погосты наводнились перебежчиками. Крестьян, выходящих из-за рубежа, принимал и голова Лавуйского острога Фома Неплюев, и кн. Савелий Федорович Мышецкий, и названный в шведских источниках «байором» Василий Кондратьевич Овцын¹³⁵. Последний в 1686 г. был головой Лавуйского острожка. 10 июня этого года к острожку с отрядом в 50 человек «с пищалми, и с топорики, и з бердаши» из соседней Путиловской мызы (из Лопского погоста в шведской Ингерманландии) пришел некий приказчик Якушка выручать пойманного за конокрадство и заключенного в Лавуйском острожке «латыша Ирика Пентивартиева». Пришедший отряд разгромил острожек, избил гарнизонных стрельцов, окрестных крестьян и разграбил житницы с хлебом. Сам приказчик Якушка «жену его, Васильеву, хотел заколоть в лицо шпагою до смерти и заставного стрелца Сеньку Шишкина бил смертным боем, да князь Дмитриева крестьянина Мышецкого Федьку Миронова он де, приказчик, сек шпагою и по голове пищальным стволом бил»¹³⁶. Такое крупное столкновение не привело к вооруженному конфликту, но было предъявлено в качестве

¹³³ Списки с листов, каковы посланы в Ругодив к генералу и в иные города к державцам и их неметцких листов, каковы присыланы в Великой Новгород ис порубежных городов о всяких порубежных делех. 1660–1664 // СРБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 59–59 об.

¹³⁴ Там же. Л. 167–167 об.

¹³⁵ Kort förteckningh oppå Bönderna aff Sahl. Mengdens Jordans godz i Loppis pogost och nu innehafwer Artollerie Öfuersten Wllb. Jakob Stahl ähro finnandes Rät när öfuer Grentzen en som effter nembl. 1672. 29.10 // Saloheimo V. Käkisalmeen läänistä ja Inkerinmaalta reptuurin aikana 1656–58 paenneet ja poisviedyt Joensuu, 1995. P. 66–67. (University of Joensuu. Studies in History. Nr. 11).

¹³⁶ Обидные дела, которые учинили великие государи его царского величества подданным с стороны его королевского величества Свейской от подданных после последнего Московского подтврждения с прошлого со 192 году (Samling av ryska befolkningens vid svensk-ryska gränser klagomål angående oförrätter av olika slag, som tillfogades dem från svensk sida. Denka samling användes vid dåtidens svensk-ryska förhandlingar och bör därför placeras vid sidam av motsvarande förhandlingsprotocoll) 1697/98 // RA, Muscovitica: 112. Л. 6 об.–7 об.

одной из ежегодных претензий московского правительства шведам. Надо думать, что воспоминания об утраченных их предками поместьях по другую сторону границы будоражили чувства помещиков Теребужского погоста, что, помимо меркантильного интереса, и вызывало такую их активность в пограничье. И в конце 1610-х – начале 1620-х гг. их отцы, выросшие в деревнях Лопского погоста, взирали на зарубежную сторону с чувством серьезной утраты.

В архиве графов Делагарди, хранящемся в Тартуском университете, находится челобитная Ф. Г. Аминева, очень точно передающая отношение новгородского служилого человека (пусть к тому времени и присягнувшего шведскому королю) к своей поместной даче, к заведенному на ней хозяйству. Аминев жалуется Делагарди, что тот велел отписать на себя его поместье в Дудоровском погосте Ореховского уезда¹³⁷. Аминев пишет: «...а вины, государь, своей перед тобою, государем, некоторые не ведаю, только поминаюче твое жалованье к себе, за твое государское многолетнее здоровье Бога молим, да попомни, государь Яков Пунтосович, милостивое свое слово ко мне, как ты, государь, дал». В случае же, если на него поступил донос, Аминев просит дать «милостивый сыск». Помещик обещает, что если с его поместья требуются люди для службы в Орешек — то он тут же готов их поставить, если же люди не нужны — просит обложить его оброчными платежами по смете. Далее Ф. Г. Аминев яркими красками описывает ценность для него поместной дачи: «...тебе, государю, дано от Бога разумети свыша, какова человеку земля помесная; болно не вели отнят, четвертой, государь, год с тово Дудоровсково поместья не имывал плами ни з одное дани, хлеба ни одново зерна: все то давал тем же бобылем в подмогу да скоплял на бедных, да денег дал рублей з дватцат им же на лошади, да ужо, государь, и к нынешнему лету хлеба им дано на емена и на семена, а иные прошают милости, государь, у тебя»¹³⁸.

В Новгороде начала XVII в. ценились пригородные поместья, особенно в последние годы перед Столбовским миром, когда выезд из города был ограничен шведской военной администрацией, да, впрочем, и небезопасен. Хорошо известен опубликованный еще в первой половине XIX в. документ, призывавший новгородцев в феврале 1611 г., вскоре после отстранения от власти Ивана Салтыкова, ехать «в осаду в Великий Новгород», чтобы они «у себя в поместьях по домам не жили, чтоб под ними неметцкие люди

¹³⁷ Оно известно по мантальному описанию этого погоста 1617-1618 гг. Крестьяне Федора Аминева жиди в Suodila by, Perekyla by, Paimos by, Spymala by, Moris by, Kyllnis by, Mirbois by (Mantals Register ofwer Notteborgs Lähn. 1617-1618 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 424. Л. 8 об.-10).

¹³⁸ Прощение шведского дворянина Федора Григорьевича Аминева к графу Якову Делагарди. Б. д. // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 14. С. 63–64.

никакого дурна не учинили»¹³⁹. В последние годы деятельности новгородского правительства эти поместья выступали в роли своего рода подсобных хозяйств, позволявших семьям детей боярских выжить в ситуации голода. Осенью 1616 г. княгиня Татьяна, жена головы Тесовского острожка кн. Г. И. Нарымова отправилась за город для уборки капусты, посаженной у Спаса на Нередице, а также для осмотра посаженного там хлеба. Для ее пропуска кн. Нарымов бил челом новгородскому правительству и вынужден был искать поручителей в лице Григория Негановского и Гавриила Воронина¹⁴⁰.

Службы новгородцев после 1617 г.

Оказавшись в московском лагере, новгородские дети боярские сохраняли свою корпоративность. Возможно, это было связано с особенностями учета служилых людей в Московском государстве. Так, в осажденном Пскове в 1615 г. отдельно учитывались новгородские дети боярские Шелонской и Водской пятин, за много месяцев до этого утратившие свою связь с поместьями в пятинах. Иногда такая корпоративность зависела от обстоятельств перехода на московскую сторону. Так, в 1617 г. из Москвы к Николе Угрешскому были посланы те дети боярские Водской пятины, которые вышли на Тихвин 20 октября 1615 г.

По окончании Смуты среди московских чинов встречается довольно много новгородцев. Так, по наблюдениям А. П. Павлова, с приходом патриарха Филарета в 1619 г. в думные дьяки пожалован новгородец по происхождению Томило Иудич Луговской, но после 19 июня 1622 г. отставлен из этого чина в московские дворяне. После смерти Филарета, 21 декабря 1635 г. Т. И. Луговской пожалован в думные дворяне, а 25 февраля 1638 г. постригся и скоро умер¹⁴¹. Чином думного дьяка в 1626 г. был пожалован новгородец Ефим Григорьевич Телепнев, но в 1630 г. отставлен и подвергнут опале¹⁴². 22 октября 1648 г. в думные дворяне пожалован новгородец Бежецкой пятины Богдан Федорович Нарбеков¹⁴³. Незадолго до 21 сентября 1635 г. в стряпчие с ключом был пожалован

¹³⁹ Память посланному в Водскую пятину о посылке дворян и детей боярских в Новгород и другие места для безопасности от немецких людей. 1611, февр. // ААЭ. Т. 2. № 172. С. 294–295.

¹⁴⁰ Челобитная кн. Гавриила Нарымова и Михаиа Неелова о пропуске их жен для уборки капусты, посаженной у Спаса на Нередице, а князя Гавриила для осмотра посаженного там же хлеба через Славенские ворота. 1616 (?) // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 21.

¹⁴¹ Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 314, 317.

¹⁴² Там же. С. 315.

¹⁴³ Правящая элита... С. 319. 1 сентября 1649 г. боярину кн. И. Н. Хованскому, думному дворянину Богдану Федоровичу Нарбекову и дьякам И. Патрекееву и А. Хватову было велено дать «государева жалованья в стола место свейскому резиденту Карлу Померининку» (Из русских актов, касающихся пребывания в Москве шведского

новгородец Деревской пятины И. М. Аничков, а 13 июня 1646 г. он был произведен из постельничих в думные дворяне¹⁴⁴. Ю. М. Эскин обратил внимание на то, как хорошо И. М. Аничков был знаком с документами начала XVII столетия. В местническом споре 1643 г. он ссылаясь, скорее всего на десятню Деревской пятины 1603/04 г.: «А отец ево служил прежним государем, и в списке был с Деревские пятины другой человек, а стоял выше князей Ростовских, Оболенских, Крапоткиных, Вадбольских... и тех де списков и ныне книга 112 году за дьячей приписью цела»¹⁴⁵.

Всего, по подсчетам А. П. Павлова, в 1613–1626 гг. 23 новгородца были пожалованы в московские дворяне (больше пожалованных было только среди смолян)¹⁴⁶. Интересна судьба новгородца жильца Ивана Андреевича Трусова, бывшего челом о своей бедности: «за мной поместья и вотчины нет, живу у дяди роднова Ивана Григорьева сына Трусова, он меня поит и кормит и на службу сподобляет»¹⁴⁷. Надо думать, что И. А. Тусов — сын защитника Тихвинского монастыря А. Г. Трусова, который, действительно, приходился братом И. Г. Трусову. Однако то, что Иван Тусов, не обладая высокими чинами, в 1643 г. жил в Москве, да еще и оказывал помощь племяннику, — поистине удивительно¹⁴⁸.

Еще один пример долгой и успешной карьеры показал дворянин Бежецкой пятины Афанасий Самуйлов сын Нарбеков. Его имя появляется на страницах источников 11 июля и 29 октября 1613 г., когда он упомянут среди живущих во дворе Настасьи Нарбековой, в то время как его отец Самуил бежал на московскую сторону. В допросе 11 июля 1613 г. Афанасий Нарбеков показал, что его отец перед отъездом сказал, что едет в Хутынский монастырь в гости к архимандриту Киприану¹⁴⁹. 20 ноября 1613 г. по нему была взята поручная запись¹⁵⁰. Юному Нарбекову удалось пережить Смуту. В апреле 1615 г. он был

резидента Карла Поммеринга. 1648–1651 // Якубов К. Россия и Швеция в XVII в. СПб., 1897. С. 388–406).

¹⁴⁴ Там же. С. 317, 319.

¹⁴⁵ Эскин Ю. М. Смута и местничество // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 63–124. С. 77.

¹⁴⁶ Правящая элита... С. 331.

¹⁴⁷ Там же. С. 342.

¹⁴⁸ И. Г. Трусов к этому времени должен был быть очень пожилым человеком. Он начал службу не позднее 1582 г., когда свидетельствовал кабальную сделку кн. М. А. Мещерского (Кабалы, поданные кн. Матвеем Афонасьевым сыном Мещерским. 1598. 3.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 124–144. Стб. 44–50), следовательно, родился не позднее 1568 г.

¹⁴⁹ Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1–3; Допросные речи новгородцев об отъезде дворян Нарбековых. 1613. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 4–5.

¹⁵⁰ Поручная запись по Федосье, жене Богдана Лупандина, Анне Матвеевой, матери Угрима Лупандина, Настасьи Ивановой, матери Парфения Нарбекова, Авдотье, жене

включен в московский список для размена пленных (надо думать, по инициативе своего отца). По словам шведских уполномоченных, к этому времени «в городе (Новгороде. — А. С.) и в ыных городех их нет и не бывали»¹⁵¹. Так или иначе, юноша выжил и после Смуты сделал успешную карьеру в Москве. Афанасий Самуйлов Нарбеков упомянут как судья Галицкой четверти 21 сентября 1654 г., 31 марта и 29 ноября 1655 г.¹⁵² и как казначей с 5 апреля 1663 г. по июль 1676 г.¹⁵³. Замечу, что казначеем прежде него (до 1661 г.) служил другой новгородец, Богдан Дубровский, чья судьба описана мной в отдельном очерке.

И. Е. Забелин и, недавно, Н.Ш. Коллманн обратили внимание на события, случившиеся в Кремле на Постельном крыльце в 1646 г., когда два служилых человека оскорбили князя Ефима Мышецкого и его сына, князя Данила, героя оборны Вильно 1660 г.¹⁵⁴. Замечу, что живший в Новгороде в 1612-1616 гг. князь Ефим – к тому времени видный военачальник, видный участник Смоленской войны, был оскорблен двумя новгородцами же, Иваном Бужаниновым и Федором Васильевым сыном Нащокиным.

Служилая мелкота

Большинство новгородских служилых людей не имело шансов достигнуть высоких чинов. Кроме нескольких сотен детей боярских в состав служилого сословия в Новгороде начала XVII в. входили крещеные и некрещеные татары, своеземцы, дети боярские новгородского владыки. Не случайно новейший исследователь Смуты И. О. Тюменцев утверждает, что именно служилая мелкота была важнейшей социальной базой самозванцев. Не располагая прочными связями в городе, представители этих категорий служилого люда чаще меняли политический лагерь гражданской войны. Не случайно большинство способных к службе новгородских новокрещеных в 1609 г. поддержало тушинские отряды, подошедшие к Новгороду, а в 1616 г. присягнуло королю Густаву Адольфу.

В Новгороде начала XVII в. представители низших чинов служилого люда заметно повысили свой статус. Шведской администрации было довольно сложно разобраться в тонкостях московской терминологии. Известно, что «дети боярские» часто именовались

Парфения Нарбекова, Афанасии Самойлове сыне Нарбекова, Григории Парфеньеве сыне Нарбекова, Степане Андрееве сыне Нарбекова, Степаниде Максимовой дочери Нарбекова, Прасковье и Федоре Парфеньевых дочерях Нарбекова о неотъезде их из Новгорода. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 17–18.

¹⁵¹ Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 3. Л. 212–213.

¹⁵² *Богоявленский С. К.* Приказные судьбы XVII века. М.; Л., 1946. С. 41.

¹⁵³ Там же. С. 71–72.

¹⁵⁴ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец. М., 1990. С. 277-279. *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 304.

«боярами». Старорусский рассыльщик Петр Корповский, отправленный в первых числах мая 1615 г. из Старой Руссы в Дедерино вместе со шведом Гансом фон Ретелем («Анцей Фанретелом») для «укрепления» с московскими посланными Семеном Коробьиным с товарищами, был назван «сыном боярским добрым»¹⁵⁵.

Своеземцы

Выделение своеземцев из всего состава новгородских вотчинников небоярского происхождения периода новгородской независимости достаточно условно. Известно, что члены одной и той же семьи после конфискации Ивана III могли частью сохранить владения, а частью лишиться их. Таким образом, нет различия между мелкими вотчинниками, утратившими свои вотчины и их сохранившими.

В ряде случаев боярщины, владельцы которых имели сходные прозвища и о которых почти наверняка можно говорить как о состоявших друг с другом в родстве, располагались в непосредственной близости друг от друга. Это указывает на то, что в прошлом такие группы владений составляли цельную волость, принадлежавшую «родоначальнику» всех более поздних владельцев. Такие волости иногда образуют значительные территории, и, что чрезвычайно важно, их владельцы не соотносятся с каким-либо известным по другим письменным источникам боярским родом, т. е. со всей уверенностью можно отнести их к житейным людям. Таковы Слuzовы, Победицкие, Сарские, Троицкие. Обращение к материалам о владельцах эпохи новгородской независимости в Водской и Шелонской пятинах также дает немало примеров соответствия топонимов фамильным прозвищам владельцев. Эти прозвища, данные по главному (и, возможно, наиболее раннему по времени возникновения) селению волости, к концу XV в. принимают, по всей видимости, родовой характер. В течение XVI в. значительная часть своеземческих родов разрослась, следствием чего было дальнейшее измельчание их владений¹⁵⁶.

Следует подчеркнуть, что картина, которую удастся реконструировать на основании самых ранних сохранившихся писцовых книг рубежа XV–XVI вв. — это определенный итог, результат мобилизации этих владений. Наверняка многие из них к моменту конфискации подверглись наследственному разделу, куплям, обмену и т. п. Причем, вероятно, эта мобилизация проходила одновременно с дальнейшей колонизацией земель. На это в первую очередь указывает компактность расположения владений

¹⁵⁵ Грамота капитана С. Аппельмана и Г. Бракилева об их прибытии на съезд для размена перебежчиками. 1615. 3.05 // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 3. Л. 107–109.

¹⁵⁶ Преемственность своеземческих фамилий в XVI в. была подмечена Н. В. Мятлевым (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 450 (далее — Десятня 1605)).

землевладельцев-родственников и, с другой стороны, их явная неравноценность в рамках владений одной фамилии. В результате перехода владений из рук в руки своеземцы Облуцкие¹⁵⁷ стали помещиками Копорского уезда¹⁵⁸, а Ровдицкие, компактно проживавшие на границе Лядского и Бельского погоста Шелонской пятины, оказались землевладельцами Дворецкого погоста¹⁵⁹.

Обращает на себя внимание один район Шелонской пятины (ныне это пограничье Лужского района Ленинградской области и Плюсского района Псковской области). Его особенностью является необычная для Полужья и Поплюсья удаленность поселений друг от друга. Ко времени описания рубежа XV/XVI вв. практически все население этого района составляли своеземцы. Большинство этих своеземцев принадлежало к низшей категории — они платили подможные деньги земцам дальней службы¹⁶⁰.

Важнейшим источником, впервые фиксирующим фамильные прозвища своеземцев этих погостов, является писцовая книга Залесской половины Шелонской пятины Яныша Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова, составленная около 1571 г. и опубликованная в 1905 г.¹⁶¹

Вердужские

Фамильное прозвище своеземцев Вердужских связано с д. Вердуга, в Доложской трети Бельского погоста, неподалеку от Сяберского монастыря¹⁶². Единственный раз своеземцы Вердужские упомянуты в 1571 г. Это Истома и Федор Есипов Вердужские, чьи деревни к тому времени стояли пустыми¹⁶³. В более поздних описаниях 1582 и 1628/29 гг. упомянуты только порозжие земли этих землевладельцев¹⁶⁴. Заметим, что во всех случаях они также самой деревней Вердугой не владеют.

¹⁵⁷ Прозвище Облуцких несомненно соотносится с названием Облуцкого погоста Шелонской пятины — ныне в Порховском районе Псковской области.

¹⁵⁸ Десятня 1605. С. 495; Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 31

¹⁵⁹ Т. е. переместились примерно на 70 км на восток, с территории современного Плюсского района Псковской области на территорию Порхова (ср. д. Ровдицы, Плюсский район, д. Дворец, Порховский район).

¹⁶⁰ Что особенно примечательно, почти все своеземческие фамильные прозвища, связанные с населенными местами этого района, сохраняются в источниках вплоть до середины XVIII в.

¹⁶¹ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилки Кистечкова. 1571 (без начала) // НПК. Т. 5. СПб., 1905 (далее в сносках ПК 1571). Стб. 538–541 и далее.

¹⁶² Ныне д. Сяберо в Лужском районе Ленинградской области.

¹⁶³ ПК 1571. Стб. 537.

¹⁶⁴ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорозжих земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628–1629 //

Вешенские

Этот род получил фамильное прозвище по д. Вешень. До 1572 г. эта деревня была «за Ивашком, Юшком, Худячком, Федком, Миткой Лукиными», позднее отдана переведенным из Нещердского уезда помещикам И. Т. Оникееву и В. С. Лаптеву¹⁶⁵. В течение Смутного времени и в первые годы царствования Романовых никакой информации о Вешенских не фиксируется ни в писцовых книгах, ни в десятиях. Но в переписной книге Шелонской пятины 1678 г. фигурирует землевладелец Бельского погоста Лука Вешенский¹⁶⁶. В марте 1691 г. упомянут его сын, Кирилл Лукин Вешенский¹⁶⁷, а в переписной книге 1706/07 г. — внук, Кондратий Кириллов Вешенский¹⁶⁸. В течение этого времени Вешенские владеют не д. Вешень, а близлежащим усадищем Сабицы с деревнями. Напрашивается мысль о том, что фамильное прозвище Вешенские сохранили с XVI в., временно утратив владения в годы Смуты, но вновь получив поместные оклады в середине XVII столетия.

Дворецкие

Дворецкие — самый разветвленный род среди своеземцев Лядско-Бельского пограничья. Фамильное прозвище они получили по д. Дворец, неподалеку от центра Лядского погоста. В середине XVI в. этой деревней владели земцы Микифорко Терентиев и его сын Иванко¹⁶⁹.

В писцовой книге 1571 г. четко указано родовое гнездо Дворецких — д. Дворицы в Лядском погосте, — прежде находившееся в вотчине деда земцев, упомянутых в этой книге, Якова Никифорова, а в описываемое время разделенное между внуками: Андреем и Селянином Григорьевыми, Ездоком и Федором Васильевыми, Звягой, Шарапом,

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800 (далее в сносках ДК 1628/29). Л. 436 об.; Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Шелонской пятины письма писца Л. Аксакова. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 957 (далее в сносках ПК 1582). Л. 1045 об.

¹⁶⁵ Ввозная грамота Ивану Тимофееву сыну Оникееву и Василию Суморокову сыну Лаптеву на земецкие поместья в Лядском погосте Шелонской пятины. 1572. 29.07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 202 об.–204.

¹⁶⁶ Подлинная переписная книга поместных и вотчинных сел и деревень, дворов и людей Шелонской пятины Залесской половины стольника Степана Оничкова и подьячего Антипа Федорова. 1678 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8570 (далее — ПК 1678). Л. 236, 343.

¹⁶⁷ Записная книга крепостных актов по Шелонской пятине. 1671–1701 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 357. F⁰. Л. 156.

¹⁶⁸ Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова. 1706/07. Подлинник // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 225.

¹⁶⁹ Ввозная грамота Илье Филипову сыну Корсакову на поместье в Лядском погосте. 1572, сент. (без конца) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 21–22, 27 об.

Шатуном, Харлантеем и Шестаком Степановыми детьми Дворецкого¹⁷⁰, из которых Шарап Дворецкий владел также поместьем в соседнем Дмитриевском Бельском погосте¹⁷¹. Один из детей Якова Никифорова, Василий, дожил, впрочем, до 1600 г., получив 2 сентября этого года поместье в Быстреевском погосте¹⁷². В 1571 г. никто из Дворецких не нес самостоятельной службы. Все они платили подможные деньги соседу, земцу «большой службы» Федору Должинскому¹⁷³. Шарап Дворецкий оставался помещиком этих погостов и в 1582 г. (правда, уже без братьев)¹⁷⁴. В 1594 г. ему было поручено отделить поместье Зверю Корсакову¹⁷⁵, а в 1596/97 г. Шарап пахал пустошь Витонез в том же погосте¹⁷⁶. В Смутное время о Шарапе Дворецком не было слышно ничего, его пустое поместье в Бельском погосте упомянуто в дозорной книге 1628/29 г.¹⁷⁷

---

¹⁷⁰ ПК 1571. Стб. 563.

¹⁷¹ Там же. Стб. 546.

¹⁷² Отдел неслуживым Первым Пажинским поместья Василия Боброва в Быстреевском погосте Шелонской пятины Василию Яковлеву сыну Дворецкому и отписка оставшейся части поместья на государя. 1600. 2.09 // РГАДА, ф. 1209, д. 16662, л. 12–13 об.

¹⁷³ Там же. Стб. 563. Фамильное прозвище Должинского связано с д. Должицы, ныне в Плюсском районе Псковской области.

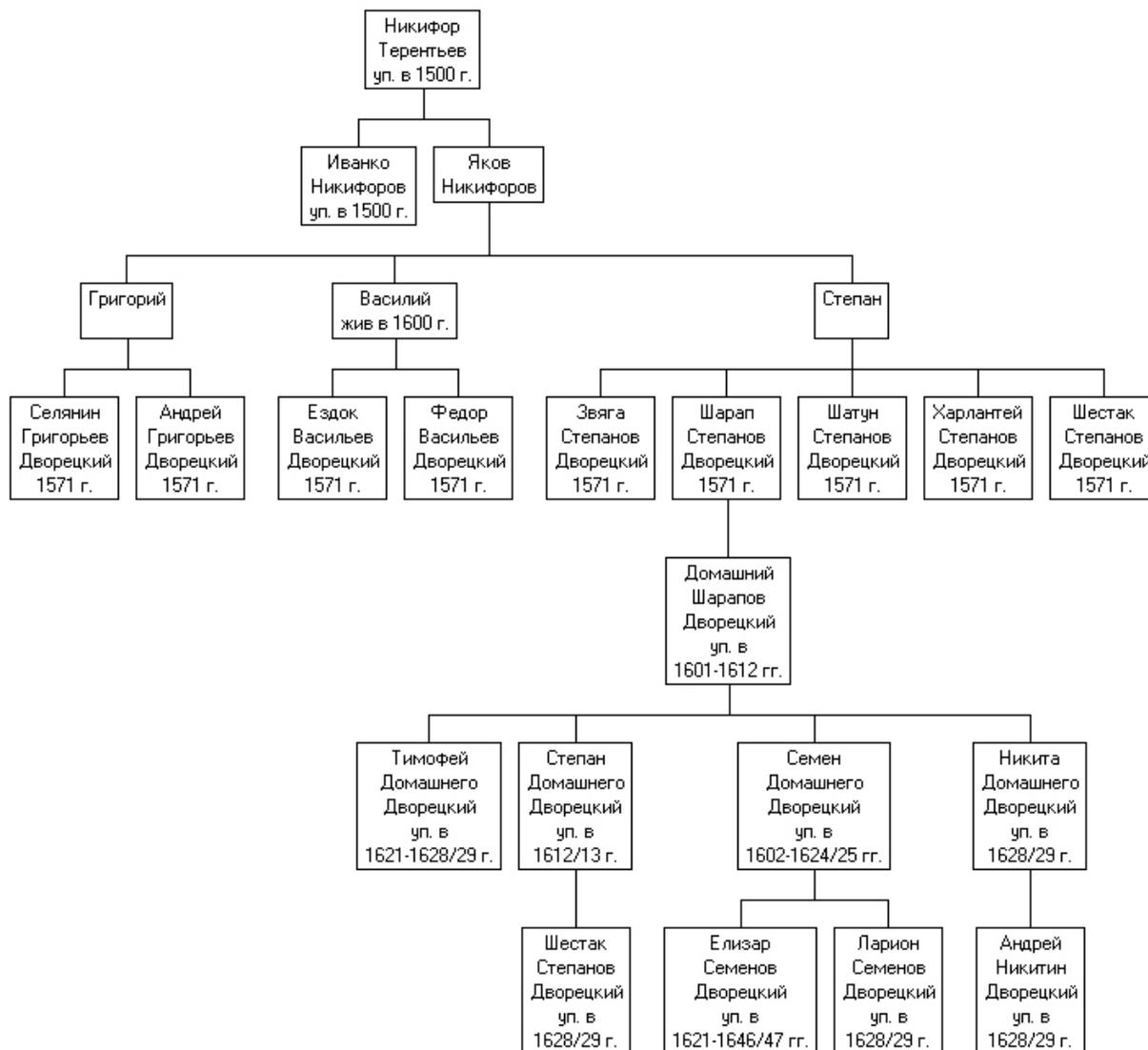
¹⁷⁴ ПК 1582. Л. 1054 об.–1055..

¹⁷⁵ Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... С. 126.

¹⁷⁶ Дело по челобитной Зверя Корсакова о том, что его поместные пустоши дозорщики признают оброчными и взыскивают за них оброк. 1596. 21.09–14.10 // Дела Тайного приказа. Т. 4. (РИБ. Т. 38). Л., 1926. № 4. Стб. 18–29.

¹⁷⁷ ДК 1628/29. Л. 438 об.

Рис. 2. Род своеземцев Дворецких в XVI – начале XVII в.

В 1571 г. впервые упомянут Нечай и его брат Семен Александровы дети Дворецкие, помещики Бельского погоста¹⁷⁸. Нечай («с братьей») сохранил свое поместье и в 1582 г.¹⁷⁹, равно как и в 1628/29 г., когда был упомянут также его сын Неклюд.¹⁸⁰ Семен Александров (Олисов) Дворецкий 12 мая 1600 г. получил еще и поместье в Быстреевском погосте¹⁸¹.

Ни в десятнях, ни в других источниках эпохи Смуты эта ветвь Дворецких не упоминается. Кроме Нечая с братьями известно еще несколько Дворецких конца XVI в., которых не удается соотнести с генеалогической схемой (рис. 2). Так, до 1592/93 г. пустошью в

¹⁷⁸ ПК 1571. Стб. 546–547.

¹⁷⁹ ПК 1582. Л. 1057 об.

¹⁸⁰ ДК 1628/29. Л. 439.

¹⁸¹ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова в Быстреевском погосте Шелонской пятины и отписка оставшейся части поместья на государя. 1600. 12.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 3–5 об.

Косицком погосте владел Сидор Дворецкий¹⁸², в 1596 г. среди верстанных новиков известен Афанасий Яковлев Дворецкий¹⁸³.

Хорошо известен сын Шарапа Дворецкого, Домашний Шарапов Дворецкий. В 1601/02 г. он, а также его сын Семен, записали за себя холопов в Новгороде¹⁸⁴. В конце августа 1612 г. он отделил Дмитрию Федорову Курицыну поместье в Щепецком, Прибужском и Лядском погостах, скрепив отдельные книги своей рукой (следовательно, был грамотен)¹⁸⁵.

Земельные владения Василия Дворецкого в Лосицком погосте по отделу 1612/13 года были розданы в поместья Степану Домашнего Дворецкому и Ивану Андрееву Толбугину¹⁸⁶. Неслуживым новиком с окладом в 100 четвертей и 4 рубля денег был записан в 1621 и 1624/25 г. брат Степана Дворецкого, Семен¹⁸⁷. В 1628/29 г. он назван владельцем деревни Житковичи и трех пустошей в Бельском погосте¹⁸⁸ и сельца Заполье в Лядском погосте.¹⁸⁹ Еще один их брат, Тимофей Домашнего Дворецкий в 1621 г. был записан земцем с большим окладом в 450 четвертей и 14 рублей с городом¹⁹⁰. В 1628/29 г. он владелец пустошей Вешень и Озереве в Лядском погосте¹⁹¹. В десятне денежной раздачи 1621 г. упоминается Елизар Семенов Дворецкий с окладом в 150 четвертей и 6 рублей с городом (вероятно, сын Семена Домашнего Дворецкого)¹⁹². В 1624/25 г. он

¹⁸² Дело по челобитным Василия Бутурлина и кн. Тимофея Шаховского о поместье А.Обухова. 1614, март // RA, NOA. Serie 2:98.

¹⁸³ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. П. Лихачевым // ИРГО. 1909. № 3. С. 199.

¹⁸⁴ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 368.

¹⁸⁵ Отдел Домашним Дворецким поместья Дмитрию Федорову сыну Курицыну изменничьего поместья Дмитрия Константинова сына Скобельцына в Щепецком погосте Шелонской пятины. 1612. 23.08 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 587–591.

¹⁸⁶ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 13, 14.

¹⁸⁷ Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131 (далее Десятня 1621). Л. 81 об.; Десятня денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 15. Полагаю, Семен Домашнего Дворецкий был младшим братом Степана. Последний, видимо, к 1601/02 г. уже жил отдельно от отца, а Домашний Дворецкий записал за себя холопа вместе с жившим с ним сыном Семеном, который должен был родиться незадолго до 1601/02 г., так как к 1621 г. имел минимальный новичный оклад.

¹⁸⁸ ДК 1628/29. Л. 415 об.–416.

¹⁸⁹ ДК 1628/29. Л. 473.

¹⁹⁰ Десятня 1621. Л. 79 об.

¹⁹¹ ДК 1628/29. Л. 473 об.

¹⁹² Десятня 1621. Л. 81.

отделял поместье одному из помещиков Быстреевского погоста¹⁹³, а в 1628/29 г. сам назван помещиком этого погоста (владел половиной деревни Зовка)¹⁹⁴. В 1646 г. у него уже было поместье в Лосицком погосте, где он жил и сам в д. Щербова Гора на речке Дряжне¹⁹⁵.

Самым большим поместьем в Лядском погосте владел Никита Домашнего Дворецкий — собственно сельцом Дворицы и девятью с половиной пустошами (из них две — Дворец Другой и Вешень)¹⁹⁶. Интересно, что при этом в десятнях он не упоминается и, следовательно в 1620-х гг. службы не служил. Тремя пустошами в Лядском погосте владели также земцы Шестак Степанов и Андрюша Никитин Дворецкие¹⁹⁷, и тремя пустошами в Лосицком погосте — Ларион Семенов Дворецкий¹⁹⁸.

Генеалогическая связь Дворецких середины XVII – начала XVIII вв. с более ранними Дворецкими мною не прослежена. В 1646 г. деревни Дворец и Вешень находились во владении Дмитрия Иванова сына Дворецкого. Неясно, кем он приходился Никите Домашнего Дворецкому. В соседнем сельце Заполье жил брат Дмитрия, Семен Дворецкий¹⁹⁹. В 1678 г. в Шелонской пятине известно четыре помещика Дворецких — Григорий Абрамов сын (жил в усадище Винкина Гора в Лосицком погосте), Алексей Дмитриев сын, живший в усадище Дворицы²⁰⁰, не названный по имени сын Тимофея Дворецкого, живший в д. Заозерье²⁰¹, и Тимофей Семенов сын, живший в Бельском погосте²⁰². В 1693/94 г. Иван Семенов Дворецкий поменялся с будущим новгородским комендантом Иваном Юрьевичем Татищевым задворным человеком²⁰³. В переписной книге Шелонской пятины 1706 г. упомянуты помещики Алексей Дмитриев (помещик Лядского погоста) и Козьма Семенов (живший в усадище Дворицы и владевший д. Житковичи) Дворецкие²⁰⁴.

¹⁹³ ДК 1628/29. Л. 224.

¹⁹⁴ ДК 1628/29. Л. 234.

¹⁹⁵ Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи Степана Глебова. 1646/47 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 310 (далее — ПК 1646). Л. 521 об.—522.

¹⁹⁶ ДК 1628/29. Л. 471 об.—472 об.

¹⁹⁷ ДК 1628/29. Л. 481—481 об.

¹⁹⁸ ДК 1628/29. Л. 600, 600 об.

¹⁹⁹ ПК 1646. Л. 398—399.

²⁰⁰ Очевидно, сын Дмитрия Иванова Дворецкого — помещика 1646 г.

²⁰¹ ПК 1678. Л. 179, 203, 233.

²⁰² Там же. Л. 332.

²⁰³ Меновые записи разных лиц о промене крестьянами с И. Ю. Татищевым. 1673. 4.01—1693. 16.10 // РГИА. Ф. 878. Оп. 2. Д. 39.

²⁰⁴ Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим.

Шестаковы-Дубровицкие

Особое место среди своеземцев пограничья Лядского и Бельского погостов занимают Шестаковы. В 1683 г. один из Шестаковых, Григорий Васильев, подал челобитную на Ивана Юрьевича Татищева, который утверждал, что Шестаков — его крестьянин. Шестаков неплохо ориентировался в документах и показал, что записанные в писцовых книгах Яныша Муравьева 1571 г. земцы Офонос Парфеев и Первуша Шестаков, населявшие вместе с другими восемью своеземцами деревню Дубровичи Бельского погоста, — его родня²⁰⁵. В конце XVI в., по словам Г. В. Шестакова, жило три брата, Первой, Перха и Друган-Никита, дети Осипа Шестакова. У Перхи было три сына, старший Офонос, упомянутый в писцовой книге Яныша Муравьева, Тимофей-Козел, служивший и умерший в псковских конных казаках, и отец Григория Шестакова, Василий. Все старшие Шестаковы, по челобитной, погибли «в немецкое разорение», кроме Никиты-Другана, а также Тимофея и Василия Шестаковых. Василий был самым младшим и рос в Сяберском монастыре, Тимофей, как было сказано, служил в казаках, а дядя их Друган, по выражению Г. В. Шестакова, в то время был «в гульбе». Василий Шестаков, уйдя из монастыря, пошел в добровольные бобыли к боярину кн. Ивану Федоровичу Хованскому, куда, придя из «гульбы», подселился и Друган-Никита (он вскоре ослеп). Это поместье находилось в районе села Боброво Лядского погоста и было выделено боярину в бытность того псковским воеводой из дворцовых волостей Шелонской пятины. После смерти кн. И. Ф. Хованского, когда его вдове Марье выделяли прожиточное поместье²⁰⁶, за ней был записан Друган Осипов Шестаков и малой Васька (Василий) Друганов Шестаков. По точному выражению Г. В. Шестакова, отчество Василия Шестакова было не «Друганов», а «Перхин», хотя и «отец их, Васка того дядю своего Другана имал себе вместо отца». Надо сказать, что в переписной книге 1646 г. описана вотчина княгини Марьи Афанасьевны Хованской; однако среди ее крестьян ни Д. О. Шестакова, ни В. Д. Шестакова мне найти не удалось²⁰⁷. После смерти княгини Марьи Василий Шестаков и родившийся к тому времени Григорий жили добровольно, без порядной записи, в крестьянах за Иваном Алексеевым Татищевым, после смерти которого они были отделены племяннику того, Ивану Юрьевичу Татищеву, который и пытался насильно взять с них порядные записи, «и он де, земец Гришка з братьею, не хотя у него, Ивана, жить в порабощении, учали о том бити челом великому государю, и он де, Иван

Аничкова. 1706/07. Подлинник // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 197 об., 224 об., 219 об., 225.

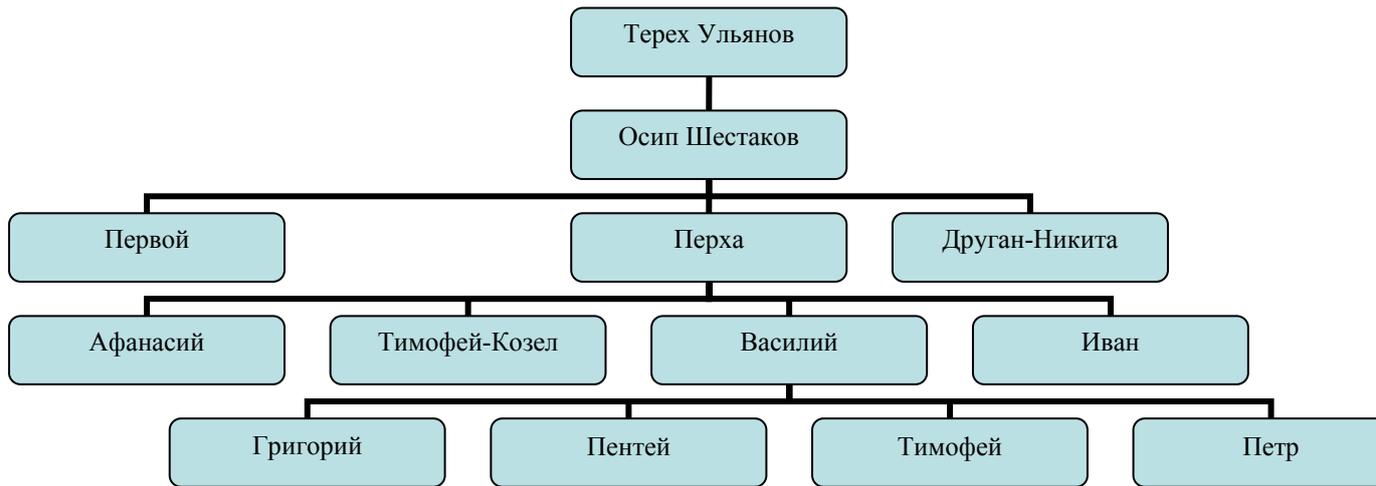
²⁰⁵ ПК 1571. Стб. 545.

²⁰⁶ Это произошло в 1625/26 г. (ДК 1628/29. Л. 454).

²⁰⁷ ПК 1646. Л. 483 об.—485.

Татищев, сведал их челобитье, учал их бить и в железа ковать и всячески изгонять и истыжать, и он де Гришка з братьею не стерпя ево изгоненья, бьет челом великому государю, по родству земцы, против прежних родичей своих». 14 июля 1683 г. воевода П. В. Шереметев решил дело в пользу земцев «Гришки да Пентюшки да Тимошки да Петрушки Васкиных детей Шестаковых»²⁰⁸.

Рис. 3. Род своеземцев Шестаковых-Дубровицких

Обращение к писцовой книге Яныша Муравьева 1571 г. дает дополнительную информацию о роде Шестаковых. Среди земцев Лядского погоста Шестаковы совершенно определенно именуются Дубровицкими (по названию деревни Дубровичи, где они жили). Кроме того, назван их дед, Терех Ульянов. При этом Афанасий Перхин Дубровицкий и его брат Иван, не известный Г. В. Шестакову, с поместья в Лядском погосте служили службу самостоятельно, а с других земель вместе со своими родичами платили подмогу «земцу большие службы» Тимохе Укретцкому²⁰⁹.

Житковские (Житковы)

Фамильное прозвище Житковских связано с д. Житковичи на севере Лядского погоста²¹⁰. Впервые Житковские упомянуты в 1571 и 1572²¹¹ гг. Тимофей Иванов и Третьяк Наумов Житковские тогда владели деревнями Житковичи, Сварец и пустошью Вешняя

²⁰⁸ Расспросные речи земца Григория Васильева сына Шестакова, которого И. Ю. Татищев насильно записывает в крестьяне. 1683 // *Селин А. А.* Генеалогические и историко-географические заметки о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексева. М.; СПб., 2006. С. 331–332..

²⁰⁹ ПК 1571. Стб. 563.

²¹⁰ Ныне д. Большие и Малые Житковичи Плюсского района Псковской области.

²¹¹ Ввозная грамота Ивану Черницыну сыну Корсакову на поместье в Бельском погосте Шелонской пятины. 1572, сентябрь (без окончания) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 38–39 об.

(Вешень)²¹². Прежние владельцы этих деревень, упомянутые в писцовой книге 1571 г., Максим Степанов и его братанич Иванко Гридин — по всей вероятности, предки Тимофея и Третьяка — прозвища Житковских не носили.

В 1599/1600 г. земцу Лаврентию Степанову Житковскому (Житкову) была отделена часть поместья Афанасия Андреева Еремеева в Лосицком погосте. При царе Василии Шуйском он бил челом о намеренном неправильном отделе ему в 1606/07 г. части поместья Петра Скобельцына в Лосицком погосте (10 четвертей на пустоши Гостичеве) Янышем Опалевым, который лучшую долю выделил вдове Петра Скобельцына с детьми: «да тод же, государь, Яныш, нарояси, отписал еси у меня половину закусу на Дряжне рекою... да на Широкой... да на Лютой рекою...»²¹³. 12 мая 1600 г. поместье Мира Тыртова в Быстреевском погосте получил также брат Лаврентия, Пантелей²¹⁴. После 1617 г. Житковские сходят со сцены, а деревня Житковичи, давшая им фамильное прозвище, переходит во владение Ровдицких.

Ровдицкие

Фамильное прозвище этим своеземцам дано по названию д. Ровдицы. Впервые оно встречается в писцовой книге 1571 г., где упомянуто пять братьев — Третьяк, Томило, Ждан, Богдан и Поздык, дети Нечая Александрова Ровдицкого и владельцы 12 деревень на периферии Бельского погоста (деревни Ровдицы среди них не было)²¹⁵. Их брат Неклюд Нечаев и, вероятно, двоюродные братья, Данило и Иван Семеновы, Иван Докукин, а также Ждан и Нехороший Максимовы Ровдицкие владели пустой деревней Ровдицы. Писцовая книга Я. Муравьева особо отмечает, что единственным служащим земцем с этого поместья был Данило Ровдицкий (служивший в Новгороде в Поместной избе, вероятно рассыльщиком), остальные же земцы платили подможные деньги в государеву казну²¹⁶. В феврале 1573 г. упомянут выборный целовальник Залесской половины Шелонской пятины Томило Ровдицкий²¹⁷. Полагаю, что он, равно как и выступавший в декабре 1586 г. одним из поручителей по недельщику Шелонской пятины Томило Степанов Ровдицкий²¹⁸, — это

²¹² ПК 1571. Стб. 540, 541.

²¹³ Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентий Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.

²¹⁴ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова...

²¹⁵ ПК 1571. Стб. 543–545.

²¹⁶ ПК 1571. Стб. 546.

²¹⁷ Обыскная книга Ивангородского окологородья. 1573. 25.02 // Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 336–340.

²¹⁸ Поручная запись по недельщику. 1586, дек. // Из архива Л. Н. Целепи // Сборник НОЛД. Вып. 5. 1911. С. 6–7.

известный по писцовой книге 1571 г. Томило Нечаев сын. Писцовая книга 1582 г. лишь повторяет имена Третьяка и Нечая Ровдицких с братьями и указывает на пустоту их поместий²¹⁹. Вновь Ровдицкие встречены мной в дозорных книгах Дремяцкого погоста 1595 г. В начале 1590-х поместье здесь получил земец Истома Ровдицкий, а в 1591/92 г. — уже многократно упомянутый Томило Ровдицкий²²⁰.

Несколько Ровдицких жило в далеких от Бельского погоста частях Новгородской земли. Петр Михайлов Ровдицкий, согласно десятне 1598/99 г., служил земцем Водской пятины с окладом в 200 четвертей и к 1603/04 г. скончался²²¹ (вероятно, в 1599/1600 г., когда 100 четвертей его поместья в сельце Остров Хрепельского погоста отошло Дмитрию Досадину)²²². Еще двое Ровдицких, Данило (возможно, известный по писцовой книге 1571 г. Данило Иванов сын)²²³ и Михаил упомянуты в качестве помещиков Дворецкого погоста на Шелони в начале XVII столетия. Последний, Михаил, в октябре 1611 г. жил в крестьянском дворе в своей деревне Выбити²²⁴.

Среди помещиков Шелонской пятины, живших сразу после Смуты, известен один Ровдицкий, Иван Мартьянов (Воинов) сын, получивший с двумя сестрами-девками прожиточное отцовское поместье в Лядском и Бельском погостах в 1617/18 г.²²⁵ Видимо он не достиг даже новичного возраста к 1624 г., так как не упомянут в десятне денежной раздачи. Иван Ровдицкий сохранил поместье в Бельском погосте и в 1646/47 г.²²⁶ Позднее Ровдицкие мне не известны.

Пажинские

Фамильное прозвище Пажинских происходит от д. Пажино Бельского погоста, располагавшейся на границе современных Лужского и Плюсского районов соответственно Ленинградской и Псковской областей. Впервые это прозвище встречается у своеземцев в 1571 г. В писцовой книге Я. Муравьева упомянуты Неклюд, Ждан,

²¹⁹ ПК 1582. Л. 1052–1054 об., 1056 об.

²²⁰ Дозорные книги порожних земель Дремяцкого погоста Шелонской пятины дозора подьячего Суботы Никифорова. 1595. 20.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 973. Л. 121, 122.

²²¹ Десятня 1605. С. 508.

²²² Дело по челобитью сына боярского Водской пятины Васки Григорьева с. Есипова о поместье. 1613, до 18.03 // RA, NOA. Serie 2:220.

²²³ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 129.

²²⁴ Отдел губным старостой Борисом Мякининым Семену Павлову сыну Бровцыну поместья вдовы Григория Харламова в Дворецком погосте Шелонской пятины. 1610. 28.04 // RA, NOA, Serie 1:41. С. 68–71; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 129.

²²⁵ ДК 1628/29. Л. 413 об., Л. 465.

²²⁶ ПК 1646. Л. 445 об.

Дмитрий и Савелий Андреевы, Осталец, Федор и Григорий Константиновы, Третьяк Мартемьянов и Первой Васильев Пажинские²²⁷. Все они жили в деревне Пажино и владели совместно еще тремя деревнями (одна из них пустая).

Первой Васильев Пажинский известен и по более поздним источникам: в 1599/1600 г. как неслуживый сын боярский Шелонской пятины он отделил в Лосицком погосте поместье А. А. Еремеева своеземцу Л. С. Житкову²²⁸, а 12 мая 1600 г. — поместье в Быстреевском погосте его брату Пантелею²²⁹.

Довольно подробно известна история службы его младшего современника, Ивана Васильева Пажинского. На верстании 1605/06 г. ему был назначен оклад в 150 четвертей и 6 рублей денег с городом. 5 июля 1612 г. он отделил поместье вдове Полуэкта Колычева Матрене в Бельском погосте Шелонской пятины²³⁰. При разборе 2 мая 1619 г. ему был подтвержден оклад, положенный по десятне 1605/06 г.²³¹, а 4 июля 1621 г. по какой-то причине денежный оклад был уменьшен до 5 рублей²³². По дозорной книге 1628/29 г. он владел поместьем в Бельском погосте (пустошь Горнечно у кладбища)²³³, а также недавно пожалованным ему поместьем земца Гриши Анофриева в Лядском погосте (пустошь Пожарища и еще три пустоши)²³⁴. Возможно, его сын, Никифор Иванов Пажинский, согласно той же писцовой книге, владел третью д. Житковичи²³⁵.

В десятне 1621 г. упомянут другой служивый земец Никифор Петров Пажинский, с таким же окладом в 150 четвертей и 5 рублей денег с городом²³⁶. Дозорная книга 1628/29 г. знает его как помещика Бельского погоста (близ погостского центра)²³⁷, а также упоминает как помещицу его мать Акулину и младшего брата Степана, живших в д. Пажино на реке

²²⁷ ПК 1571. Стб. 541.

²²⁸ Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентия Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.

²²⁹ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова в Быстреевском погосте...

²³⁰ Отдел неслуживым Иваном Пажинским вдове Матрене, жене Полуэкта Колычева, с детьми поместья в Дмитриевском Бельском погосте Шелонской пятины. 1612. 5.07 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1302–1305 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

²³¹ Сыскная десятина о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Шелонской пятины Новгородского уезда с упоминанием о придачах к их окладам за участие в походах на восставших в 1607 г. под Алексин, Серпухов, Тулу и Каширу. 1619. 2.05 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 282.

²³² Десятня 1621. Л. 57.

²³³ ДК 1628/29. Л. 412 об.

²³⁴ Там же. Л. 470 об.–471.

²³⁵ Там же. Л. 417.

²³⁶ Десятня 1621. Л. 70 об.

²³⁷ ДК 1628/29. Л. 414.

Черной и владевших еще тремя пустошами²³⁸. Никифор Петров Пажинский был помещиком Бельского погоста в 1646 г., как и его дети Сидор и Антип (последний — в Лядском погосте)²³⁹. В это время известны также братья Томило и Степан Петровы Пажинские, в чьем владении была деревня Пажино (Пажа), давшая фамильное прозвище этому роду²⁴⁰.

В переписных книгах 1646 и 1678 гг. упомянут потомок Ивана Васильева Пажинского Максим Федоров, живший в усадище Горнечно, а также владевший помещьем в Лядском погосте²⁴¹. Последний известный нам Пажинский — это отставленный от службы около 1698 г. сын боярский Шелонской пятины Гаврила Степанов сын Пажинской²⁴².

Представители этих шести своеземческих фамилий населяли болотистые районы пограничья Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины. Создается впечатление, что большое число своеземческих семей, видимо родственных между собой, заселивших практически монополюдно пустынные земли водораздела Луги и Плюсы, представляют собой группу колонистов последних лет новгородской независимости, самостоятельно разработавших незаселенные пространства и получивших их в вотчины, которые были сохранены московскими чиновниками. Вероятно, потребности правильного составления разрядной документации в XVI в., а также тенденция к нивелировке различий внутри служилого сословия привели к тому, что за своеземческими родами укрепляются фамильные прозвища, которые давались по тем деревням, которые были родовыми гнездами этих родов. Дальнейшая мобилизация поместий, особенно проявившаяся после конфискаций поместий у земцев-нетчиков в начале 1590-х гг., привела к потере многими своеземческими родами этих гнезд (карта 10).

В годы Смуты большинство своеземцев Шелонской пятины исчезает из поля зрения источников (за исключением самого разветвленного рода Дворецких). Типичные судьбы представителей этой социальной группы продемонстрированы на примере Дубровицких-Шестаковых — «гульба», верстание в конные казаки. После Смутного времени своеземцы Лядского и Бельского погостов постепенно возвращаются в ряды служилого сословия и верстаются поместьями, начиная с минимальных окладов. К концу XVII в. они в целом растворяются в рядах мелкопоместного новгородского дворянства, сохранив тем не менее тягу к своим родовым вотчинам.

²³⁸ Там же. Л. 414 об.–415.

²³⁹ ПК 1646. Л. 446, 478.

²⁴⁰ Там же. Л. 445.

²⁴¹ Там же. Л. 444 об.; ПК 1678. Л. 234 об.–235, 338.

²⁴² Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // СПБИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324. Л. 5 об.

Судьбы своеземцев Водской пятины, чьи имена известны по документам Смутного времени, имели свою специфику. Несколько своеземческих фамилий еще на рубеже XV–XVI вв. имели владения в болотистых верховьях рек Рыденка (левый приток Ордежа) и Тосна, на границе Климентовского Тесовского, Никольского Ижерского и Никольского Будковского погостов. В начале XVI в. самым представительным из своеземческих родов этого района был род Кречатниковых, к концу столетия исчезнувший. Кроме того, с 1500 г. известны своеземцы Сочевицыны и Буйносовы, жившие с Кречатниковыми чересполосно и, по всей видимости, находившиеся с ними в родстве²⁴³. Последние достаточно часто встречаются в Новгороде эпохи Смуты.

Согласно писцовой книге 1500 г., владения Игната Митрофанова Буйносова (жившего на погосте Будково)²⁴⁴, Андрея Матфеева Сочевицына и Филиппа Фомина Сверчина-Кречатникова (живших в д. Сверчино)²⁴⁵ на Тосне располагались в тесном соседстве. Представляется, что здесь можно говорить о неких совместных усилиях этих семей по колонизации незаселенного пространства к северу от основных владений. Отметим также на примыкающие к ним деревни своеземцев другого смежного Тигодского погоста, где в течение XVI в. прослеживается род своеземцев Котельниковых, также живущих на явно недавно заселенных территориях, поодаль от крупных вотчин и погостских центров²⁴⁶. Если в 1500 г. известно семеро представителей семейства Буйносовых²⁴⁷, то на рубеже XVI–XVII вв. упомянуто уже девять членов этой фамилии, причем все они сохраняли принадлежность к служилому сословию. В конце XVI в. некоторые из них были поверстаны новыми поместьями в других районах пятины. Так, братья Яков и Богдан Федоровы дети Буйносовы получили поместья в Коломенском и Петровском погостах на Волхове²⁴⁸, по соседству с другими своеземцами Дымскими. Богдан Буйносов умер в

²⁴³ Подробнее о Кречатниковых: *Селин А. А.* К исторической географии Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 304–315; *Селин А. А.* Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 316–338.

²⁴⁴ Писцовая книга Водской пятины письма и меры Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 2 // ВОИДР. Т. 11–12. 1850 (далее — ВОИДР). С. 430–431.

²⁴⁵ Писцовая книга Водской пятины письма и меры Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 1 // НПК. Т. 3. СПб., 1868 (далее — НПК. Т. 3). Ст. 75–76; ВОИДР. С. 431.

²⁴⁶ НПК. Т. 3.. Ст. 408–411; Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... Л. 166.

²⁴⁷ Гридя и Васко Есиповы дети, Федор да Степан Михайловы дети, Игнат да Васко Митрофановы дети и Офанаско Кузмин сын (НПК. Т. 3. Ст. 96, 100–101, 300, 353, 354, 356; ВОИДР. С. 430–431).

²⁴⁸ Отдел губным старостой Корельской половины Водской пятины Третьяком Савиным поместий земцев Васюка Невежина и Офони и Поздыка Самсоновых, что было за Степаном Вышеславцовым Дмитрию Нечаеву сыну Лаврентьеву и Богдану и Якову Федоровым детям Буйносова в Коломенском погосте на Волхове. 1585. 9.03 // РГАДА. Ф.

1611/12 г. 29 августа 1612 г. его поместье в Петровском погосте на Волхове и в Лусском погосте Водской пятины было отделено его вдове Марье²⁴⁹. Его сын Васька, известный по десятне 1598/99 г., к 1605 г. поступил в холопы к Никите Вельяминову²⁵⁰. Другой сын Б. Ф. Буйносова, Иван, в 1603/04 г. на смотре был признан к службе не годным, но 27 сентября 1605 г. в Ивангороде был верстан на 100 четвертей²⁵¹. 29 августа 1612 г. он получил поместье своего брата (двоюродного?) Ивана Захарова Буйносова²⁵². В последний раз И. Б. Буйносов упоминается 11 июля 1615 г., когда он поручился по Ждане Володимерове о службе того в рассыльщиках Поместного приказа²⁵³. В десятне 1605 г. упомянут еще один сын Богдана Буйносова, Роман. Где он находился во время Смуты неясно. В ходе разбора Водской пятины, осуществленного 2 мая 1619 г., ему был подтвержден его прежний оклад. Ни о каких придачах Р. Б. Буйносову десятня 1619 г. не сообщает; вероятно, он в эти годы от службы уклонялся²⁵⁴. Упомянутый Иван Захаров Буйносов в 1603/04 г. на смотре был признан к службе не годным, а 27 сентября 1605 г. верстан на 100 четвертей, как и его родственник И. Б. Буйносов²⁵⁵. К 1609/10 г. он переходит на приказную службу, первоначально — в недельщики Судной избы²⁵⁶, а потом — в рассылочные подьячие²⁵⁷.

1209. Д. 16936. Л. 110а–111; Отдел губным старостой Третьяком Савиным земецкого поместья Михалки Кипреянова да Степанка Тимофеева Дмитрию Нечаеву сыну Лаврентьева и Богдану и Якову Федоровым детям Буйносова в Петровском погосте на Волхове. 1585. 13.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 115 об.–116.

²⁴⁹ Отдел неслуживым Кузьмой Лынским поместья Богдана Буйносова в Петровском погосте на Волхове и в Лусском погосте Водской пятины его вдове Марье и отписка оставшейся части поместья на государя. 1612. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 371–373.

²⁵⁰ Десятня 1605. С. 503.

²⁵¹ Там же. С. 489.

²⁵² Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 20; Отдел неслуживым Кузьмой Лынским поместья Ивана Захарьева сына Буйносова в Петровском погосте на Волхове Водской пятины Ивану Богданову сыну Буйносову. 1612. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 363–367.

²⁵³ Поручная запись по Ждану Володимерову о бытии ему в рассыльщиках Поместного приказа. 1615. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:348—В. Л. 8.

²⁵⁴ Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Водской пятины Новгородского уезда с упоминанием о придачах к их окладам за участие в боях с восставшими под Москвой в 1606 г. и в походах в том же году под Елец и в 1607 г. под Алексин, Серпухов, Каширу, Тулу, Кропивну и Болхов 1619. 2.05 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 278.

²⁵⁵ Десятня 1605. С. 489.

²⁵⁶ Челобитная новгородских рассыльщиков и подьячих царю Василию Шуйскому о пожаловании их быть у государевых судных дел. 1609/10 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 8.

²⁵⁷ Поручная запись по Терентии Васильеве сыне Воинове, посылочным подьячим Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.

Еще один представитель этой семьи, Макар Федоров Буйносов, возможно, младший брат Якова и Богдана Буйносовых — 20 октября 1615 г. в составе большой группы детей боярских Водской пятины вышел из Тесова к Тихвину²⁵⁸, а в 1617 г. бил челом вместе с Иваном Колобовым об увеличении денежного жалованья²⁵⁹.

По источникам известна также вдова некоего Остафия Буйносова Фетинья. 17 ноября 1613 г. с ней судился Степан Теглев, обвиняя ее в утрате «посыльной рухляди» на 15 рублей²⁶⁰. Возможно, к фамилии новгородцев земцев Буйносовых относился также и Иван Буйносов, казак станицы Ивана Микулина, привезший 15 апреля 1614 г. в Посольский приказ отписку из Бронниц²⁶¹.

Другая группа своеземцев Водской пятины была связана с городами Копорьем и Ямом. В отличие от Новгорода, эти города признали Тушинского вора, а позднее — Псковского вора. Так, дети боярские Водской пятины описывали судьбу двух копорских земцев, Филимона Заболоцкого и Тимофея Шавкалова: они «...служили копорскую осадную службу, и как Копорье заворовало, и оне заворовали ж с нашими изменники, и их неметцкие люди в прошлом во 117-м году побили на выласке»²⁶². Примечательно, что представители рода Шавкаловых при Борисе Годунове также служили в Копорье: Степан Константинов сын Шавкалов назван копорским городовым приказчиком в июне 1599 г.²⁶³ После Смуты они оказались на московской стороне — с октября 1631 г. по август 1633 г. Никифор Федоров Шавкалов служил губным старостой Полужской половины Водской пятины²⁶⁴. Имя этого копорского земца, впрочем, встречается в источниках с конца 1590-х

²⁵⁸ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о выходе к ним детей боярских Водской пятины. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 11. Л. 88–90.

²⁵⁹ *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI – начала XVII веков. Кн. 2. М., 1994. С. 50.

²⁶⁰ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 39.

²⁶¹ Отписка боярина и воеводы кн. Дм. Т. Трубецкого царю Михаилу Федоровичу из Бронниц о событиях под Бронницким острогом. 1614, между 31 марта и 15 апреля // РГАДА. Ф. 96, 1614. Д. 1. Л. 49–50.

²⁶² Дело о поместье Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степанова Пущина (без начала) // RA, NOA. Serie 2:142.; Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводам кн. А. П. Куракину, М. Б. Боборыкину и дьяку Ивану Тимофееву по челобитной дворян Водской пятины Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степанова Пущина об отделе им поместья. 1610. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 87–88.

²⁶³ Отдел копорским городовым приказчиком Степаном Шавкаловым Данилу Ласунскому переложных земель во Вздылицком погосте. 1599. 27.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 166–167.

²⁶⁴ *Панеях В.М.* Кабальные книги первой половины XVII в. // ВИД. Т. 11. Л., 1979. С. 89–100.

годов²⁶⁵. В 1609 г. Н. Ф. Шавкалов служил в Новгороде рассылочным подьячим²⁶⁶. К 1612 г. он обзавелся поместьем в Климентовском Тесовском погосте, поселившись в д. Лазарево. Видимо наличие поместья в той части Водской пятины, которая после Столбовского мира осталась за Москвой и обусловила «политический» выбор Н.Ф.Шавкалова.²⁶⁷

Фамильное прозвище своеземцев Ласунских связано с деревнями Ласуни и Поддубье Ласуни в Каргальском погосте Водской пятины, в которых в 1500 г., согласно писцовой книге Дм. Китаева, проживало пять человек своеземцев²⁶⁸. Староста Тесовской дворцовой волости в 1620 г. Даниил Ласунский²⁶⁹, без сомнения, то же лицо, что и Данил Юрьев Ласунский — земец Водской пятины с окладом в 200 четвертей, упомянутый в десятне 1605 г.²⁷⁰ В 1612/13 г. он получил поместье в Кипенском погосте Водской пятины (причем часть поместья — из бывшего поместья земца (ореховского?) Тимофея Плавковского)²⁷¹ и, вероятно, «малую треть» в Климентовском Тесовском погосте²⁷². В 1615 г. он владел частью деревни Дорошково во Вздылицком погосте (одним из его совладельцев был земец Иван Большой Ласунский, двумя другими — земцы Самсон и Анкудин Облущкие²⁷³), а после Смуты, к 1620 г., покинул Копорье и перешел на московскую сторону, на территорию Новгородского уезда. В 1620 г. он назван старостой села Тесова без указания социальной принадлежности²⁷⁴, а в 1629 г. записан среди других помещиков

²⁶⁵ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 276 об.; Десятня 1605. С. 483.

²⁶⁶ Челобитная неслуживого сына боярского Шелонской пятины Григория Постникова Якимова о службе в рассылочных подьячих и поручная запись по нему. 1609. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 1–2.

²⁶⁷ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 19.

²⁶⁸ НПК. Т. 3. Ст. 547.

²⁶⁹ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я.И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.

²⁷⁰ Десятня 1605. С. 483; там же упомянут его родственник Андрюшка Падоркин Ласунский — с. 489.

²⁷¹ Отдел Водской пятины сыном боярским Григорием Ручилицким поместья Андрея Желтухина в Кипенском и Вздылицком погостах Водской пятины Данилу Ласунскому. 1612. 5.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 518–523.

²⁷² Поручная запись крестьян Климентовского Тесовского погоста по посошному человеку Ивану Зиновьеву, данная Никите Матвеевичу Зиновьеву и губному старосте Михаилу Неелову. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 1.

²⁷³ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. Л. 152–154.

²⁷⁴ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.

— дворян и детей боярских²⁷⁵. Позднее, в XVII–XIX вв. известны помещики Ласунские, владевшие землями в районе Тесова.²⁷⁶ Род Ласунских представляет собой наглядный пример того, как потомки новгородских землевладельцев в течение XVI–XVII столетий успешно инкорпорируются в дворянскую среду.

Новгородские своеземцы, составляя особую группу служилого люда, уже к началу Смуты начали терять свою идентичность, частью сливаясь с городскими детьми боярскими, частью с приказной средой и служилыми людьми по прибору. Особой была судьба ямогородских земцев, присягнувших Густаву Адольфу и ставших жителями шведской Ингерманландии (Приложение 6 к главе 4). Сходной была судьба и некоторых ореховских земцев. Служба их после Столбовского мира была примерно той же, какую исполняли их отцы и деды в XVI в. — посыльная и проч. Интересно, что в русских документах этого времени они продолжают именоваться своеземцами. Так, в документах новгородского Посольского стола земцем именуется привезший 1 января 1623 г. в Новгород лист от коменданта Орешка (Нотебурга) Тихонко Никитин²⁷⁷.

Новокрещены и татары

Новокрещены и татары в Новгороде представляли собой особую группу служилых людей, с трудом смешивавшуюся с другими служилыми корпорациями. В какой-то мере, разумеется, это было связано с религиозными и языковыми особенностями этой группы, в какой-то мере, вероятно, с их компактным поселением в волостях Новгородской земли.

²⁷⁵ Выпись из писцовых книг письма и меры Федора Маврина да подьячего Андрея Коломского 1629 г. за приписью дьяка Филиппа Арцыбашева // СРБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 244.

²⁷⁶ В 1623 г. упоминается Андрей Ласунский, сын боярский Водской пятины (Челобитная Воцкие пятины сына боярского А. Ласунского о беглых, ограбивших его. 1623 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 120). 18 июля 1650 г. под Псковом был убит новгородец Савватий Ласунский (*Окулич-Казарин Н. Ф.* Старинные синодики. Синодик Псковского Троицкого собора // Труды ПАО. Вып. 6. Псков, 1910. С. 67). В 1771 г. подпоручик Емельян Иванов сын Ласунский владел землей в Быстреевском погосте Шелонской пятины (Купчая на землю отставного подпоручика Емельяна Иванова сына Ласунского в Новгородском уезде в Быстреевском погосте, проданную отставному капитану Петру Алексееву сыну Шаблыкину за 20 рублей. 1771. 10.01 // СРБИИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 666). Секунд-майор Ласунский в 1844 г. был одним из совладельцев пустоши Моглогостье в районе Тесовского погоста, капитан Ласунский в том же году владел пустошью Залешье в соседнем Лусском погосте (Уменьшенный план Ведомства Новгородской удельной конторы лесных дач Новгородского удельного имения Новгородского уезда, состоящих в Тесовском приказе с показанием предположения о назначении оных заказных рощ и отделений на годовые лесосеки. 1844 // РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 482). В современной деревне Озерешно живут люди под фамилией Ласунские, почти наверняка – потомки своеземцев. Пользуюсь случаем поблагодарить И. В. Стасюка за ценный совет и возможность использовать его полевые наблюдения.

²⁷⁷ Перевод с листа, присланного в Новгород от Орешковского воеводы Нильса Ансона. 1622. 26.12 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 104.

Особенно крупные локальные группы новгородских татар и новокрещенов образовались в Суглицкой и Удомельской волостях Бежецкой пятины. Так, удомельские новокрещены были летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ганса, собраны в городе для рассылочной службы.²⁷⁸ Как представляется, к началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. Полагаю, что это также связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Так, верстание татар и новокрещенов всех пятин новыми окладами в 1606 г. было осуществлено в особой десятне²⁷⁹. В связи с этим парадоксальным кажется подход Е. И. Кобзаревой, утверждающей, что в процессе противостояния между Новгородом и Москвой «решался вопрос, на чьей стороне будут служить татары», поселенные в Бежецкой пятине, и тут же рядом приводящей примеры набегов романовских татар на шведские войска под Тихвином и в Обонежской пятине²⁸⁰.

Примером корпоративного единства новгородских татар и новокрещенов может служить история записи новокрещеном Денисом Евгостеевым за себя холопов. 6 января 1616 г. он записал за себя холопов, среди которых одного послужильца — Ивана Курлакова, затем — новокрещена Василия Бабаева и новокрещена Ивана Танаева (у последнего тот жил в бобылях)²⁸¹.

При Борисе Федоровиче Годунове около 1598/99 г. действительно какая-то группа новокрещенов была испомещена в Деревской пятине. В то время между татарами Семеном Багридовым, Павлом Таребердеевым и Иваном Обреимовым было разделено поместье Докучая Небарова в Ручьевском погосте²⁸². В Полоновском погосте получил поместье знатный татарин, шурин ургенчского царевича, Ондогул-мурза Маметев²⁸³.

²⁷⁸ Отписка царю Борису Федоровичу от новгородского воеводы кн. В. И. Буйносова-Ростовского и дьяка Второго Поздеева с извещением о выборе по государеву указу из всех пятин новгородских детей боярских по четыре человека с пятины и новокрещеных татар. 1602, августа после 9 // СПбИИ. Кол. 183. Карт. I. Д. 18.

²⁷⁹ Десятня новгородских новокрещенов Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятин. 1605/06 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Е. И. Кобзарева, зная эту десятню, но, видимо, незнакомя с ее текстом, утверждает, что «новые переселения татар были осуществлены в 1606 г.» (*Кобзарева Е. И.* Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 22).

²⁸⁰ *Кобзарева Е. И.* Новгород между Стокгольмом и Москвой... С. 22

²⁸¹ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 72–73.

²⁸² Отдел неслуживым Мосеем Небаровым Ивану Мещерскому поместья в Ручьевском и Тухольском погостах Деревской пятины. 1610. 14.03 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 211–218 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294); Дело по челобитью Павла Тарбердеева, Ивана Осанова и Семена Григорьева сына Бахтина о поместье Давыда Курицына. 1613, сент. // RA, NOA. Serie 2:126; Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с

Однако новгородцами в начале XVII в. татары и новокрещены воспринимались как инородная группа. Татары, владевшие поместьями, нередко обвинялись в излишнем насилии. По словам крестьян Ручьевского погоста, «из-за тотарина из-за Иева Сарбышева да из-за его детей из-за Исая да Онтоня Сарбышевых детей и от них насильства крестьяни за Павла за Федорова сына Клементьева прибрели душою да телом сами».²⁸⁴ Впрочем, справедливости ради надо заметить, что в «насильстве» часто обвинялись и новгородцы нетатары.

В Новгороде начала XVII в. находились не только татары и новокрещены — потомки испомещенных при Иване IV и Борисе Годунове казанцев и астраханцев, но и оказавшиеся здесь служилые люди других городов. Таковы кормовые²⁸⁵ татары Василий Хангильдеев и Никита Максутов. Летом 1614 г. они били челом о поместьях Софонтия Оклячиева и Ивана Дементьева, только что отъехавших на московскую сторону: «... а нас, государь, холопей твоих, посылают на службу в Порхов... а жены и детишка наши остаютца, есть и пить нечего». В записных книгах 1606/07 г. их оклад был записан следующим образом: «новокрещеным, которые сидели в Твери в тюрьме за Васильем Хангилдеевым с товарищи велено за человеком по двесте четей учинити, и в которой пятине кто приищет»²⁸⁶. У прибывших из Твери всего за несколько лет до взятия Новгорода шведами новокрещенов, действительно, в Новгороде были жены (возможно, и дети). Известна жена Никиты Максутова Мария²⁸⁷ и жена Василия Хангильдеева Хавронья²⁸⁸. Интересно, что если их мужья выступали совместно, то жены не просто ссорились, но и дрались друг с другом. Никита Максутов 22 сентября 1614 г. обвинял жену Василия Хангилдеева Хавронью в избиении и «изроне» своей жены и требовал с нее

рыбных ловель, пищальных и присудных денег Деревской пятины сбора губных старост Тимофея Шамшева и Андрея Обуткова 1607/08 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 181.

²⁸³ Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым поместья Ивану Федорову Плещееву в Полоновском и Молвятицком погостах Деревской пятины. 1611. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 659–663 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

²⁸⁴ Обыск губным старостой Деревской пятины Андреем Обутковым в Локоцком погосте Деревской пятины, вывел ли Федор Клементьев крестьян из бывшего поместья Иева Сарбышева в Локотцком погосте. 1610. 14.05 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 113–115 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294).

²⁸⁵ Т. е. не имеющие поместья и поучающие лишь корм или кормовые деньги.

²⁸⁶ Дело по челобитной о поместье кормовых татар Никиты Максутова и Василия Хангилдеева. 1614, лето // RA, NOA. Serie 2:25.

²⁸⁷ 21 июня 1613 г. она искала на посадском человеке Трешке Хлебнике 1 рубль за серьги (Книги судного двора 121 г. // RA, NOA. Serie 1:64. С. 101).

²⁸⁸ 17 сентября 1613 г. ей в числе других 21 жен, сестер и матерей служилых татар и новокрещенов был выдан государев хлеб, так как ее муж находился на государевой службе под Тихвином (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10).

возмещения ущерба на 12 рублей, а та встречно за своё избиение требовала с Н. МаксUTOва 18 рублей²⁸⁹.

По окончании Дедеринских переговоров, в 1616 г. шведские власти усилили давление на новгородцев, принуждая их присягнуть Густаву Адольфу. По словам одного из выходцев на посольский стан в Тихвин, в Новгороде в то время стояли «правежи великие, от этих правежей новгородске новокрещены целовали крест, а татарове шертовали 13-го ноября» королю, «а приневолил их целовать крест, уграживая твой государев изменник Тимоха Хахин»²⁹⁰. Вышедшему в московский стан вместе с княгиней Агафьей Одоевской попу Федору «...приказывали... новокрещены Иван Муралеев да Иван Тонаев с товарищи дватцать шесть человек, которые целовали свейскому королю крест, а татарове шертовали неволею, что де после того целованья целовали они новокрещены крест, а тотаровя верились по своей вере, что им служити и во всем прямити царскому величеству, свейского де короля в подданстве быти не хотят»²⁹¹. Позднее новгородские татары разделились: часть из них отъехала на московскую сторону, как Иван Танаев и его товарищ Гаврило Охкобяков, а часть осталась на службе шведскому королю. Танаев и Охкобяков уже летом 1617 г. били челом о вспомоществовании, утверждая, что перед передачей Новгорода Москве они «...покия в Новегороде жон своих и детеи со всеми животы и после де их неметцкие люди жон их и детеи мучили на пытках огнем жгли животы их все поймали и хотели жон их и детеи свесть съ собою в свою Немецкую землю на поруганье». В Новгороде их выкупили Водской пятины дворянин Григорий Никитин Муравьев, дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, а также торговый человек Богдан Шорин²⁹².

Упомянутый Иван Муралеев, назначенный на службу в Копорье, как и значительная часть новгородских татар и новокрещенов, остался в Ингерманландии. Писцовые книги

²⁸⁹ Книги сбора судной пошлыны. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:4. Л. 9–10.

²⁹⁰ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ, что Джон Мерик отпросил у шведов княгиню Агафью, вдову кн. Ивана Большого Одоевского с сыном. 1616, декабря после 15 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 158–166..

²⁹¹ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, мая – декабря (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 205.

²⁹² Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича в Новгородскую четверть боярину князю Григорию Петровичу Ромодановскому и дьякам Алексею Витовтову и Павлу Матюшкину о выдаче новокрещенам Ивану Танаеву и Гавриле Охлобьякову по их челобитью половины выкупа за их жен из немецкого плена. 1617. 3.07 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.–70.

Ижорской земли 1618–1623 гг. называют д. Лапин Конец владением группы татар (Tartarne), д. Забродье — владением троих татар²⁹³.

Судьба одного из новгородских новокрещенов после Столбовского мира была рассмотрена О. А. Курбатовым. В военно-инженерный полк А. Грановского, выступавший в поход против Речи Посполитой в 1654 г., набирались земляные рабочие — «пиунеры». Им подыскивались младшие командиры — сотники. Среди последних оказался новгородский новокрещен Кузьма Иванов сын Исупов. «Его отец, потомок крещеного татарина, поселенного в Новгороде при Иване Грозном, был уведен в Швецию после Столбовского мира 1617 г. и умер на чужбине²⁹⁴. Говорившего по-русски мальчика взяли в толмачи при шведском поселе, и в 7142 (1633/34) г. он оказался в Москве». В Москве Кузьма, вероятно сбежав, бил челом о службе, но в Посольском приказе его не стали и слушать, не желая осложнять отношений с Швецией в разгар Смоленской войны. «...и помнючи я, грешны, свою православную крестьянскую веру и святое крещение, — писал Исупов в челобитной, — отстал от тово посла на Москве и съехал по обещанию своему в

²⁹³ Jordeböcker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. СПб., 1859. С. 107, 108.

²⁹⁴ Иван Исупов, новокрещеный татарин, как упомянутые Кангильдеев и Максупов, попавший в Новгород из Твери. В июле 1614 г. он подал вместе с Иваном Девлетевым челобитную, в которой они просили 90 четвертей Ивана и Дмитрия Бестужевых. По выписке оклад в 200 четвертей ему был установлен в апреле 1607 г. «апреля в 4 день привез государеву грамоту тверской рассылщик Нехорошко Лавров за приписью дьяка Тимофея Витовтова: велено за новокрещены, которые сидят в Твери в тюрьме, за Иваном Исуповым с товарищи учинить оклады по 200 чети человеку» (Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апреля // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73). В июне 1612 г. он находился на службе в Порхове (Приходные книги порховским немецким кормамбору Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика Порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабря – 1612, января // RA, NOA. Serie 1:71. С. 229–237), а в 1613 г. был послан под Тихвин (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10). К 1615 г. он получил поместье в Керестской волости Грузинского погоста (Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. С. 8, 2–28, 29) и назначен на службу в Водосский острожек на Волхове. 7–9 августа 1615 г. Иван Исупов ходил с П. А. Ногиным и Василием Ушаковым в Ильинский Тигодский погост из Водосского острожка и был послан ими назад в острожек с известием о походе казаков к Сольцам, намеревающихся переправиться в Сольцах через Волхов (Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка 1615, середина августа // RA, NOA. Serie 2:52). В сентябре 1615 г. он поручился за освобождаемого из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева (Челобитная татарина Павла Таребердеева о вызволении из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева и дело по ней. 1615, сент. // RA, NOA. Serie 2:41. Л. 2–3). В конце июля 1616 г. он несколько раз возил отписки в дворцовый Коростынский погост из Новгорода и обратно (Дело о сборе вишен на государев обиход с Коростынских садов. 1616. 18.07 – 30.07 // RA, NOA. Serie 2: 40. Л. 21–24, 26–27). Его жена и, видимо, мать Кузьмы, Лукерья, упомянута в 1613 г. (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10).

Соловецкий монастырь». На Соловках он устроился в гарнизон пушкарем, а в 1654 г. пришел в Москву. Здесь о нем узнал полковник Грановский. В дальнейшем даточных людей — «пиунеров» было велено подчинить воеводам у наряда²⁹⁵, в сотниках они более не нуждались, и Исупов был переведен в профосы²⁹⁶.

Софийские (владычные) дети боярские

Особой группой новгородского служилого люда являются митрополичьи дети боярские. Участвуя наравне с другими дворянами и детьми боярскими в политических событиях Смутного времени, они в массе своей мало бывали в Новгороде, находясь по большей части в своих поместьях, расположенных компактно на северо-востоке Новгородской земли, в районе рек Свири, Паши и Ояти. На всем протяжении новгородской истории группа софийских служителей была довольно многочисленной. Так, в 1725 г. в Новгородском архиерейском доме помимо духовных персон служило около 1233 соборян, приказных, стряпчих, комиссаров и дворян²⁹⁷. О компактном проживании этих людей в пределах рек Ояти и Паши писал в своем краеведческом очерке И. П. Мордвинов²⁹⁸. Их потомки, кстати, продолжали компактно проживать в Винницкой и Шимозерской волостях Лодейнопольского уезда до 1930-х гг.²⁹⁹ Не случайно в документах эпохи Смуты упомянуто относительно малое количество этих людей. Основным источником по истории этой группы служилого люда являются поместные грамоты новгородских владык, включенные в один из сборников Коллекции актов книг Новгородского Софийского дома³⁰⁰. Именно эти документы легли почти столетие назад в основу монографии Б. Д. Грекова, в которой происхождению и судьбам этой группы новгородцев уделено заметное внимание³⁰¹. Греков отмечал, что софийские дети боярские очень

²⁹⁵ Т. е. артиллерийским командирам.

²⁹⁶ Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении военных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335.

²⁹⁷ Покровский И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907. С. 122.

²⁹⁸ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 15.

²⁹⁹ Ср.: «Внутри района, занимаемого вепсами, встречаются русские деревни. Крестьяне таких деревень являются обедневшими потомками русских мелкопоместных приютских дворян-помещиков... На 1910 г. вепсы Винницкой и Шимозерской волостей являлись бывшими государственными крестьянами, а вепсы Шапшинской волости бывшими помещичьими крестьянами» (Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран). Л., 1930. С. 167).

³⁰⁰ СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74.

³⁰¹ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914.

отличались по материальному уровню. «Рядом с крупным капиталистом Жегловым или Балавенским встретим сына Прокофьева Колымаева, по нужде идущего за плугом»³⁰².

Фамилия Жеглова не случайно упомянута Б. Д. Грековым в этом отрывке. Известный лидер новгородского мятежа Иван Прокофьев сын Жеглов в 1627 г. жил во дворе гостя Истома Демидова, женившись на племяннице знаменитого митрополита Киприана, бывшего в начале XVII в. архимандритом Хутынского монастыря. Этот двор находился на Лубянице в Лукинской трети: палата каменная, под ней «два погребка каменные ж, а у той полаты и у погребов двои двери железные, а третьи двери деревянные, у полаты два окна с затворы з железными». 20 июля 1648 г. у него под залог своей вотчины в Деревской пятине занял 230 рублей Андрей Михайлов сын Милославский. В первой половине XVII в. И. П. Жеглов взял из Софийской казны ссуду в 300 рублей, и вообще «Софейские казенные деньги по кабалам и бескабально имал себе». В 1651 г. его двор перешел в Софийский дом, а в 1668 г. его купил софийский дьяк Степан Балавенской³⁰³. Вновь об исключительном положении рода Жегловых в Софийском доме ученый пишет, говоря о редкости получения вдовами и детьми софийских детей боярских прожиточных поместий после смерти или гибели мужей и отцов. Единственный такой пример, найденный Б. Д. Грековым также связан с этим родом. Жена Григория Жеглова вдова Фетинья и дочь девка Лукерья получают после смерти Г. Жеглова его поместье на прожиток³⁰⁴.

Ученый специально рассмотрел порядок набора на службу софийских детей боярских, выяснив, что, как и у государевых служилых людей, в основе службы были верстание окладом и поместная дача, а условием софийского верстания — «повсеместность и всеобщность». По окладам софийские дети боярские делились на три статьи³⁰⁵. Б. Д. Греков привел и пример такого верстания, происшедшего при отправке в Новгород нового митрополита Варлаама в 1591 г. При назначении царь указал ему перебрать софийских детей боярских и слуг³⁰⁶. Как и у государевых служилых людей, оклад и дача владычного помещика друг другу не соответствовали. По Грекову, обычно софийский сын боярский начинал службу с 2 обож (20 четвертей), высший оклад мог доходить до 15–20 обож (соответственно, 150–200 четвертей)³⁰⁷.

Кроме службы Софийскому дому, владычные дети боярские участвовали и в государевых военных походах. Б. Д. Греков перечислил известные случаи участия софийцев в боевых

³⁰² Там же. С. 482.

³⁰³ Там же. С. 480–481.

³⁰⁴ Там же. С. 506.

³⁰⁵ Там же. С. 483–485.

³⁰⁶ Там же. С. 476–477.

³⁰⁷ Там же. С. 494–496.

действиях: в 1573 г. они воевали под Коловерью в «Немецкой земле», в 1575 г. снова воевали в Ливонии, служили «под Сиверами» в 1607 и 1608 гг., уже после Смуты — под Смоленском в 1633 и 1634 гг. и в 1664 г. в «Польской земле»³⁰⁸. Как и государевы помещики, софийские карались за нерадение и «нетство». В 1603 г. вновь принятый на софийскую службу Исак Кузьмин сын Болотов при испомещении обязался не обращаться к царю Борису Федоровичу о своем старом поместье. Позднее он стал «бездельно жить»: «запустил» свое поместье, довел своих крестьян до бегства насилием и поборами и в конце концов был изгнан с софийской службы³⁰⁹.

И. А. Чернякова в монографии, посвященной истории Карелии в XVII в., специально остановилась на отдельной группе сельского населения, которая может быть отнесена как к московскому служилому сословию, так и к старинной местной знати еще эпохи новгородской независимости. Речь идет о своеземцах, по мнению И. А. Черняковой, потомков «“пяти родов корельских детей” и их современников — около половины пашни в этой части Корельского уезда числилось за “своеземцами”»³¹⁰. Именно И. А. Чернякова впервые указала на то, что часть этих своеземцев позднее стала служилыми людьми Новгородского Софийского дома³¹¹.

Негосударевым служилым людям посвящено несколько работ Е. Ю. Люткиной. Основным предметом ее исследований являются светские слуги московской митрополичьей, позднее патриаршей кафедры. Как и в случае с новгородскими софийскими детьми боярскими, среди патриарших дворян обнаруживается наследственность фамилий. Генеалогический анализ показывает, что большая часть известных патриарших дворян XVII в. — потомки митрополичьих дворян предшествующего столетия. Эта социальная группа, как и новгородские владычные помещики, несла государеву службу, но отдельными отрядами. Кроме военной службы патриаршим дворянам поручались дозоры, обыски, землеустройство³¹².

«Нетство» среди владычных детей боярских особенно заметно проявилось на начальном этапе Смутного времени. 27 сентября 1609 г. у Остафия Андреева Пустошкина было отобрано поместье за то, что он «на государеву службу не поехал и впредь государевы службы служить не хочет». 21 ноября поместье было ему возвращено, так как он снова

³⁰⁸ Там же. С. 498.

³⁰⁹ Там же. С. 528.

³¹⁰ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 15–16.

³¹¹ Там же. С. 82.

³¹² Люткина Е. Ю. Государство, церковь...; Она же. Генеалогический состав митрополичьих светских слуг. Историография проблемы и ее дальнейшее изучение // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 83–85.

вернулся на службу³¹³. В 1607 г. ранее других софийских детей боярских «в Сиверы», на борьбу с болотниковцами, был послан Субота Захарьев Бухвостов. Но он отказался ехать в столь дальний поход, заявив, что стар и службы служить не может³¹⁴.

Однако и среди софийских служилых людей были видные в Новгороде 1611–1617 гг. деятели. Наиболее заметен Степан Спячий, митрополичий дьяк в 1607–1616 гг., довольно часто упоминаемый в источниках как поручитель по другим служилым людям, исполнитель поручений митрополита, оброчник пригородного рыболовецкого угодья. 27 июля 1613 г. он, в числе прочих подписал приговор о посылке в Выборг посольства с приглашением Карла Филиппа в Новгород³¹⁵, а между 7 ноября 1615 г. и 30 мая 1616 г. уплатил в Новгородскую казну чрезвычайный платеж в 100 рублей³¹⁶. Последнее обстоятельство указывает не только на «экономические» возможности дьяка Спячего, но и на то, что он оказался среди неприсягнувших Густаву Адольфу новгородцев.

В этом же ряду находится Василий Леонтьевич Зиновьев. Он был братом (видимо, младшим) Сильвестра Зиновьева, губного старосты Полужской половины Водской пятины в начале XVII в. (см. Приложение 2.3 к настоящей главе). В октябре 1586 г. он служит недельщиком, видимо в Водской пятине³¹⁷. В 1611 г. В. Л. Зиновьев назван вкладчиком Троице-Сергиева монастыря, получившим вместо своего вклада «четыре обжи белые нетяглые земли» в монастырской вотчине близ Новгорода, в Сытинском погосте³¹⁸. С установлением в Новгороде администрации кн. Одоевского — Я. Делаярди вотчина Троице-Сергиева монастыря была приписана к Новгородскому дворцу. После этого В. Л. Зиновьев оказывается на приказной службе у митрополита Исидора. Уже 14 сентября 1611 г. он получил от митрополита грамоту на поместье в Пиркиничском и Никольском Городищском погостах³¹⁹. Зиновьев, так же как и Степан Спячий, не присягнул Густаву Адольфу, но и не отъехал на сторону Москвы. В сентябре 1616 г. он

³¹³ Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии... С. 499.

³¹⁴ Там же. С. 499–500.

³¹⁵ Приговор новгородских митрополита Исидора, воеводы кн. И. Н. Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613. 27.07 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 5–8.

³¹⁶ Роспись денежных доходов с Новгородского посада // RA, NOA. Serie 2:357.

³¹⁷ Поручная запись по недельщике Водской пятины Иване Меншого сыне Косицком. 1586. 15.10 // Из архива Л. Н. Целепи // Сборник НОЛД. Вып. 5. 1911. С. 9–10.

³¹⁸ Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. Лист, вложенный между с. 2 и 3.

³¹⁹ Отметка о выдаче Исидором, митрополитом Великого Новгорода и Великих Лук, жалованной грамоты своему сыну боярскому приказному Василью Левонтьеву сыну Зиновьеву на поместье в Пиркиничском и Никольском Городищском погостах Обонежской пятины. 1611. 14.09 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 143 об.

уже не находился на софийской службе, но назван новгородским судьей³²⁰. В другом источнике он назван новгородским городовым приказчиком 1616/17 г.³²¹

Приказная бюрократия

С первых шагов московской власти в Новгороде в новоприсоединенном городе появились элементы центрального управления — избы и лица, это управление реализовывавшие, — московские дьяки и подьячие. В конце XV — начале XVI в. приказные назначались из Москвы и никак не были связаны с Новгородом³²², со временем в приказной прослойке стали появляться местные уроженцы. Первоначально, скорее всего, это были родственники испомещенных на новгородских землях московских «переведенцев». Однако дьяка Андрея Васильева сына Буйносова, известного под 1566 г.³²³, мы можем связать уже с местными уроженцами — своеземцами Буйносовыми, о которых говорилось выше. Одновременно с центральным управлением в Новгороде строилось управление духовными вотчинами. Та стройная система владычного двора, которая блестяще исследована в классической монографии Б. Д. Грекова, в основном сложилась не в домосковский период, а именно в XVI столетии, во многом копируя современные им институты Московского государства³²⁴. Приказные и дети боярские Новгородского Софийского дома как служилые люди, обеспеченные владыкой земельными пожалованиями, появились в Новгороде едва ли к середине XVI столетия, когда мы впервые встречаем эти категории людей как компактную группу.

В течение XVI в. многочисленный новгородский служилый люд прошел развитие вместе со всем городом, участвуя во всех политических событиях и неурядицах. Социальная мобильность этих людей была достаточно велика. Не раз, как и повсеместно в Московском государстве XVI в., мы встречаем перетекание людей из одной социальной группы в другую. Особенно это заметно на переломе новгородской истории, в 1611–1617 гг. В это время служба в приказах становится более престижной и доходной, нежели

³²⁰ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 – 11.10 // RA, NOA. Serie 2: 165. Л. 13–14.

³²¹ Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльчиков и недельщиков XVI–XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 347–367.

³²² Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков за службу в Новгороде в XVI веке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 85–90.

³²³ Грамота новгородских дьяков Андрея Васильева сына Буйносова и Леонтия Ананьина Вязицкого монастыря игумену Арсению с братьею об отдаче половины обжи в вопчей деревне Горке в додачу за половину обжи по Ивангородской дороге, взятой на государя. 1566. 27.03. Список XVIII в. // СПбИИ. Кол. 174. Оп. 1. Д. 275.

³²⁴ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии...

обычная (воинская) служба служилого человека. Вероятно, именно в связи с этим большое число новгородских дворян просит зачислить их в рассылочные подьячие (самые низы бюрократии)³²⁵.

Персональный состав Новгородской администрации рассматриваемого периода насчитывает более 250 человек. Разумеется, не все они служили в городе одновременно. Огромное большинство этих людей — люди в приказах случайные, сумевшие попасть на службу в поисках источников для существования. Нам еще предстоит ответить на вопрос о том, каковы были реальные механизмы занятия должности рассыльщика или посылочного подьячего, откуда открывался путь к дальнейшей карьере. Внешне все обстояло просто: подавалась челобитная, которая вскоре удовлетворялась. Однако мне не известны отвергнутые челобитные, что позволяет предположить скрытый, не отраженный в источниках механизм занятия приказных должностей.

Состав новгородского дьяческого корпуса Смутного времени довольно четко подразделяется на тех, кто оказался в городе по назначению из Москвы, и тех, чье происхождение связано с Новгородом. В то же время многие дьяки, служившие в столице, также имели новгородское происхождение. Важнейшее место здесь занимает Ефим Телепнев, помещик Обонежской пятины, служивший в Новгороде в 1606–1607 гг. (и враждовавший с Иваном Тимофеевым), позднее перебравшийся в Москву, но оставивший в Новгороде четверых сыновей и брата, известных по документам из архива Новгородской приказной избы. Известный думный дьяк Томило Луговской также начинал карьеру в новгородских подьячих, и в 1602/03 г. он был записан среди помещиков Шелонской пятины³²⁶. Таким образом, нельзя согласиться с Н. Н. Оглоблиным, утверждавшим что

³²⁵ Поручная запись по неслуживом сыне боярском Иване Гаврилове сыне Толмачеве о бытии ему в Поместной избе в рассылочных подьячих. 1612. 20.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 7; Челобитная неслужилого сына боярского Докучая Степанова сына Мартьянова о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы. 1610. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 62; Челобитная Первого Иванова сына Шибаяева о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы 1612/13 (?) // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 64, мн. др. Выражаю свою глубокую признательность Лайле Нордквист за указанные мне документы.

³²⁶ Дело по челобитью о поместье Григория Якимова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 1–4. 29 мая 1602 г. новгородский городовый приказчик Неждан Луговской (отец Томила) был послан в Котельницкую слободу переписать охотников и определить их семейное и имущественное положение, по результатам определить, кого отправлять в Ивангород (Наказ городовому приказчику, посланному в Котельницкую слободу переписать охотников и определить их семейное и имущественное положение. 1602. 29.05 // Дела Тайного приказа. Т. 2 (РИБ. Т. 22). СПб., 1908. Стб. 437–441). Через 13 лет, в 1615 г., когда в Москве, где Томило Луговской служил дьяком Разрядного приказа, обсуждался вопрос о размене пленными с занявшими Новгород шведами, предполагалось выменять в

«провинция не производила дьяков, в провинциальных земских избах служили подьячие и дьячки»³²⁷.

Примерно до 1603 г. все (или почти все) новгородские дьяки назначались непосредственно из Москвы. С началом Смуты наблюдается обратная тенденция: среди дьяков Новгорода множество местных уроженцев (Григорий Трусов, Корнил Иевлев, Ефим Телепнев³²⁸, Семен Лутохин, Андрей Лысцов, Томило Сергеев), в то же время в Москве чина думного дьячества достигают новгородцы по происхождению (Ефим и Василий Телепневы, Томило Луговской). Связано это, как мне представляется, с теми карьерными возможностями, какие открыла перед провинциальными служилыми людьми Смута (не будем забывать, что и другие новгородские дьяки того времени, к примеру — Третьяк Копнин, происходили из провинциальных дворян), и с дезинтеграцией Московского государства в Смуту.

Все новгородские дьяки в рассматриваемую эпоху — яркие и оригинальные фигуры. Самый известный из них, Иван Тимофеев, автор «Временника», уже не служил собственно дьяческую службу, хотя и оставался в городе весь срок существования новгородско-шведского политического альянса. Еще Андерс Шёберг³²⁹ и Л. В. Черепнин³³⁰ писали о его двух врагах, обвинявших дьяка в утайке казенных драгоценностей. Выдающийся стилист, яркая фигура эпохи Смуты, Иван Тимофеев в годы альянса не входил в новгородское правительство (занимая ключевые должности раньше, при воеводе кн. Андрее Куракине³³¹), хотя и выполнял какую-то приказную службу

частности оставшегося в Новгороде сына Томилы Луговского (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ... Т. 1. С. 78*).

³²⁷ *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 122–125.

³²⁸ Полагаю, что Ефим Телепнев шел на вершину карьеры вслед за своим братом Василием, который, несомненно, также имел новгородское происхождение. Так, 27 марта 1595 г. он записал за себя холопа в Новгороде вместе с братом Ефимием (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. Ст. 92–94). О карьере Василия Телепнева см.: *Лисейцев Д. В. Посольский приказ... С. 75* и далее. При этом в конце XVI в. положение рода Телепневых в Новгороде было незавидным; они начинали службу с самого низа приказной иерархии: так, в 1586/87 г. упомянут рассыльщик Иван Телепнев (Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 232–232 об.).

³²⁹ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and is Two still Unidentified enemies in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 26. 1980. P. 105–113.

³³⁰ *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 464–465.

³³¹ По мнению Я. Г. Солодкина, служба Тимофеева в Новгороде закончилась в марте 1610 г. (*Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 14–20*).

вплоть до 1617 г.³³² Тимофееву приписывают составление первого проекта договора Новгорода с Я. Деллагарди, отвергнутого (по Л. В. Черепину – дьяками П. Григорьевым³³³ и С. Лутохиным). Ошибочно считать, что в 1611-1617 гг. Тимофеев исполнял, как пишет Я. Г. Солодкин, «дьячью» должность в Новгороде³³⁴; скорее, не лишившись дьячьего чина, Тимофеев лишь выполнял разовые поручения новгородского правительства.

Корецкий В.И.	2 поместья Тимофеева в Малоярославецком уезде в 1588/89. В это время – еще подьячий.
Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 145-167.	<p>В 1584 г. купил вотчину в Верейском уезде</p> <p>Жилец Андрей Иванов сын Тимофеева в мае 1616 г. бил челом о справке его оклада в Поместном приказе и Владимирской четверти. При ц. Борисе его старшего брата Василия в Малоярославец убили разбойники. Жилец 1610/11 г.</p> <p>С. 148. Корм в Кормовой книге Симонова монастыря: 17 июля: по Якове Боборыкине, по Иване Болотникове, по иноке Мисаиле Смывалова да по Иване Тимофееве да по Ионе корм.</p> <p>С. 149. 18 февраля 1598 г. привез в Симонов монастырь 200 р. от царицы Александры Федоровны.</p> <p>Дьяк Пушкарского приказа.</p> <p>К 1604 г. перешел в Большой приход. Но: опытный артиллерист.</p> <p>Бежал из-под Кром, отказавшись целовать крест самозванцу.</p> <p>С. 152. «Сохранился отрывок дела по челобитью новгородского помещика Н.И.Калитина, обвинявшего жену своего брата П.И.Калитина в Аксинью в насильственном умерщвлении своего мужа». Губному старосте Ф.Вельяминову 25.02.1607 был направлен наказ о «мерах предосторожности при производстве дальнейшего расследования и о препровождении в Новгород» вероятных убийц (РГАДА, Новгородская приказная изба, стб. 42747, ч. III, дело из 16 л., л. 1-5).</p> <p>Уже в феврале 1607 г. Тимофеев был в Новгороде.. До этого, зимой 1607 – был под Калугой.</p> <p>Там же был дьяк Сыдавной Васильев.</p> <p>С. 152-153. К делу февраля 1607 г. приклеено дело 1592 г. о спекуляциях мехами гостя Степана Иголкина. Предполагает: дьяк интересовался Иголкиным уже в 1607 г.</p> <p>С. 153. цитирует дело о злоупотреблениях Иголкина:</p> <p>«Да тот же, государь, Степан Иголкин, сидячи в таможенной избе, торгует всякой мягкой рухлядью. И как, государь, придет гость вс товаром, и он товар держит день и другой в таможенной избе – соболи и рыси и бобры, и всякой мяжкой товар для своей корысти. И как, государь, тот товар у гостя купят, и он емлет прибыль сидячи, кому тот товар достанетца. И в том, государь, шлемся на бобровой ряд на весь и на скорнячной и на всех торговых людей, которые мяжкой рухлядью торгуют» (то же дело, л. 14).</p> <p>С. 153. В феврале – арте 1607 г. вел дело о передаче Е.Телепневу поместья умершего В.И.Белеутова в Воскресенском погосте ОП.</p> <p>С. 153-154. Отмечает блестящую политическую карьеру д. Е.Телепнева</p> <p>С. 155. О глубокой близости Тимофеева и И.М.Воротынского</p> <p>С. 156. Считает Воротынского в феврале 1615 г. одним из возможных доброхотов Тимофеева. (кто-то просил Мерика за Тимофеева с дочерью)</p> <p>С. 162 и 163 – факсимиле двух челобитных И. Тимофеева</p>

³³² Еще в 1613 г. Тимофеев так описывал своё бедственное положение в челобитной о выдаче хлеба из казны: «Ныне ничем не пожалован, без приказу волочюсь я пять лет, ... а к твоему государеву приказному делу, к счоту, волочюсь сязь день рано и поздно пеш» (Челобитная дьяка Ивана Тимофеева о пожаловании ему ржи из изменничьей ржи Богдана Помещикова. 1614, между 24 июля и 31 августа // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 13).

³³³ Нет уверенности в том, что П. Григорьев в то время находился в Новгороде.

³³⁴ Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев сын Семенов...

	<p>С. 164. Около 1629 – злободневны выпады Тимофеева против Телепнева, отправленного тогда в ссылку. В Посольском приказе вскоре утвердился приемный сын Тимофеева дьяк Иван Грязев.</p> <p>С. 165. Личное вмешательство Филарета в 1631 – рязанское поместье было утверждено за вдовой Тимофеева, Марией Юшмановной (в дев. Булгаковой).</p>
--	---

Неожиданный взгляд на дело Ивана Тимофеева 1611 и 1615 гг. продемонстрировал украинский ученый Д. А. Рыбаков, знакомый с материалами архива Новгородской приказной избы. Ученый подробно рассмотрел историю обнаружения и исследования памятника, наметил те биографические черты дьяка Тимофеева, которые вроде бы указывают на его авторство «Временника» (служба под началом кн. И. М. Воротынского). Рыбаков поставил вопрос о том, является ли памятник законченным произведением или лишь черновыми набросками, которые автор впоследствии предполагал переработать³³⁵. Примечательно, что ученый остановился на личности обнаружившего документ дьяка Тимофея Кудрявцева. Предполагаю, что этот Тимофей Кудрявцев — то же лицо, что и подьячий Тимофей Афиногенов сын Кудрявцев, служивший в Новгороде в 1611–1615 гг. и несомненно знакомый со знаменитым дьяком³³⁶.

Среди реально действовавших представителей верхов бюрократии Новгорода той поры следует назвать довольно быстро перешедшего на московскую службу дьяка Третьяка (Мелентия) Копнина и Томила Сергеева — участников посольства к Карлу IX, всеильного дьяка Пятого Григорьева, с конца 1612 г. возглавлявшего Дворцовое ведомство, и Семена Лутохина, второе лицо в приказной администрации Новгорода, первоначально (в 1611–1612 гг.) ведавшего Дворцом, а позднее переведенного ведать Разряд и Поместный приказ.

³³⁵ Рыбаков Д. А. «Временник» Ивана Тимофеева – несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 60–65. В популярной статье, также посвященной личности дьяка Тимофеева, Рыбаков допускает явную модернизацию языка, употребляя такие термины, как «бухгалтер», «компромат», при этом автор не владеет терминологией источников XVII в. Так, дьяка Пятого Григорьева он именуется «Пятункой», видимо, не понимая, что так о себе дьяк писал в третьем лице в челобитных на государево имя и именовать его так в тексте статьи несколько странно. Полтреди тысячи — это не 1500, а 166 рублей и 2 алтына. Дьяк Тимофеев, по Рыбакову, выглядит человеком с «недюжинными адвокатскими способностями», лучшим специалистом приказного дела, чем П. Григорьев, что не соответствует действительности (Рыбаков Д. «За бочешную рыбу». Судебная эпопея дьяка Тимофеева // Родина. 2006. № 6. С. 41–44).

³³⁶ Поручная запись по Логину Перфирьеву о бытии ему в рассылочных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11; Розыск Никиты Калитина о потопленном учане с дровами, плененных русских и немецких приставах и ограбленных казаках. 1614, август–сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 1–2; Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 1615. 12.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 39.

Новгородские подьячие представляли собой достаточно открытую социальную группу. Впрочем, уже в начале XVII в. обнаруживается тенденция к возникновению подьяческих кланов. Среди одновременно служивших в новгородских приказах известны отец с двумя сыновьями (Петр-Башмак Кондратьев, Третьяк Башмаков и Казарин Башмаков³³⁷), три брата (Иван, Василий и Постник Ананьины дети Заденского), Хамантовы, происходившие из семьи мелких вотчинников и постепенно внедрявшие в приказную среду своих представителей³³⁸, целая семья Лазаревых (Петр Лазарев, Константин и Фока Петровы Лазаревы, Иван Лазарев, Ларион Лазарев).

Рассылщики и посыльные подьячие — это огромная армия мелких служилых людей, кормившаяся от дел. В делах Новгородского оккупационного архива мы встречаем множество челобитных о пожаловании в рассылщики в Поместную или Дворцовую избы, причем челобитные сопровождаются ссылками на обнищание челобитчика, невозможность прокормиться. Более того, в челобитной бедного сына боярского Юрия Лутовинина содержатся указания на его героическую службу: «был я, холоп твой государев здесь в Великом Навегараде в асаде, а галава был Микиты Вышеславцев, а радител мои братея теперече тебе государю служит, а брата, государь, у меня убили на твоей государеве службе под Колугою, а плямяника у мяни убили под Русою...»³³⁹ Эти аргументы приводились для большей убедительности челобитной. Единовременное число рассылщиков в новгородских приказах установить не удастся; о некоторых рассылщиках есть только единичные упоминания.

Замечу, что в системе расходов новгородских приказов денежное (или, соответственно, хлебное и поместное) жалованье рассылщикам не предполагалось. Вероятно, возможности кормиться «от дел» были в то время чрезвычайно высоки, почему даже должность рассылщика была столь притягательна.

Служба в рассылщиках давала возможность дальнейшего карьерного продвижения. Среди новгородских подьячих в 1621 г. (таблица 5) есть те, кто в начале 1610-х гг. служил рассылщиком своего приказа (Дружина Харитонов, Богдан Березский).

³³⁷ В сентябре 1669 г. думный дьяк Дементий Башмаков, разозлившись на иверских старцев, очень эмоционально обвинял их в подаче ложной челобитной. В гневной речи дьяка промелькнули слова: «а я сам новгородец» (*Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 27). Полагаю, думный дьяк Башмаков происходил из новгородских подьячих Башмаковых, потомков Петра-Башмака Кондратьева.

³³⁸ Подробнее: *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладога, 2006. С. 22–23.

³³⁹ Челобитная неслуживого Бежецкой пятины Юрия Лутовинова царю Василию Шуйскому о службе в Поместной избе рассыльщиком // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 9.

В Новгороде в годы совместной шведско-новгородской администрации приказная прослойка начинает играть большую роль, несравненно бóльшую, нежели в предшествующее время. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, уже с 1611 г. начинает именоваться с «вичем», т. е. с полным отчеством, значительно большее число людей, чем в предыдущие годы или даже в то же время, но в других областях Московского государства. Во-вторых, приблизительно с 1612 г. подьячие «против денежного жалованья» получают поместные оклады наравне с дворянами и детьми боярскими, причем рубль денежного жалования приравнивается к 10 четвертям поместного оклада³⁴⁰. Это много: прожиточное поместье вдовы сына боярского составляло 50–100 четвертей, а годовой оклад земского дьячка (они, разумеется поместного жалованья не получали) — 7 рублей³⁴¹, оклады же новгородских подьячих средней руки составляли от 80 до 250 четвертей.

Служащие новгородских приказов в 1611–1617 гг., как правило, начали свою карьеру ранее, в начале XVII в. или в конце XVI. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в Новгороде после июля 1611 г., привела к декларации новгородской самоидентичности, отличности Новгорода от основной территории Московской державы. В то же время принципы делопроизводства, употреблявшиеся в новгородских приказах 1611–1617 гг., были абсолютно идентичны московским. Ничего специфически новгородского здесь не наблюдается.

Новгородские приказы

Приказное управление городом и пятнами, сложившееся в годы деятельности новгородского правительства, продолжало те традиции, которые были заложены в XVI в.

³⁴⁰ «По государеву указу против денежного жалованья Василию против 22 рублей 220 чети, а Лариону против 15 рублей 150 чети» (Дело по челобитью о поместье подьячих Васьки Частого и Лариона Лазарева. До 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83–89). Замена денежного оклада подьячих поместным воспринималась как временная мера, ср.: «Того ж числа (4 ноября 1613 г. — А. С.) дана отдельная грамота подьячему Семену Шустову на Романово поместье Солецкого... как учнут давати государево денежное жалованье, и те пошленные деньги зачесть в оклад...» (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35). Об обеспечении дьяков и подьячих в более раннее время см.: Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков... Есть, впрочем, сведения о том, что и в конце XVI в. подьячие жаловались поместьями. В 1596 г. отставленный подьячий Ждан Алабухин был лишен своего поместья в Усть-Волмском погосте Деревской пятины, размер которого составлял 50 четвертей. Не думаю, что это было единственным жалованьем подьячего, скорее, поместный оклад был дополнительным по отношению к денежному (Грамота на поместье Саввину монастырю, бывшее за подьячим Жданом Алабухиным. 1596. 15.06. // Краткая летопись о монастыре преп. Саввы. 3-е изд. СПб., 1849. С. 25–27).

³⁴¹ Книги приходно-расходные государевым всяким денежным доходам при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 16.

Но статус новгородских учреждений в этот период повышается: приказные избы все чаще именуются приказами. Однако еще Хагар Сундберг заметила, что верховное руководство русской администрацией — приказами — осуществлялось шведскими властями во главе с М. М. Пальмом³⁴².

Исследование принципов управления Русским государством проведено в серии статей и монографии Н. Ф. Демидовой³⁴³. Во многом ее труды восходят к поискам истоков формирования отдельных групп приказных управленцев и других категорий московских делопроизводителей в конце XIX – начале XX в.³⁴⁴ Исследовательница в первую очередь рассматривала общие принципы управления страной, состав московской бюрократии, истоки ее формирования и изменение в социальном статусе. В недавнем прошлом эти же проблемы нашли свое отражение в диссертационном исследовании Н. Г. Юркина, смело ставящего ранее не затронутые вопросы особого социального статуса этой бюрократии. Впрочем, это исследование представляется во многом спорным³⁴⁵.

Значительное число дел архива Новгородской приказной избы относится к делам о поместьях. При наделении поместьями соискателей были задействованы силы нескольких учреждений. Поместный приказ владел информацией о наличном поместном фонде и практически осуществлял наделение поместьями — отделял помещику искомое поместье. Разряд обладал информацией о правомочности соискателя претендовать на тот или иной объем поместной дачи — его поместном окладе и присутствии/отсутствии в нетном списке.

Наличная информация в Новгороде, сосредоточенная в данных приказах, имела свои особенности. Сложная политическая ситуация создала обстоятельства, когда дьяки имели возможность пользоваться только теми книгами и верстальными списками, которые к июлю 1611 г. оказались в Новгороде³⁴⁶. Это не мешало приказам успешно работать. В

³⁴² *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 2.

³⁴³ *Демидова Н. Ф.* Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования) // ИЗ. 1972. Т. 90; *Она же.* Государственный аппарат России в XVII в. // ИЗ. 1982. Т. 108; *Она же.* Приказная бюрократия в России XVI–XVII вв. М., 1983.

³⁴⁴ *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 118–150; 219–241; *Лихачев Н. П.* Площадные подьячие XVI столетия // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 139–143.

³⁴⁵ *Юркин Н. Г.* Приказные управленцы XVI–XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты. Автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Иваново, 2002.

³⁴⁶ Подробнее: *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. Приложение 3; *Она же.* Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда кон. XVI – нач. XVII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2001–2002. Псков, 2003. С. 143–150.

1612 г. оба приказа возглавил дьяк Семен Лутохин, и в представлении многих новгородских бюрократов (во всяком случае соискателей приказных должностей) Поместный приказ и Разряд представляли собой единое целое.

Приказ Большого прихода сосредоточил в себе сбор всех недворцовых доходов (и, соответственно, расходов) в Новгороде. В течение всего периода новгородско-шведского политического альянса роль приказа Большого прихода неуклонно снижалась. В 1612 г. приказ возглавлял дьяк Андрей Лысцов. В то время в стандартном формуляре документов, исходивших от Новгородского правительства, первыми фигурировали имена «бояр и воевод» Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского, а также дьяков Семена Михайловича (Лутохина) и Андрея Константиновича (Лысцова). Однако с начала 1613 г. число таких документов ничтожно, а после смерти Андрея Лысцова (примерно апрель–май 1613 г.) имена дьяков из формуляра пропадают. А основные доходы Новгорода концентрируются в Дворцовом ведомстве, под управлением дьяка Пятого Григорьева.

Новгородский Судный приказ (не дворцовый) также переживал в начале XVII в. не лучшие времена. В XVI столетии исполнение судебных обязанностей в значительной степени лежало на детях боярских — недельщиках³⁴⁷. Однако чрезвычайные обстоятельства Смуты в 1609 г. препоручили исполнение службы приставов низшим подьячим, прежде всего — посылочным и рассыльщикам. Когда после снятия осады с Новгорода в 1609 г. предполагалось возобновить существовавшую до Смуты систему, новгородские подьячие воспротивились этому и били челом Василию Шуйскому: «Служим твои посылочные и городовые службы днем и ночью и, в осаде сидючи, были мы приставлены у ворот и у башен и к тебе государю к Москве и по городом з грамоты проезжали сквоз воровские полки и в полон иманы и всякую нужу терпели и острог, государь, с своих дворишков ставили, а твоим, государь, жалованьем денежным и хлебным не пожалованы...»³⁴⁸ В годы осады новгородское правительство (формально кн. М. В. Скопин-Шуйский, а реально, видимо, дьяки Телепнев и Тимофеев) позволило подьячим и рассыльщикам «в Судной избе дела делати». Челобитная новгородских подьячих была удовлетворена, и число недельщиков из детей боярских и земцев с этого времени ничтожно. От деятельности Судного приказа сохранилось четыре книги. По всей

³⁴⁷ Подробнее: *Алексеев Ю. Г.* Статьи о недельщиках. Реформа центрального судебно-политического аппарата при Иване III // *Вестник СПбГУ. Сер. 2 (история, язык, литературоведение)*. 1999. Вып. 1. С. 3–14; *Стрельников С. В.* К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X–XVII вв. («правда», «приветчик», «недельщик») // *ОФР. Вып. 8. М., 2004. С. 58–74.*

³⁴⁸ Челобитная новгородских рассыльщиков и подьячих царю Василию Шуйскому о пожаловании их быть у государевых судных дел. 1609/10 // *RA, NOA. Serie 2:335. Л. 8.*

вероятности, судебные дела велись регулярно на протяжении всего существования политического образования.

Как и в Поместном приказе и Разряде, исходная, так сказать, конституциональная, документация Судного приказа в Новгороде в это время была принципиально неполной. И в 1616 г. новгородская администрация, где роль дьяков — опытных бюрократов к тому времени резко снизилась (с начала 1616 г. Семен Лутохин и Пятой Григорьев были практически отстранены от дел из-за отказа присягнуть Густаву Адольфу, а приписи на большинстве документов этого времени принадлежат подьячему Григорию Собакину), вынуждена была обратиться к практике обычного права — иными словами, выносить судебное решение на основании мнения наиболее уважаемых новгородцев — князя Ивана Афанасьевича Мещерского, Григория и Матвея Муравьевых, Никиты Вышеславцова и Андрея Ногина³⁴⁹.

Совсем небольшим ведомством в эти годы являлся Новгородский ямской приказ, где служил лишь один подьячий, Постник Раков, ведавший всеми новгородскими ямскими делами. Надо сказать, однако, что ямское устройство в Новгородской земле в эти годы не отличает тот размах, какой оно носило в царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова, несмотря на необходимость качественных дорог в годы непрерывных военных действий. Среди таких мероприятий можно отметить лишь лихорадочные усилия новгородского правительства по обустройству Ивангородской дороги летом 1613 г.³⁵⁰, видимо в связи с подготовкой к предполагавшемуся приезду Карла Филиппа в Новгород.

---

³⁴⁹ Их привлекли для решения дела о конокрадстве в качестве экспертов в местном законодательстве для ответа на вопрос: «как у них у ково человек побежит, а сведет с собою лошади и иной какой живот снесет, взяв у ково у стороннево человека, и те лошади или иной какой живот те люди, у ково человек збежит, тем сторонним людям за своих беглых холопей платят и, и что у них тому земской указ». Ответ заключался, однако, в том, что «у них таких дел в Новгороде не бывало». Позднее, будучи спрошены повторно, дворяне вынесли вердикт: Семен Лутохин, Иван Шваль и конюх Радей виноваты только в побеге человека. Кроме того, особое определение было вынесено в адрес Ивана Шваля: «велено ему, Ивану Швалю, стоять на ставе и Новгорода острегать ото всяково дурна, и он тово не уберег, что Семенов человек Лутохина Поташко за город прокрался и ево человек Харка с ево заставы побежал». Так как побежали они вместе, то Лутохин также был виноват в том, что не объявил о побеге своего человека воеводам. Конюх Радей виноват в том, что он, собственно, нанимался лошадей беречь и не уберег, и дал сбежать другим конюхам. Дворяне советовали воеводам: на Ивана Шваля и на Радея наложить компенсацию за лошадей, Швалю потерю лошади не компенсировать, а на Семена Лутохина возложить минимальную компенсацию. Истцов же допросить накрепко о цене лошадей и эту цену им заплатить (Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сент. после 17 – 11.10 // RA, NOA, serie 2:165).

³⁵⁰ Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 471–520.

Таблица 1. Новгородские недворцовые приказы к 1 сентября 1612 г.

Разрядный приказ	Поместные дела Водской, Шелонской и Деревской пятин	Поместные дела Бежецкой и Обонежской пятин	Судный приказ	Ямской приказ
Подьячий Василий Частой с товарищи	Подьячий Ждан Молеванов Подьячий Афанасий Бражников Подьячий Третьяк Башмаков	Подьячий Дмитрий Игнатьев Подьячий Иван Емецкий	Подьячие Семен Собакин Подьячий Тимофей Одинцов	Подьячий Постник Раков

Источники: Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140); Запись о выдаче подьячим четверти жалованья // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 53.

Табл. 1а. Персональный состав и жалованье подьячих Новгородского разряда в 1613/14 г.

Подьячие	Оклад, руб.
Василий Частой	22
Иван Заденский	13
Третьяк Никитин	6
Иван Крестьянинов	6
Казарин Башмаков	4
Тимофей Одинцов	4
Андрей Коломский	3
Семен Шустов	1,5
Данило Раков	1,35

Источник: Запись о даче жалованья подьячим. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 90.

Табл. 2. Новгородские недворцовые приказы в 1620/21–1621/22 гг.

Дьяки								Оклады, руб.	
Михаил Милославский								150	
Добрыня Семенов								130	
Разрядный приказ		Большой Приход		Поместный приказ		Судный приказ		Ямской приказ	
Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.
Родион Юрьев	25	Данило Раков	25	Третьяк Башмаков	20	Семен Шустов	15	Иван Пахомов	17
Первой	22	Константин	20	Дмитрий	15	Гуляй Заливнев	15	Дружина	8

Андреев		Петров		Игнатъев				Харитонов	
Григорий Федосеев	17	Иван Лазорев	20	Иван Панфилов	5	Афанасий Бражников	12		
Василий Ногавицын	12	Ананья Нечаев	10	Первой Томилов	5				
Иван Карпов	3								

Источник: Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // *Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 176–239.*

Из сравнения вышеприведенных таблиц видно, что многие подьячие остались на службе и по возвращении Новгорода под власть Москвы. Некоторые из них сменили ведомство; так, Афанасий Бражников перешел из Поместного приказа в Судный. Подьячий Данило Раков — самый низкооплачиваемый подьячий Разряда в 1613/14 г., спустя несколько лет назван первым среди подьячих Большого прихода. Младший подьячий Поместного приказа в 1621 г. Первой Томилов — это сын Томила Сергеева, старорусского дьяка в 1611/12 г. Разрядный подьячий Родион Юрьев после службы в Новгороде был переведен в Москву в Посольский приказ, где позже служил подьячим также его сын, Е. Р. Юрьев³⁵¹. Но в новгородском Разряде он продолжал служить еще в 1631 г., когда 18 марта 1631 г. скрепил разборную десятню новгородских атаманов и казаков³⁵².

Особым учреждением в управлении Новгорода в рассматриваемый период являлся Новгородский дворец (или Новгородский дворцовый приказ). Должность дьяка — управляющего Дворцовым приказом была ключевой. Именно во Дворец обращались главы новгородского правительства при необходимости получения чрезвычайных доходов. В течение рассматриваемого периода Новгородский дворец поочередно возглавляли дьяки Семен Лутохин, Третьяк Копнин и Пятой Григорьев. Именно в годы деятельности последнего Новгородский дворцовый приказ достигает своих максимальных успехов. Доходы с недворцовых волостей и иные в 1612–1616 гг. резко снижаются, а постоянная нехватка средств вынуждает власти постоянно обращаться во Дворец за средствами. В ведение Дворца в эти годы входят доходы с оброчных сенокосов, пашней, рыбных ловель, дровяных рубок. Огромные территории находятся под управлением Дворца, где, в отличие от земель с поместным хозяйством, продолжают жить и

³⁵¹ *Беляков А. В.* Подьячие Посольского приказа второй половины XVII века // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей. М., 2001. С. 214.*

³⁵² *Разборная десятня новгородских атаманов и казаков разбора боярина и воеводы кн. Ю. Я. Сулешева и кн. С. Н. Гагарина. 1631 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 297. Л. 109 об.*

хозяйствовать крестьяне. Парадоксальная ситуация сложилась, к примеру, в районе Тесовской волости: на многие версты в поместных деревнях вдоль Рыденки, Тесовой, озер Пристанского и Тесовского нельзя было найти ни одного крестьянина, целые деревни были заселены дворянскими семьями. В то же время рядом находилась огромная Тесовская волость, где жили десятки дворцовых крестьян.

Таблица 3. Новгородский дворцовый приказ к 1 сентября 1611 г.

Глава приказа — дьяк Семен Лутохин		
Подьячие Денежного дела		Подьячие Судного дела
Старые подьячие		Старые подьячие
Первой Карпов	Сидор Коптев	Никифор Коптев
Остафий Савин	Андрей Белого	Иван Кононов
		Василий Заденский
Молодые подьячие		Молодые подьячие
Дмитрий Елисеев	Ждан Иванов	
Первой Андреев	Иван Великосельский	
Михайло Константинов	Андрей Коломский	
Матвей Помещиков		

Источник: Имена Дворцового приказу подьячим и молодым. Ранее 1611. 6.09 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 1 об.

Таблица 4. Новгородский дворцовый приказ в 1612–1613 гг.

Глава приказа — дьяк Пятой Григорьев				Оклад 50 р.	
Подьячие Денежного дела		Подьячие Хлебного дела		Подьячие Судного дела	
Старые подьячие	Оклад, руб.	Старые подьячие	Оклад, руб.		
Никифор Коптев	25	Сидор Коптев	23	Имя	Оклад, руб.
Первой Карпов	23	Андрей Белого	20	Яков Лукин ³⁵³	15
Иван Кононов	12			Василий Заденский	11
Молодые подьячие	Оклад, руб.	Молодые подьячие	Оклад, руб.		
Дмитрий Елисеев	8				
Михайло Константинов	6	Иван Великосельский	9		
Гриша Федосеев	3	Игнат Васильев	3		

³⁵³ В 1612 г. у судебных дел не служил, находился в посольствах в Швецию, позднее — в Ярославль.

		Семен Яковлев	2	
--	--	---------------	---	--

Источник: Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 34. Л. 429–435; Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69.

Дворец представляется более сложно структурированным учреждением, нежели остальные новгородские приказы. Показательно, что новгородский Житный двор, на всем протяжении существования политического образования 1611–1617 гг. тесно взаимодействовавший с Новгородским дворцовым приказом, не был включен в структуру Новгородского дворца при правительстве Делагарди—Одоевского, но после 1617 г. оказался его составной частью (замечу, кстати, что там продолжал служить и подьячий Суббота Никифоров) (ср. таблицы 3–5).

Таблица 5. Новгородский дворцовый приказ в 1620/21 г.

Денежного дохода и расхода подьячие	Оклад, руб.	Хлебного стола подьячие	Оклад, руб.	Житного двора подьячие	Оклад, руб.
Иван Кононов	20	Иван Прокофьев	20	Суббота Никифоров	20
Богдан Березский	15	Андрей Коломский	15	Денис Деревецкий	12
Писчик Яков Власьев	2	Иван Великосельский	12		
		Юрий Собакин ³⁵⁴	12		

Источник: Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 240–301.

Особое место в системе управления Новгородского дворца в годы Смуты (вероятно, и ранее) занимал приказной аппарат Старой Руссы. Если в других новгородских пригородах подьячие назначались из Новгорода, как бы во временные командировки, то в Старой Руссе существовал самостоятельный приказной аппарат, обеспеченный за счет старорусских доходов. Причина этого, как мне кажется, кроется в особом месте Руссы в системе обеспечения Новгорода средствами. Старорусская соль и доходы дворцовых старорусских погостов требовали, вероятно, достаточно оперативного управления. Еще в 1597/98 г. штат старорусской бюрократии был расширен до 12 человек. А с 1610 г. второе

³⁵⁴ Видимо, представитель разветвленной фамилии подьячих Собакиных, служивших в Новгороде в конце XVI – начале XVII в.

лицо в управлении Старой Руссой (после воеводы) — дьяк, а не подьячий. Упоминается и старорусский Разряд или Разрядная изба. 11 старорусских погостов и сам город Русса — особый район, управлявшийся с большим или меньшим успехом непосредственно Новгородским дворцом, начиная с зимы 1611/12 г.

Таблица 6. Жалованье приказным Старой Руссы в 1610–1612 гг.

Старорусские приказные		Оклад	
Имя	Должность	Денежный, руб.	Поместный, четверть
Григорий Нечаев	Подьячий	10	50 ³⁵⁵
Федот Кожарин	Подьячий	8	20
Михаил	Подьячий	8	20
Андрей Бадаков	Подьячий	8	20
Ждан Рябинин	Подьячий	8	50
Алексей Мосорин	Подьячий	8	50
Петр Корпов (Корповский)	Рассыльщик ³⁵⁶	—	10
Григорий Порецкий	Рассыльщик	—	10
Василий Григорьев сын Мартемьянов	Рассыльщик	—	10
Михайло Лизунов	Рассыльщик	—	10
Андреян Федоров	Рассыльщик	—	10

Источник: Роспись старорусских подьячих и рассыльщиков с указанием денежного и поместного оклада. 1612, март–апрель // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 41–43.

В течение существования альянса осуществлялись попытки проконтролировать деятельность новгородских приказов. 17 августа 1613 г. свою ревизию Дворцового и Поместного приказа начал дьяк Иван Тимофеев, знаменитый автор «Временника». Ему в помощники был определен подьячий Никифор Коптев, наиболее заслуженный подьячий Дворцового приказ (ср. табл. 3–4). «Счет» дьяка Ивана Тимофеева продолжался по крайней мере до сентября 1614 г., когда он лишился своего помощника — Никифор Коптев, находясь в своей поместной деревне, попал в плен к псковским «шишам» (а возможно, добровольно перешел на сторону Москвы)³⁵⁷. Думаю, что именно ревизия Тимофеева приобрела ему недоброжелателя в лице дьяка Пятого Григорьева, о чем еще

³⁵⁵ С 1612 г. — 15 рублей, 150 четвертей.

³⁵⁶ По указу царя Федора Ивановича 1597/98 г. в Старой Руссе было велено устроить шесть рассыльщиков.

³⁵⁷ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

несколько десятилетий назад писали А. Шёберг³⁵⁸ и Л. В. Черепнин³⁵⁹ (и сам дьяк так думал)³⁶⁰. Заметим, кстати, что в полемике с дьяком Григорьевым дьяк Тимофеев показал себя гораздо более слабым бюрократом, а свои просчеты был вынужден оправдывать «простотой». Как тут не усомниться в его авторстве «Временника»!

Пример вызова на службу безместного дьяка Ивана Тимофеева показывает, что в какой-то момент (видимо, к 1613/14 г.) новгородское правительство столкнулось с острым дефицитом приказных управленцев. Известен случай, когда на приказную службу вызывались и ушедшие от дел новгородские подьячие. Таков Ждан Алабухин. Его карьера закончилась еще в 1596 г., однако в конце сентября 1613 г. он был вызван в Поместный приказ и справил дело по челобитной о поместье Семена Гулидова³⁶¹.

Судное дело указывает также на некоторые особенности хранения дел в новгородских приказах начала XVII в.³⁶² В изветной челобитной на Тимофеева дьяк Пятой Григорьев перечисляет, в чем хранились дела Дворцового приказа в 1612/13 г. Он упоминает «коробьи и ящики и ларцы и сундуки» и, видимо лежавшие отдельно, книги. Пятой Григорьев, несомненно здесь проявил большую заинтересованность (как глава ревизуемого ведомства) и хорошую осведомленность. Склеенные столбцы, помещавшиеся в перечисленные емкости в большинстве своем помечались по столам «Старорусский», «Поместный», проч., и по годам.

Имена новгородцев

Вопрос об именах, которые носили (и, соответственно, которые давали) в разные исторические эпохи, часто интригует исследователей. Как и многая другая «лукавая» информация, она легко поддается количественному подсчету, но не анализу. Приведу несколько примеров наблюдений в данной области, не намереваясь исчерпать всей историографии.

³⁵⁸ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and is Two still Unidentified enemies...

³⁵⁹ *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры...

³⁶⁰ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева...

³⁶¹ Дело по челобитью о поместье Семена Копосова сына Гулидова. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:114.

³⁶² Вопросы хранения дел в городских архивах немецких городов XVI-XVII в. касается в своей монографии К. А. Левинсон. По наблюдениям ученого, очень часто при обращении чиновникам к архивам необходимые документы было сложно найти. Часть их хранилась дома у чиновников (*Левинсон К. А.* Бюрократия немецкого города XVI-XVII вв. М., 2000. С. 46-47). То же фиксируется и новгородским материалом начала XVII в. В 4 главе я упоминал о том, что после убийства Ивана Салтыкова верстальный список, составленный при Салтыковской администрации в Новгороде, хранился у князя Никифора Яковлевича (Кудеярова сына) Мещерского, видимо дома (Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль – 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18; Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:65).

Губернские ученые архивные комиссии, готовившие к изданию писцовые, дозорные и переписные книги XVI-XVII вв. часто сопровождали такие издания обширными исследовательскими комментариями. П. Симсон сопровождал публикацию дозорных книг Калужского уезда 1617 г. анализом встречающихся в книгах имен³⁶³. Не все наблюдения Симсона можно принять сейчас. Он, как и многие последующие исследователи московской ономастики большое значение придавал противопоставлению «христианских» и «нехристианских» (т. е. некалендарных) имен, что привело к некоторым парадоксам. Так, он не узнал в имени «Микулка» (по Симсону – некалендарном) имени Николая³⁶⁴. Наиболее часто встречаемые имена в Калужском уезде по П. Симсону:

Ивашко	86
Игнатий	50
Григорий	29
Петр	19
Семен	22
Федор	31

Женщины уезда в 1617 г. носили почти исключительно христианские имена.

В конце XIX в. публикация массовых письменных источников эпохи Московского царства подтолкнула русских филологов к первым таким размышлениям. Особое внимание ученых приковали к себе в те годы некалендарные имена, в обилии встречающиеся в документах XV–XVII вв. Результатом этих исследований стал классический труд Н. М. Тупикова³⁶⁵.

Тогда же на страницах журналов развернулась плодотворная дискуссия о характере имен. Первой работой, в которой проблема некалендарных имен в писцовых книгах была специально рассмотрена, может считаться статья Н.Чечулина в журнале «Библиограф»³⁶⁶. Специфика источника — писцовые книги, в которых поименно названы представители всех социальных групп, — позволила Чечулину прийти к широким обобщениям. Одно из важнейших заключается в том, что в отношении именованья между сословиями не было резких разграничений. По его наблюдениям, «даже священники носили такие имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещеных имени — одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким. Это делалось по

³⁶³ *Симсон П.* Калужские книги 1617 г. письма и дозору Ивана Козьмича Бегичева и подьячего Игната Пчелина // Известия Калужской УАК. № 1. 1891. С. 33-38.

³⁶⁴ Ранее отсутствие имени Николай П. Симсон отметил в Серпуховской сотной 1552 г.

³⁶⁵ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. Т. 6. СПб., 1903.

³⁶⁶ *Чечулин Н.* Личные имена в писцовых книгах XVI в., не встречающиеся в православных святцах // Библиограф. 1890. Год 6. № 7–8.

верованию, что лихие люди, зная имя человека, могут делать ему вред чародейственными способами и вообще иногда легко сглазить человека»³⁶⁷. Всего ученый выявил более 700 некалендарных имен, упоминаемых в писцовых книгах³⁶⁸. Н. Чечулин отмечал также редкость имени Николай. Среди просмотренных им 50 000 имен имя Николай (в форме Микула) встретилось менее ста раз. Чечулин отмечал также большую редкость женских «некрещеных» имен. В ряде случаев ученый делал экскурсы в этимологию имен, им встреченных.

Автор «Этнографического обозрения», подписавшийся «Н. Х.» (Николай Харузин?) высказал мысль о том, что некалендарное имя не являлось прозвищем. Он усматривал аналогии между существованием русских некалендарных имен в XVI–XVII вв. и двуименностью у древних христианских народов, а также у осетин и русинов в XIX в. Статья была написана на основе десятиен XVII в., опубликованных В. Н. Сторожевым³⁶⁹, таким образом, в ней был проведен анализ имен представителей служилого сословия (всего более 300 имен, включая отчества)³⁷⁰. Вслед статье Н. Х. было по данной проблеме опубликовано две работы А. Балова, одна из них — в том же номере «Этнографического обозрения». Данные, собранные Н. Х. из десятиен, Балов дополнил именами из «Синодика опальных» Ивана Грозного и «Собрания государственных грамот и договоров». По мнению ученого, значительное количество известных некалендарных имен давалось ребенку при рождении, в зависимости от обстоятельств рождения, от особенностей ребенка (третий ребенок — Третьяк, и т. п.). Балов предположил также, что такие имена могли даваться и непросвященными священниками³⁷¹.

Более обстоятельная работа А. Балова была опубликована через несколько лет в «Живой старине». Основная мысль ученого заключалась в следующем: в науке сложилось мнение, что лишь князья до XV в. сохраняли вторые имена. Согласно ученому, православие, обрядность распространялись не от низших классов общества к высшим, а наоборот. Следовательно, в не княжеской среде противодействие церкви использованию нехристианских имен не должно было быть сильным. Современная А. Балову этнография фиксировала подобную двуименность у лопарей, вотяков, закавказских народов. Ученый

³⁶⁷ Здесь в издании приведено примечание Н. И. Костомарова: «Это сведение, как кажется, нигде не напечатанное, открыто Н. В. Калачовым, сообщившим его мне» (*Чечулин Н. Личные имена в писцовых книгах...* С. 74).

³⁶⁸ Исследователь пользовался изданными Н. В. Калачовым в двух томах «Писцовыми книгами Московского государства XVI в.».

³⁶⁹ *Сторожев В. Н. Десятни XVI в. // Описание документов и бумаг МАНЮ. Т. 8. М., 1891.*

³⁷⁰ *Н. Х. К вопросу о древнерусских «некалендарных» именах // ЭО. 1893. № 1. С. 122–128.*

³⁷¹ *Балов А., Н. Я. К вопросу о древнерусских некалендарных именах // ЭО. 1893. № 1. С. 152–157.*

привел оригинальный список русских некалендарных имен из опубликованных к тому времени источников XVI в., в ряде случаев снабдив их этимологиями и подыскав позднейшие производные. Так, по мнению А.Балова, имя Казарин восходит к этнониму «Хазар», «Хазарин». Наблюдения А.Балова показали также, как ничтожно мало число женских некалендарных имен³⁷², что заметил уже Н. Чечулин.

Европейская историография также исследует проблему именованья³⁷³. Однако католическая и протестантская традиция дачи имен сильно отличается от православной, допуская большое число имен у одного человека. Одна из недавних работ принадлежит перу Х. Клапиш-Цубер и посвящена детским именам в позднесредневековой Италии. По наблюдениям ученой, еще в 1370 г. дети, как правило, носили одно имя. Но в конце XIV в. многое изменилось (в особенности в Сиене и Флоренции). Имена в это время дают именно как посвящение ребенка тому или иному святому. Многое в выборе имени зависело от приходских священников. В Пизе, Лукке, Болонье имя ребенка должно было соответствовать святому, чья память праздновалась в день внесения младенца в церковь. «Второе имя ребенка произносилось перед церковным престолом, во время ритуала крещения человеком, который нес милицажденного к баптистерию — часто это была акушерка, кормилица или ее муж». Во Флоренции дело обстояло иначе. Здесь в выборе имен гораздо бóльшая роль принадлежала священнику. Отдельно исследователь рассматривает «очень политического святого» — Ромула (*тоскан.* Romolo, fem.: Romola). Между 1467 и 1472 гг. во Флоренции так было названо 10% детей. Между 1472 и 1482 г. — от 10 до 20%, с 1482 г. — так именовали 25–50% детей. За период 1502–1511 гг. имя Ромоло/Ромола получили 87% мальчиков, 80% девочек, а в 1530–1533 гг. так называли всех мальчиков Флоренции. Народная тосканская легенда XIV–XV вв. гласила, что св. Ромул, первый епископ Fiesole (пригород Флоренции), проповедовал Евангелие в этих краях в конце I в. н. э. Отсюда и такая его необычайная популярность на рубеже XV–XVI вв.³⁷⁴

Русская традиция именованья рассмотрена в известной книге Р. Хелли о холопстве в Московском государстве³⁷⁵. Анализу были подвергнуты как мужские, так и женские

³⁷² Балов А. О древнерусских «некалендарных» именах в XVI–XVII вв. // ЖС. 1901. № 3/4. С. 105–115.

³⁷³ Настоящая книга была уже закончена, когда мне довелось познакомиться с обстоятельной монографией С. Вильсона о социальной и культурной истории личных имен в Западной Европе (*Wilson S. The means of names. A social and cultural history of personal names in Western Europe.* L., N.Y., 2004).

³⁷⁴ *Klapish-Zuber Ch. Children's First Names in Italy during the Late Middle Ages // The Medieval History Journal. Vol. 2. Nr. 1. 1999. P. 37–54.*

³⁷⁵ *Hellie R. Slavery in Russia.* Chicago; L., 1982. С. 397–398.

имена одной социальной группы — холопов, в сравнении с именами лиц, упомянутых Дворовой тетрадью середины XVI в.

В работе М. С. Черкасовой была исследована антропонимия монашества Троице-Сергиева монастыря XIV–XVII вв.³⁷⁶. Из 1108 монахов 13 человек жили в XIV в., 200 имен относится к XV в., 402 — к XVI в. и 503 — к XVII. М. С. Черкасова насчитала 208 монашеских имен. В исследовании подтверждается общеизвестное мнение о том, что, как правило, при пострижении монахи сохраняли первую букву мирского имени, впрочем, известны и исключения. Имена троицких монахов часто писались с фамильными прозвищами и отчествами. В материалах архива Новгородской приказной избы мне встретился только один монах с фамильным прозвищем — старец Хутынского монастыря Андроник Шишмарев, собиравший зимой 1611/12 г. деньги с монастырских вотчин в Деревской пятине³⁷⁷.

Из работ последних лет упомяну еще большую статью К. Мюллера, специально посвященную женским именам и основанную на анализе поминальника 1734–1773 гг. из Московского Новодевичьего монастыря³⁷⁸. Всего в поминальнике названо 334 монахини с указанием дня и месяца их смерти. На 334 умерших пришлось 164 различных имени (анализу подвергались имена, дававшиеся при принятии великой схимы). Девять раз упоминается Александра, семь раз — Евпраксия, семь раз — Елисафета, шесть раз — Ираида, шесть раз — Ксенофонта, по пять: Алимпида, Евдокиа, Иулиана, Маргарита, Назарета, Таисия. К. Мюллера смутило, что Ольга в качестве схимонашеского прозвания упоминается лишь трижды, несмотря на то, что это первая русская святая. Интересно замечание исследователя, что доля достоверно календарных имен составила всего около 55%. Остальные — преимущественно искусственные образования³⁷⁹, также три ветхозаветных имени, для которых исследователь не смог установить календарный день: Деввора, Есфирь и Рахиль³⁸⁰. Несколько имен вообще не поддались поиску

³⁷⁶ Черкасова М. С. К изучению антропонимии русского средневековья (на материалах Троице-Сергиева монастыря XV–XVII вв.) // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. М.; Ферапонтово, 1999. С. 31–41.

³⁷⁷ Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 г. и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140). Л. 749.

³⁷⁸ Мюллер К. Sanctimonialia nominalia. Фрагмент русской исторической ономастики // *Palaeoslavica*. Т. 3. 1995. Р. 163–175.

³⁷⁹ Приводимые Мюллером примеры: Авдиана, Авксентиа, Анемподиста, Досифеа, Евагриа, Евлогиа, Евтихиа, Ираклиа, Иринарха, Калистратиа, Ксенофонта, Македония, Мартиниана, Мефодиа, Никандра, Пагкратиа, Памфилиа, Парфения, Трифилиа, Филарета, Христофора и др.

³⁸⁰ Редактор журнала А. Б. Страхов привел свои замечания на эту сентенцию К. Миллера: Эсфирь и Рахиль поминаются в Неделю св. праотец; женские же имена, образованные от

происхождения³⁸¹. Почти отсутствуют в поминальнике имена славянские: Ольга (3), Вера (2), Надежда (3), Любовь (1).

Занимательная статистика распространения мужских и женских имен в Смоленской губернии в 1918 г. приведена в работе И. В. Даниловой³⁸². По ее наблюдениям, среди мужских имен наибольшее распространение имели в 1918 г. Иван (встречено 486 раз), Николай (366), Михаил (302), Александр (194), среди женских — Анна (449 раз), Мария (431), Екатерина (207), Анастасия (204).

В исследовании А. Б. Каменского о повседневной жизни г. Бежецка XVIII в. также приведена статистика распространения имен среди бежецкого купечества. Ученый отметил небольшое число женских имен, использовавшихся бежежанами в XVIII в. Их всего 40, что ниже, чем в среднем по России³⁸³.

Новгородская традиция именования исследовалась еще в 1950-х гг. Астрид Бэклунд³⁸⁴. Источниковая база ученого была небольшой: исследовался лишь домосковский период новгородской истории. Таким образом, основным источником послужила публикация грамот Великого Новгорода и Пскова³⁸⁵, кроме того, летописи и берестяные грамоты. Интересно наблюдение Бэклунд о том, что из 176 лиц с именем Иван 150 встречены именно в грамотах, а не в летописях. Исследовательница отметила также редкость таких имен, как Андрей и Ферапонт (по одному).

Таблица 7. Наиболее употребительные имена в Новгороде XIV–XV вв. (по А. Бэклунд)

Имя	Встречаемость	
	в именах	в отчествах
Иван	146	65
Василий	79	49
Григорей	72	30
Федор	71	37
Семен	57	27

мужских — широко встречаются у Мельникова-Печерского, в берестяных грамотах, в приписках писцов.

³⁸¹ Мавстридия, Илинарха, Малофрофия, Мелхина, Назарета, Феоклиста, Трепелагия.

³⁸² Данилова И. В. Анализ именника Смоленского края в 1918 г. // Славяне. Письменность и культура. Мат. науч. конф. Смоленск, 2002. С. 181–186.

³⁸³ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 80–82.

³⁸⁴ Baeklund A. Personal names in Medieval Velikij Novgorod. Stockholm, 1959 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de Philologie Slave. 9).

³⁸⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Яков	51	17
Степан	49	18
Михайло	35	17
Юрий	32	18
Есиф	31	14
Дмитрей	26	11
Ондрей	26	21
Матфей	25	12
Павел	25	9
Олексей	23	12
Сидор	21	9
Кузьма	20	11
Максим	20	12
Игнатей	18	9
Микита	18	3
Олександр	17	10

Источник: Baeklund A. Personal names in Medieval Velikij Novgorod (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de Philologie Slave. 9). Stockholm, 1959. С. 88.

Ивена новгородцев, упомянутых в документах архива Новгородской приказной избы специально подвергались рассмотрению дважды: в отдельном параграфе исследования Хагар Сундберг о новгородских кабальных книгах³⁸⁶ и в защищенной в 2006 г. в Геттингене докторской диссертации Клаудии Нитшке³⁸⁷.

В работе Х. Сундберг анализ ономастикона кабальных книг не был центральной задачей, однако она дала обстоятельный обзор этого материала. По подсчетам Х.Сундберг, в кабальных книгах упомянуто более 400 человек. При анализе именослова, исследовательница в основном использовала наблюдения А.А.Мирославской над сходным видом источников – новгородскими кабальными книгам рубежа XVI-XVII вв. Х. Сундберг привела и неотую статистику. Согласно ее исследованию, встречаемость имен в кабальных книгах следующая:

³⁸⁶ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 189-195.

³⁸⁷ *Nitschke C.* Die Novgoroder Namenlanschaft zu Beginn des 17. Jahrhunderts. München, 2006 (Slavistische Beiträge. 448).

Мужские: Иван (63), Василий (28), Григорий и Семен (по 16), Федор (15).

Женские: Марья (9), Анна (6), Авдотья (5), Офимья (5), Агафья (4).

В исследовании Нитшке обнаруживает себя отличное знакомство ученого с русской ономастической историографией и неплохое знание истории Новгорода XVI-XVII вв. К.Нитшке подробно рассмотрев дискуссию о том, что считать именем, а что не считать применительно к русской традиции XV-XVII вв. справедливо, на мой взгляд, присоединилась к мнению А. А. Зализняка: и в XVII столетии некалендарные имена – такие же полноправные, как и календарные³⁸⁸. Исследовательница стремится анализировать весь объем имен, встречающийся в документах архива. Ей, как она считает, удалось выявить 2401 женщину, которые носили 60 имен и 2341 мужчину, носившего, соответственно 285 имен,³⁸⁹ из которых 82 некалендарных³⁹⁰ и 169 (так!) календарных³⁹¹. Возникает однако сомнение в том, что в приведенной К.Нитшке статистике все так точно: думаю, что без специального исследования биографий всех людей невозможно утверждать, что в данных подсчетах одно и то же лицо не упомянуто дважды-трижды. В именном указателе делается попытка социального ранжирования имен: не случайно в нем три графы: Три графы: имя; социальный статус; ссылка на номер архивного дела. Видимо, именно социальное ранжирование вызвало наибольшее затруднение немецкого филолога: к примеру, крестьяне всегда обозначены как Bauer, при этом она употребляет термины *romešćik* и *djačok* и т.п. По мнению канадской славистки Клаудии Радунцель, исследование К. Нитшке дает софиологический фон к материалам архива Новгородской

³⁸⁸ Там же. С, 86-88.

³⁸⁹ Там же. С, 178-179.

³⁹⁰ Я не соглашусь с тем, что все выделяемые К. Нитшке имена – некалендарные (в приводимом списке я выделил полужирным имена явно из церковного календаря): Третьяк (39), Ждан (31), Томила (30), Первой (26), Пятой (14), Нечай (8), Суббота (7), Бажен (6), Дружина (6), Докучай (5), **Калина** (5), **Володимер** (5), **Логин** (4), Сабина (4), Меньшой (3), Крот (2), Осталец (2), Пospel (2), Путило (2), Семей (2), Смирной (2), Шарап (2), **Титко** (2), Второй (2). По одному: Беляйко, Безсон, Бобина, Богарадил, Бражник, Десятой, Девятой, Дрошка, Гневашко, **Ярошка**, Карыш, **Карп**, Китайко, Курак, Латыш, Ляпун, Лопин, Лучанин, Мясник, Нехорошка, Негодяй, Нелюб, Неугас, Оконничник, Орел, Перечник, Подосен, Посник, Русин, Сапун, **Сила**, Шабанко, Шаблыка, Шатай, Шестак, Шир, Тарабейко, Тява, Тороп, Угрим, **Владышка**, Владислав, **Воин**, Ворошила.

³⁹¹³⁹¹ Исследовательница выделяет четыре группы календарных имен по встречаемости: Первая группа, более 44 (Иван -269, Федор – 108, Григорий – 76, Василий 75, Андрей – 66, Семен – 57, Никита 54, Стефан 53, Михаил 45, Богдан 44); вторая группа, от 20 до 41 (Петр 42, Тимофей 41, Афанасий 39, Гаврило 38, Яков 37, Дмитрий 35, Филипп 29, Матфей 29, Максим 28, Антоний 25, Юрий 24, Козьма 24, Борис 23, Павел 23, Ларион 22, Левонтий 21, Никифор 21, Данило 21, Игнатей 20, Иосиф (Осип) 20); третья группа, от 10 до 20 (Ефим 19, Прокофей 19, Кирилл 15, Наум 15, Александр 14, Лука 14, Савва 14, Артемий 12, Фома 12, Митрофан 11, Клементей 11, Кондратей 10, Макарей 10, Сидор 10). В четвертой группе – имена, встречающиеся менее 10 раз.

приказной избы³⁹²; видимо в этом суждении проявилось знакомство К. Радунцель лишь с филологической литературой, посвященной новгородскому обществу начала XVII в.

На основании анализа материалов архива Новгородской приказной избы, а также иных источников о новгородском обществе начала XVII в., обзорные таблицы которых я дал в специальной главе, мне удалось составить таблицы встречаемости мужских и женских имен в Новгороде 1605–1617 гг. В статистику не были включены имена новокрещеных татар (однако имена их матерей, жен и дочерей, в том случае, если они не были татарскими, включены в перечень женских имен), а также неновгородцев, оказавшихся в городе в результате политических событий Смутного времени. Полученные данные сведены в таблицы 8 и 9.

Таблица 8. Мужские имена служилых людей Новгорода начала XVII в.

<i>Мужские</i>	<i>Количество</i>
Иван	544
Федор	231
Василий	189
Андрей	153
Григорий	152
Богдан	136
Семен, Симон	133
Михаил	124
Степан	120
Петр, Петеля	111
Никита	103
Афанасий, Фуник	71
Тимофей	65
Дмитрий	53
Борис	51
Никифор	51
Алексей	49
Гаврило	49
Матвей	46

³⁹² Radünzel C. Рец.: Claudia Nitschke Die Novgoroder Namenlanschaft zu Beginn des 17. Jahrhunderts. München, 2006 (Slavistische Beiträge. 448). // Canadian Slavonic Papers. Vol. 49. 2007. № 1/2. P. 155-156.

Данило	38
Игнат, Игнатий	38
Ждан	37
Максим	36
Третьяк	36
Юрий	36
Яков	36
Осип	29
Илья	27
Роман	27
Томило	26
Первой	25
Александр	24
Павел	24
Леонтий	23
Пятой	22
Артемий	21
Захар, Захарий	21
Кузьма	20
Постник	20
Друг, Друган, Другиня, Дружина	19
Ефим, Ефимий	18
Прокофий, Проня	17
Сергей	17
Давыд	15
Тихон	15
Шестак, Шестой	15
Антон ³⁹³ , Антоний	14
Воин	14
Казарин	14
Константин	14
Яким	14

³⁹³ Девять Антонов и пять Антониев

Второй	13
Моисей	13
Терентий	13
Астафий, Остафий	12
Кирилл	12
Владимир	11
Ларион	11
Лука	11
Савва, Сава	11
Фаддей, Фотей	11
Герасим	10
Родион	10
Истома	9
Лев	9
Пимен	9
Семой	9
Дементий	8
Еремей, Рюма	8
Крик, Крюк, Кряк	8
Макар, Макарий	8
Нечай	8
Олфер, Олферий	8
Парфен, Парфений	8
Прохор	8
Сила	8
Филипп	8
Аггей (Агей, Агиш)	7
Аксен, Аксентий	7
Дей (Авдей)	7
Карп	7
Клементий, Клим	7
Лаврентий	7
Маньшой, Меньшик	7
Миколай, Микула	7

Мокей	7
Смирной	7
Стахей	7
Федот	7
Архип	6
Булат	6
Гость	6
Денис	6
Докука, Докучай	6
Ермола, Ермолай	6
Замятня	6
Исай	6
Кондрат, Кондратий	6
Мирон	6
Наум	6
Неудача	6
Тихомир	6
Девятый	5
Дорофей	5
Емельян	5
Изот, Изотик	5
Исак	5
Мина	5
Михей	5
Назар, Назарий	5
Никон	5
Сидор	5
Сотник	5
Вешняк	4
Влас	4
Гордей	4
Гурий	4
Елизарий	4
Злоба	4

Корнил, Корнилий	4
Лазарь	4
Малентий	4
Нехороший	4
Осан	4
Осталец	4
Перфирий, Перфур	4
Ратман	4
Самсон	4
Самуил	4
Субота	4
Трофим	4
Фрол	4
Харитон	4
Абросим	3
Андреян	3
Аникий	3
Бражник	3
Будай	3
Горчак	3
Егуп	3
Ерофей	3
Лобан	3
Лукьян	3
Мартемьян	3
Мартын	3
Меркурий	3
Мурза	3
Неведом	3
Невер	3
Неждан	3
Нелюб	3
Несмеян	3
Патрикей	3

Русин	3
Салтан	3
Тугарин	3
Улан	3
Фирс	3
Фома	3
Шарап	3
Абрам, Авраам	2
Анисим	2
Арист	2
Бессон	2
Вельямин	2
Венедикт	2
Вьялица	2
Глеб	2
Грязной	2
Евтихий	2
Ездок	2
Елисей	2
Зворыка	2
Калина, Калинник	2
Кирьян	2
Конан	2
Крестьянин	2
Курака	2
Любим	2
Ляпун	2
Малюта	2
Марк	2
Митрофан	2
Насон	2
Некарь	2
Неустрой	2
Нефед	2

Образец	2
Осьмой	2
Отуч	2
Парамон	2
Пинай	2
Полуэкт	2
Поспел	2
Потап	2
Ратай	2
Рахман, Рахманин	2
Савелий	2
Салман	2
Севастьян	2
Северга	2
Селиван, Селифонт	2
Семейка	2
Сильвестр	2
Скурат	2
Спиридон	2
Сувор	2
Темир	2
Товарищ	2
Трифон	2
Ушак	2
Федосей	2
Феоктист	2
Фока	2
Хотен	2
Четвертый	2
Шершик, Ширш	2
Абакум	1
Акинф	1
Алабыш	1
Алтын	1

Анкудин	1
Ахмет	1
Бажен	1
Басенок	1
Берсень	1
Бурнаш	1
Бухарин	1
Бык	1
Варшута	1
Васьян	1
Верига	1
Внук	1
Воронец	1
Гам	1
Демид	1
Демьян	1
Десятый	1
Домашний	1
Евдоким	1
Евсей	1
Евстрат	1
Емин	1
Ефрем	1
Залешенин	1
Засоря	1
Зиновий	1
Измаил	1
Исуп	1
Иуда	1
Ишута	1
Каллистрат	1
Киприан	1
Кирик	1
Китай	1

Кобяк	1
Корей	1
Кощей	1
Крисанф	1
Кудеяр	1
Курап	1
Кушник	1
Логин	1
Лучанин	1
Маккавей	1
Мамлей	1
Манон	1
Миияй	1
Минога	1
Молчан	1
Мурат	1
Мясоед	1
Нагай	1
Надежда	1
Небогатой	1
Невежа	1
Неклюд	1
Немир	1
Непогодий	1
Непытай	1
Нерык	1
Нестер	1
Неугас	1
Новосел	1
Овсей	1
Одинец	1
Олфим	1
Омена	1
Орефа	1

Павлин	1
Падора	1
Пантелей	1
Папа	1
Папалит	1
Паук	1
Пахом	1
Панкратий	1
Пересвет	1
Поликарп	1
Поступа	1
Пров	1
Провотарх	1
Псковитин	1
Путал (Путило)	1
Путья	1
Радил	1
Роспуга	1
Савлук	1
Санбар	1
Сапун	1
Светлый	1
Своитин	1
Северин	1
Серый	1
Синий	1
Соловец	1
Софонтий	1
Софрон	1
Сулмень	1
Суморок	1
Сурьянин	1
Суторма	1
Счастной	1

Сысой	1
Тарасий	1
Таскай	1
Тороп	1
Тудей	1
Увар	1
Угрим	1
Усюм	1
Устин	1
Федул	1
Филат	1
Филимон	1
Филон	1
Харлам	1
Хрипун	1
Худяк	1
Черемисин	1
Черкас	1
Чуваш	1
Шаблыка	1
Шаврук	1
Шеметай	1
Шишка	1
Шум	1
Шумил	1
Юмран	1
Юс	1
Яныш	1

Таблица 9. Имена жен, матерей и дочерей служилых людей Новгорода начала XVII в.

<i>Женские</i>	<i>количество</i>
Мария	96

Анна	58
Авдотья ³⁹⁴	55
Аксинья	27 ³⁹⁵
Арина, Ирина	26
Анастасия	25
Татьяна	25
Ульяна, Ульяния, Улита	23
Степанида, Стефанида	21
Пелагея	21
Прасковья	21
Агафья	17
Аграфена	17
Варвара	16
Марфа	16
Екатерина	15
Матрена	15
Домна	14
Федосья	13
Акилина, Акулина	13
Алена, Елена	12
Лукерья	12
Дарья	10
Федора	9
Василиса, Василиста	8
Фетинья	8
Евфимия	7
Феврония, Хавронья	7
Анисья, Анусья	6
Наталья	6
Евфросинья	4

³⁹⁴ В одном случае вариант: Авденья

³⁹⁵ В одном случае вариант: Оксана, в другом — Опсенья

Соломонида	4
Фекла	3
Мавра	3
Ненила	3
София	3
Христина, Кристина	3
Досада, Досанона	2
Марина	2
Устинья	2
Любава	1
Докука	1
Александра	1
Зеновия	1
Милава	1
Феона	1

Я не разделял календарные и некалендарные имена новгородцев. Всего в статистику включено 4063 мужских имени и 654 женских. Мужских имен у новгородцев начала XVII в. я насчитал 351, женских — 46 (что больше, чем в Бежецке XVIII в.). Среди мужских календарных имен численно преобладает, как обычно, Иван (544 имен), среди некалендарных — Богдан (136 имен) и далее, с большим отрывом — Ждан (37 лиц). Среди женских имен, как и следовало ожидать, лидирует Мария (96 имен). Некалендарное женское имя — одно (Докука); возможно, некалендарным является также имя Феона.

Приложение 1

1612, июня (?) — Нетный список дворян и детей боярских Деревской пятины, не явившихся на службу под Псков.

Сотник Иванов сын Веревкин

Анисим Измайлов

Лукьян Постников сын Матюшкин

Ларион Федоров сын Иездинов

Замятня Федоров сын Трофимов

Иван Романов сын Зиновьев

Селивестр Бараков

Иван Михайлов сын Перхуров

Безсон Федоров сын Трофимов
Иван Григорьев сын Языков
Василий Ильин сын Бутенев
Гаврило Семенский
Степан Васильев сын Мусин
Александр Михайлов сын Перхуров
Семен Дмитриев сын Аничков
Никита Никифоров сын Бовыкин
Петр Осипов сын Аничков
Третьяк Иванов сын Перхуров
Григорий Мисюрев сын Непейцын
Алексей Григорьев сын Ерохов
Томило Тугаринов сын Мусин
Иван Тугаринов сын Мусин
Тимофей Яковлев сын Ростопчин
Влас Яковлев сын Ростопчин
Артемий Иванов сын Кутузов
Наум Максимов сын Иездинов
Русин Григорьев сын Мусин
Гаврило Григорьев сын Мусин
Семен Григорьев сын Иездинов
Василий Воинов Завалишин
Сергей Базин
Насон Ростопчин
Григорий Иванов сын Чириков
Никифор Васильев сын Неплюев
Иван Иванов сын Коротнев
Борис Григорьев сын Языков
Исак Корсаков
Смирной Корсаков
Павел Яковлев сын Ростопчин
Осан Андреев сын Хвостов
Софонтий Васильев сын Оклячев
Мелентий Тарасов сын Вараксин
Василий Шестого сын Корсаков

Леонтий Иванов сын Кропотов

Максим Васильев сын Косаковский

Прокофий Васильев сын Косаковский

Прокофий Иездинов

Василий Аничков

Реконструировано по: Книги записи денег, взятых по переводным записям с помещиков Деревской пятины за псковские нети. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.

Приложение 2. Списки служб новгородцев начала XVII в.

Приложение 2.1. Воеводы новгородских пригородов

Корела	Ладога	Орешек	Копорье	Гдов	Ивангород	Ям	Старая Русса	Тихвин	Порхов	Ошта и Заонежье
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ок. Дмитрий Вельяминов (первый воевода), Степан Осипович Безобразов, май 1596	князь Семен Никитич Кропоткин, первый воевода; Федор Хрулев Наумов, второй воевода, 1582	Иван Андреевич Судаков, второй воевода, 1581/82 и 1582/83	Василий Иванович Белеутов, второй воевода, 1591–1592; первый воевода 1592/93; первый воевода, 1601/02	Парфений Иванович Елагин, 1612	Василий Иванович Волков-Курицын, голова в феврале 1590–феврале 1592; Второй Федорович Тыртов, голова в феврале – августе 1590	Второй Федорович Тыртов, голова в 1590/91	Кн. Матвей Мещерский, Федор Палицын, август – октябрь 1610	Феоктист Никитич Муравьев, февраль–август 1612	Ждан Харламов, городской приказчик, 1596/97	Василий Федорович Неплюев, 1613, марта
кн. Василий Иванович Гвоздев-Ростовский, Петр Наумов, 1598/99	Василий Иванович Белеутов, осадный голова, март 1585–1586	Василий Иванович Белеутов, первый воевода, 1586, 1587, 1588; князь Матвей Иванович Мещерский, второй воевода, 1587/88	Василий Иванович Волков-Курицын, голова в 1593/94; воевода в 1601/02	Крюк Иванович Елагин и Степан Григорьевич Станищев-Лазарев, осадные головы, январь–февраль 1614	Петр Иванович Плещеев и Злоба Иванович Пушкин, головы, февраль 1590–февраль 1592	Алексей Горчакович Давыдов, голова в 1591–1592	Воин Афанасьевич Новокщенов, август 1611	Иван Иванович Крюков, зима 1612/13	Неудача Федорович Шишкин, воевода, городской приказчик Федор Олферьев Облезов Воронов, август – октябрь 1610	
кн. Михаил Григорьевич Темкин-Ростовский, первый воевода,	Елизарий Иванович Сабуров, 1588–1589	Василий Хвостов, второй воевода, 1586–1587	Меньшой Хлопов, голова, 1598/99	Матвей Шавруков Муравьев, 1626–1628	Непогодий Матвеев Обернибесов, голова с февраля 1592 г.	Кн. Борис Иванович Мезецкий, Григорий Колединский, князь	Полужт Матвеев Колычев, сент. 1611	Андрей Григорьевич Трусов, май 1613	Федор Олферьев Облезов Воронов, городской приказчик,	

1602						Василий Дмитриев Кропоткин, третий воевода в 1591/92 и 1592/93 гг., голова Дмитрий Константинов Скобельцын			1605/06, второй воевода в феврале 1612–марте 1613, первый воевода в феврале 1629–1630/31	
боярин кн. Василий Михайлович Мосальский, первый воевода, Иван Андреев Судаков, второй воевода, 1605/06	Григорий Никитич Муравьев, весна–лето 1611	Кн. Матвей Мещерский, второй воевода, 1588	Степан Константинов Шавкалов, городской приказчик, 1599, июнь	Пятой Гаврилович Мусин, 1629, 1630/31	кн. Василий Иванович Ростовский, первый воевода; Алексей Данилович Лошаков Колычев, второй воевода; Василий Федоров Лодыгин, голова, Федор Никитич Плещеев, голова, 1593, февраль, до апреля 1594	Иван Старого Милкоков, 1596	Герасим Янышев (Арсеньевич) Муравьев, октябрь 1611–февраль 1612	Иван Иванович Баклановский, осень 1614 – 4 декабря 1615	князь Иван Афанасьевич Мещерский, первый воевода, январь 1612, январь 1613, март 1613, сентябрь 1613, с января 1615	
князь Семен Никитич Кропоткин, 1605/06	Иван Шея Секирин; Василий Федорович Бутурлин, 1611, декабрь – 1612, июль	Никита Федорович (Басаргин) Нелединский, городской приказчик 1590/91	князь Михаил Иванович Кропоткин, первый воевода; Иван Яковлев Тырков, второй воевода, лето 1604		Юрий Иванович Вельяминов, 1596 (до 28 сентября)	Данило Травин, голова, 1598/99	Кн. Андрей Тимофеевич Шаховской, с 26 февраля 1612	Игнатий Харитонович (Жданов) Харламов, второй воевода с 4 декабря 1615, декабрь	Иван Иванович Крюков, первый воевода, с февраля/марта 1613, до сентября 1613	

								1616		
Василий Иванович Белеутов, второй воевода; голова Шаврук Лаврентий Никитич Муравьев, март 1607	Василий Федорович Неплюев, Василий Иванович Змеев, 1617–1620, 1622; 1627, 1630/31	Михаил Юрьев Нелединский, городской приказчик 1594/95	князь Семен Григорьевич Звенигородский, 1600, 1607		Елизарий Иванович Сабуров, первый воевода (с 28 сентября 1596); Меньшой Григорьев Волынский (второй воевода осень 1596); Василий Иванович Белеутов, второй воевода, 1597/98; второй воевода, 1605	Иван Крокольский, городской приказчик, 1599, 1606/07	Никита (Смирной) Елизарьевич (Замятнин) Отрепьев, второй воевода с 22 августа (вар.: с 28 октября) 1612, до 30 августа 1613	Василий Федорович Неплюев, осень 1614–1616	Игнатий Харитонович (Жданов) Харламов, с февраля 1617, 1621	
боярин кн. Василий Михайлович Мосальский, 1607/08	Григорий Никитич Муравьев, 1623	кн. Иван Михайлович Вяземский, 1596	Шаврук Матвеевич Муравьев, второй воевода, 1601/02		Кн. Василий Иванович Почуй Ростовский, первый воевода с февраля 1599, тж 1601/02	Феоктист Никитич Муравьев, июнь 1610, август 1612, сент. 1613	Яков Михайлович Боборыкин, 1617–1619	Степан Тимофеевич Горихвостов, с февраля 1617	Матвей Шавруков Муравьев, 1619, 1623	
Кн. Данило Тимофеевич Мышецкий, первый воевода; Василий Туханович Аврамов, второй воевода. 1608–1609	Князь Василий Петрович Кропоткин, декабрь 1627	Дмитрий Андреевич Замыцкий, 1598/99	Кн. Андрей Константинович Шаховской, апрель 1610		Кн. Дмитрий Аксак Григорьевич Бельский, второй воевода с февраля 1599	Никита Иванович Калитин, 1616	Кирилл Осипович Супонев, 1629, декабрь		Иван Михайлович Аничков, 1622, декабрь – 1625, июль	
Григорий Бороздин, Шаврук Матвеевич Муравьев,		Никита Степанович Третьяков Хвостов, голова 1607,	Кн. Иван Михайлович Кропоткин и Андрей Тимофеев		Кн. Иван Петрович Ромодановский, второй воевода, с апреля 1600		Богдан Иванович Самарин, 1643/44		Андрей Иванович Нащокин, 1624, сентябрь –	

1610, взяты в плен Делагарди		второй воевода, 1607/08 (с первым воеводой боярином М.Г.Салтыковым)	Ногин, август – октябрь 1610						1625, июнь	
Иван Михайлович сын Меншого Пушкин, Алексей Иванович Безобразов; головы Григорей Чиркин и Василий Аврамов (август – октябрь 1610).		Кн. Иван Семенович Путятин, первый воевода; Лука Иванович Милославский, второй воевода, август, октябрь 1610	Иван Григорьевич Трусов, воевода декабрь 1610 – февраль 1611		Третьяк Григорьевич Вельяминов, второй воевода; кн. Петр Иванович Кропоткин, третий воевода, 1601/02				Федор Олферьевич (Облезов) Воронов, 1629, декабрь, 1630, май	
Григорий Лытаев Чиркин, ноябрь 1610		Венедикт Васильевич Хомутов, назначен Сигизмундом в декабре 1610	Андрей Тимофеевич Ногин, второй воевода, февраль 1611		Алексей Никитин Лошаков Колычев второй воевода, 1593, первый воевода, 1602, 1603, 1604				Юрий Минич (Третьяков) Копнин, 1631, январь – 1632, июнь	
		Кн. Александр Тимофеевич Ростовский; Венедикт Васильевич Хомутов (второй воевода),	Василий Семенович Чеботаев, 1615		Иван Александрович (Неклюдов) Мунзорин, второй воевода, 1602, 1603, 1604				Иван Васильевич Лавров, 1632, сентябрь – 1634, август; 1636, декабрь – 1638, февраль	

		февраль 1611							
		князь Иван Васильевич Кропоткин, июль 1612			Боярин Михаил Глебович Салтыков, первый воевода, кн. Федор Петрович Борятинский, второй воевода, 1605/06				Яков Григорьевич Щербинин, 1634, ноябрь – 1636, март
					Кн. Иван Федорович Хованский, 1610/11				Замятня Васильевич Аничков, 1638, март – сентябрь
									Григорий Степанович Щеголев, 1639, февраль – сентябрь
									Андрей Иудич Черкасов, 1642
									Осип Иванович Ушаков, 1643, июнь – 1645, май
									Прокофий Андреевич Юшков, 1647, сентябрь – 1648, март

Приложение 2.2. Губные старосты новгородских пятин

Обонежская пятина		Водская пятина		Шелонская пятина		Бежецкая пятина		Деревская пятина	
<i>Заонежская</i>	<i>Нагорная</i>	<i>Полужская</i>	<i>Корельская</i>	<i>Залесская</i>	<i>Зарусская</i>	<i>Тверская</i>	<i>Белозерская</i>	<i>Половина</i>	<i>Половина</i>

<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>половина</i>	<i>Жихаря Рябчикова</i>	<i>Григория Морозова</i>
Иван Овдулов и Яков Панов, 1586/87, 1587/88	Яков Васильев сын Баранов, «выборная голова Обонижские пятины Нагорные половины», 1572	Василий Пыжов, 1585	Федор Васильев Калитин, 1571	«выборная голова денежной зборщик Шелонские пятины Залеские половины» Афанасий Никитин Порховский, 1573	Борис Андреев Назимов, 1573, 1584/85, 1585/86	Семен Тютчев и Яков Образцов, 1585, 1586, 1586/87 (Костовский стан)	Иван Бирюлев и Злоба Андреянов, 1587/88	Дмитрий Кропотов, 1582/83	
Иван Овдулов, 1590/91	Иван Змеев и Богдан Мартьянов, 1582–1585	Семен Борисов Ожогин, 1584, 1586/87, 1588, 1588/89	Третьяк Савин, 1584/85, 1587/88, 1592, 1594	Борис Григорьев Мякинин, 1585/86 – 160506, октябрь 1610, 1611, июль 1612	Федор Головин 1584/85, 1585/86, 1593, 1595, до 1596/97.	Иван Бирюлев, 1586/87, 1588	Фаддей Маврин и Петр Арбузов, 1593/94, 1594, сент.	Петр (Петеля) Иванов Есипов (Едровский стан) 1584/85, 1585/86, 1586/87, 1593/94, 1594/95, 1598/99, 1600/01	
Никита Востинской, 1594	Василий Львович Слепцов, 1588– 1595	Федор Елагин, 1589, 1590, 1592, 1595	Афанасий Алексеев Уваров, 1586/87	Семен Прокофьев Горяинов, 1585/86, 1591,	Постник Терентьев Якимов, 1589, 1593/94,	Крестьянин Несветаев Страхов, 1584/85,	Константин Загоскин и Третьяк Поздеев Лутовинин,	Григорий Тимофеев Скрыплев, 1584/85–1586/87	

				1595, до 1597 г.	1594/95	1586/87	1595/96	
Мурат Гаврилов Мордвинов, 1601/02	Некрас Губин, 1590	Леонтий Меньшого Кнутов, 1589, 1590, 1594/95, до 1596/97, вновь 1600/01	Богдан Желтухин, 1584/85, 1585, 1587, 1589, 1595	Паук Званов Косицкий, 1596/97–1601/02, , 1607, до декабря 1612	Иван Скобельцын, 1596/97	Злоба Андрианов, 1588	Леонтий Лупандин, 1598/99	Андрей Михайлов Бунков и Василий Иванов Мусин, 1587/88 – 1593/94 (Едровский стан)
Второй (Василий) Гаврилов Есипов, 1601/02, 1603/04	Борис Леонтьев Унковский, 1596, 1602/03, 1604, 1605/06, март–август, 1607, 1612	Сильвестр Леонтьев Зиновьев, 1593/94, 1595/96, 1597/98, 1600, 1602, 1613/14, октябрь 1615	Степан Третьяков (Матвеев) Кузминский, 1596/97, 1597	Федор Григорьев Вельяминов, 1596, 1600, 1602/03, 1605/06, 1607, октябрь 1609, 1610–лето 1612	Семен Иванов Узкий, 1591, сент., 1597, 1599, 1600, 1602–1606/07	Степан Семенов Парский, 1595/96, 1596/97	Иван Иванов Саламыков, Гаврило Скуратов Теглев, 1602/03–1605/06	Степан и Федор Антоньевы Рясницыны, 1592/93
Исай Лазарев Глотов, 1602/03, 1612, 1613	Михаил Бахтин и Иван Змеев, 1596/97–1602	Михаил Старков Неелов, 1601/02–1606/07,	Борис Третьяков Вельяшев, 1596/97, 1598/99,	Симон Блаженков и Гаврило Мякинин, с декабря 1612 г.	Денис Григорьев Евреев, 1591, сент., 1595/96, сент. 1598,	Степан Федоров Шамшев, 1602–1605/06, 1607/08,	Иван Брагин Висленев и Лев Иванов Володимеров, сент. 1607,	Василий Юрьев Лошаков, 1592/93, 1594/95

		1610/11, 1612, 1613, 1614, 1616, 1622–1624, 1624/25	1599/1600, март 1602		1606/07	январь 1612	1607/08	
Семен Богданов Агапитов, 1604, 1605/06, зима 1612, лето 1612, 1622	Афанасий Яковлев Баранов, 1602/03, 1603/04, 1605/06, , 1607, 1612, лето – осень	Иван Васильев Пушкин, 1602/03 – 1607/08	Матвей Борисов Кушелев, 1602/03–осень 1610	Владимир Андреев Пушкин, апрель 1613	Юмран Иванов Нарбеков, 1602/03, апрель и декабрь 1610	Иван Иванов Алекин, 1602/03, май 1604, 1607/08,	Роман Злобин Талызин, 1610, 1612	Казарин Григорьев Веревкин и Илья Иванов Плещеев, 1593/94
Иван Апрелев, 1606/07	Афанасий Иванов Обольянинов, с 12 августа 1612	Никифор Федоров Шавкалов, 1631, октябрь – 1633, август	Михаил Бабинский, 1602/03	Василий Казаринов Скобельцын, 1620/21; 1626/27	Иван Иванов Селиванов, 1636, декабрь – 1641, июнь	Никита Иванов Милюков, январь 1622– октябрь 1623	Захар Иванов Давыдов, 1622, январь – 1623, август	Борис Иванов Сомов, 1594/95
Иван Степанов Забелин, 1623, ноябрь – 1635, август	Богдан Федоров Палицын, 1624, январь – 1635, апрель	Гаврило Никифоров Воронин, 1636, февраль – 1649, июнь	Кузьма Михайлов Бровцын, 1604/05–осень 1610	Василий Борисов Назимов, 1638, декабрь – 1640, октябрь	Семен Селиванов, 1644, сентябрь – 1650, август	Ефим Андреев Родичев, 1631, сентябрь – 1632, август	Богдан Услюмов Козляинов, 1631, сент. – июнь 1640	Михей Мельницкий, 1594/95– 1601/02 (Едровский стан)
Сила	Иван Степанов		Иван Васильев	Матвей		Андрей	Григорий	Никифор Никитин Матюшкин и

Скобельцын, 1636, февраль – 1640, март	Забелин, 1635, ноябрь – 1641, март		Пушкин, 1602/03, 1604/05, февраль 1607, август 1612, март 1613	Косицкий, 1641, апрель – август		Бетюков, 1633, декабрь – 1636, март	Сапунов Мякинин, 1637	Первой Мусин, 1602/03, 1603/04	
Кузьма Путятин Садиллов, 1644, сентябрь	Воин Кобылин, 1644, сентябрь – 1648, июль		Андрей Иванов Неелов, март 1613, 1614, 1615, август 1616	Иван Афанасьев Панов, 1644, ноябрь – 1650, январь		Григорий Сназин, 1636, апрель – 1641, март	Василий Степанов Ушаков, 1641, март – 1650, февраль	Пятой Ратаев Мусин, 1604	
Постник Путятин, 1646, март – 1646, март – 1650, март			Никифор Тимофеев Рахманов, 1639, ноябрь – 1638, март			Федор Васаев, 1644/45		Дружина Семенов Аничков и Никита Андреев Обольянинов, 1604, июнь – август	
						Федор Березин, 1645, октябрь – 1650, май		Игнатий Михайлов Дюкин, 1611/12, октябрь 1612, 1613, апрель	Андрей Петров Обутков, 1603/04, 1605/06, 1606/07, 1607/08, 1609/10, декабрь 1611
						Яков Родичев,		Афанасий	Тимофей

						1649, декабрь – 1650, май		Никифоров Ежевский, 1622, апрель – 1625, март	Шамшев, 1606/07, 1607/08, дек. 1610
								Никита Нехорошев Мещерский, 1638, март	Тимофей Яковлев Ростопчин, 1622, январь – 1636, июнь
								Степан Воинов Завалишин, 1644, сентябрь – 1650, апрель	Афанасий Никифоров Ежевский, 1623, октябрь 1627
									Михаил Андреев Обутков, 1637, июнь – 1649, май

Приложение 2.3. Новгородские городовые приказчики конца XVI – начала XVII в.

Иван Федоров Неелов, 1586/87, 1591, 1592, 1592/93, 1593/94, 1602, 1603/04

Иван Мякинин, 1591

Неждан Луговской, 1602

Иван Никитич Порецкий, с 1605/06, 1608/09, 1611, 1612, до марта 1613

Федор Иванов Змеев, 1606/07, 1611, осень 1612, май 1613

Василий Леонтьев Зиновьев, 1616/17

Филипп Алексеев Скрипицын, 1625/26

Приложение 2.4. Новгородские судьи

Ратай Мусин, 1593/94, 1599/1600, 1601/02 и в 1602/03 гг.

Илья Иванович Плещеев, 1595/96

Осип Вешняков Назимов, 1596/97 и 1597/98

Василий Иванович Белеутов, 1603/04

Михаил Борисович Боборыкин, 1603/04

Афанасий Андреевич Еремеев, 1609

Василий Иванович Трусов, 1611/12 и 1614/15, также апрель 1616

Василий Туханович Аврамов, 1613/14

Михаил Нефедьевич (Злобин) Аничков, 1613/14

Андрей Тимофеевич Ногин, 1613/14

Третьяк Семен Семенович Якушкин, 1613/14

Василий Леонтьевич Зиновьев, 1616

Лука Иванович Милославский, август 1616

Семен Федорович Муравьев, 1644, 1646

Приложение 2.5. Стрелецкие головы и стрелецкие сотники Новгорода, новгородских пригородов а также Гдова и Тихвина

Новгород

Стрелецкие головы

Осан Антонов Отяев, 1588/89

Василий Гаютин, 1611

Иван Измайлов Шипилов, 1617

Константин Федоров Частой, 1623

Иван Григорьев Баранов, 1629

Стрелецкие сотники

Тимофей Товарищев Горихвостов, 1586/87

Архип Федосеев Бачманов, приказ Михаила Косицкого, 1586/87

Иван Одинцов, 1590

Андрей Рындин, 1599

Юрий Степанов Ширин, 1606/07 (?)

Михаил Кашинцов, 1610

Иван Шипилов, декабрь 1610

Семой Бровцын, 1610–1612

Иван Паршин, 1611

Обрей Муслюмов, 1611

Богдан Торжнев, февраль 1611

Гаврило Васильев Обернибесов, 1617

Федор Савельевич Баишев, 1617, 1621, 1629

Григорий Григорьев Обольянинов, 1619

Самсон Змеев, 1620/21

Друган Михайлов Масленицкий, 1620/21, 1629

Григорий Петров Хомутов, 1620/21

Тихвин

Стрелецкие головы

Иван Измайлов Шипилов, 1615

Стрелецкие сотники

Петр Федоров Уваров, 1615

Степан Анисимов Оклячиев, 1615/16

Остафий Петров Юров, 1616/17

Ивангород

Стрелецкие головы

Василий Тулубьев, 1590/91 и 1592/93

Иван Неклюдов (Александрович) Мунзорин, 1596, 1598/99

Шаврук Лаврентий Никитич Муравьев, 1603/04

Григорий Никитич Муравьев, 1605

Стрелецкие сотники

Григорий Никитич Муравьев, 1590/91

Третьяк Семен Семенович Якушкин, 1590/91

Федор Рясницын, 1591/92

Яков Иванов Гурьев, 1593/94

Омена Шаблыкин, 1598/99

Федор Григорьев Аминев, май–июль 1601

Борис Савинов Бекетов, 1601/02

Петр Ермолич Хомутов, 1602/03

Иван Захарьев Савин, 1605

Афанасий Никитин Есюков, 1605

Петр Сергеев Уразов, 1613

Орешек

Стрелецкие головы

Михаил Борисович Боборыкин, 1590/91

Стрелецкие сотники

Ляпун Федоров Кушелев, 1590/91

Никита Федоров (Басаргин) Нелединский, 1595/96

Петр Ермолич Хомутов, 1601/02

Иван Дмитриев Кобелев, январь 1601, сентябрь 1605

Ладога

Стрелецкие головы

Григорий Никитич Муравьев, октябрь 1618

Степан Парфеньев Унковский, февраль–март 1619

Стрелецкие сотники

Яков Степанов Шепяков, 1586/87

Ям

Стрелецкие сотники

Яков Иванов Гурьев, 1605

Гдов

Стрелецкие сотники

Федор Григорьев Аминев, 1596/97

Никифор Андреев Блеклый, 1605

Корела

Стрелецкие сотники

Иван Дмитриев Кобелев, 1598/99

Иван Остафьев Ожогин, 1607

Яков Степанов Шепяков, 1605

Копорье

Стрелецкие сотники

Ефим Никифоров Коковцов, 1601/02

Степан Григорьев Шаталов, 1601/02

Петр Ермолич Хомутов, 1605

Порхов

Стрелецкие сотники

Григорий Степанов Щеголев, февраль 1612

Приложение 2.6. Острожные головы

Тесовский острог

Григорий Никитич Муравьев, декабрь 1611 – середина марта 1612

Федор Максимович (Зверев) Муравьев, 15 марта 1612, видимо, еще 27 июня 1612

Григорий Степанович Обольянинов, 1613/14, август 1614, до 4 декабря 1614

Кн. Гаврило Иванович Нарымов, с 4 декабря 1614 г., май 1615

Федор Афанасьевич Одинцов, июль – октябрь 1615

Кн. Гаврило Дмитриевич Гагарин, 30 июля 1616, январь 1617

Григорий Степанович Обольянинов, назначен до мая 1617 г.

Петр Степанович Обольянинов, октябрь 1629–март 1630

Никита Яковлевич Тырков, до 21 марта 1630–июнь 1631

Василий Микулич Воронин, июнь 1633

Пимен Федорович Муравьев, октябрь 1639

Устрецкий острог

Никита Васильевич Вышеславцев и Игнатий Харитонович Харламов, февраль 1612

Ивнинский острог

Матвей Лаврентьевич (Шавруков) Муравьев, строитель и воевода, около июля 1614

Григорий Степанович Обольянинов, с начала декабря 1614

Иван Захарьевич Баранов, до марта 1615

Зарецкий острог

Степан Фомич Тимашев, март–апрель 1614

Никита Матвеевич Зиновьев, лето 1614

Петр Ермолич Хомутов, 1616

Бельский острог

Богдан Иванович Ададунов (?), июль 1613

Григорий Степанович Обольянинов, март 1614

Водосский острог

Никита Иванович Калитин, сентябрь 1614, апрель 1615

А. А. СЕЛИН

Новгородское общество эпохи Смуты

<http://nwae.spb.ru/?0-314>

Материал предоставлен автором и размещен на сайте Северо-Западной археологической экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. профессора Г.С. Лебедева НИИКСИ СПбГУ

<http://nwae.spb.ru>